

Вальтер Скотт
Анна Гейерштейн

Или Дева Тумана



Вальтер Скотт

**Анна Гейерштейн.
Или Дева Тумана**

«Издательские решения»

Скотт В.

Анна Гейерштейн. Или Дева Тумана / В. Скотт —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850798-4

«И да будет известно, сколь разнятся мнения автора и издателей, по крайней мере многих из них, относительно названия книг; и очень жаль, сколь важен титул для книгопродавца, который, в оправдание риска денежных вложений, заходит так далеко, чтобы продать еще не напечатанное. Автор же более всего желает быть вознагражденным с последней перевернутой страницей». Сэр Вальтер Скотт

ISBN 978-5-44-850798-4

© Скотт В.
© Издательские решения

Содержание

Введение	8
Глава I	18
Глава II	28
Глава III	42
Глава IV	61
Глава V	67
Глава VI	74
Глава VII	80
Глава VIII	87
Глава IX	91
Глава X	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Анна Гейерштейн Или Дева Тумана

Вальтер Скотт

Переводчик Владимир Викторович Голубихин

© Вальтер Скотт, 2017

© Владимир Викторович Голубихин, перевод, 2017

ISBN 978-5-4485-0798-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

SIR WALTER SCOTT
ANNE OF GEIERSTEIN
OR THE MAIDEN OF THE MIST

*Как! Ужели, кровь Ланкастеров
Стремится землю обогреть?*

У. Шекспир «Генрих VI»



Вальтер Скотт
АННА ГЕЙЕРШТЕЙН
или
Дева Тумана



Введение

«Роман этот написан в то время, когда обстоятельства не позволяли мне воспользоваться библиотекой, в достаточной мере богатой работами исторического плана и в особенности средневековыми мемуарами, в коих привык я черпать сюжеты для своих сочинений. Другими словами, то был плод не тихих деревенских ночей до утра, а досужих часов¹ в родном Эдинбурге. Положившись на память, безусловно цепкую и глубокую, но и не менее капризную при непрестанном обращении к ней, я должен сознаться, что в нем куда больше исторических неточностей, нежели можно встретить в моих прочих романах. Хуже того, часто восхваляемый прежде за свою неизменную память, на склоне лет я вынужден признать за истину ответ старого Битти Микледла на панегирик приходского священника, относительно его того же самого дара. «Увы, святой отец, – повинился честный помещик пограничного края, – память моя никак не повинуется мне, она сохраняет лишь то, что случайно поражает мое воображение, и вполне вероятно, сэр, что из всей двухчасовой проповеди, которую вы нам прочтете ныне, я не запомню ни единого слова». И хотя, быть может, существует много людей, чья память служит им в равной мере исправно, несмотря на их широкий кругозор, мне приходится сообщить, что источник мой, богатый всевозможными обрывками стихов или чертами характеров, поразивших однажды мое воображение, является слабым помощником мне не только относительно названий и дат различных исторических событий, но и при куда как более важных обстоятельствах.

Я надеюсь, что это оправдает одну мою ошибку, на которую было указано мне потомком прообраза персонажа настоящего романа: сетовал он по причине, что я вывел представителя выдающейся и благородной древней фамилии, ни один носитель которой никогда либо не опускался до низкого звания, простолудином; и теперь, насколько возможно, я спешу исправить эту оплошность – *родовое имя человека, изображенного на этих страницах золотурнским послом, носили и носят представители знати*. Тот же самый корреспондент мне напомнил о другом моем промахе, который я полагаю не столь серьезным: он заявляет, что император, правивший во времена к коим обращен мой роман, несмотря на то, что предок его Леопольд пал в знаменитой битве при Земпахе², никогда не выступал против привилегий доблестных швейцарцев, но напротив, проявлял неизменные осторожность и терпимость в обращении с этим народом, пожелавшим стать независимым, также как мудрость свою и великодушие являл он ко всем прочим вассалам, пребывающим в верности имперской короне³. На ошибки подобного, хотя и тривиального рода, никогда, по моему убеждению, не может быть указано автору, без того, чтобы он не пожелал от всей души с теми утверждениями согласиться.

Что же касается главной проблемы, наиболее любопытной и интересной, по меньшей мере в глазах всех изучающих древность, которую я затронул по ходу данного рассказа, я имею в виду *Vehmische*⁴ – тайные судилища в Вестфалии, одно упоминание о которых в продолжение многих веков вселяло в людей неимоверный страх, и которые гениальным Гёте,

¹ Другими словами В. Скотта из его поэмы «Мармион»: ...миг свободный от забот, Опять же труд усердный нам несет.

² Леопольд III – австрийский герцог из династии Габсбургов пал в битве при Земпахе 9 июня 1386 года, защищая австрийское знамя.

³ Речь идет о Фридрихе III (1415—1493) – германском короле с 1440 г., императоре «Священной Римской империи» с 1452 г., австрийском эрцгерцоге с 1453 г., из династии Габсбургов, неудачливом правителе, не раз изгонявшемся из собственных владений, но не устававшем твердить: «Австрии суждено повелевать миром»

⁴ Феме (нем. feme – объявление вне закона) – в средние века полулегальные суды в Германии, выносившие приговоры в порядке секретного разбирательства в отсутствие обвиняемого, и приводившиеся в исполнение при весьма таинственных обстоятельствах.

спустя время, были воссозданы в представлении общества полные донельзя давно позабытого ужаса,⁵ – то должен сказать, что на нее недавно был пролит совершенно новый и существенно важный свет знания, ибо прежде чем работа над «Анной Гейерштейн» завершилась, мой друг, неутомимый изыскатель, м-р Френсис Пэлгрейв любезно прислал мне свой кропотливый труд, выдержки из которого я использую в данном пассаже, и возможно, в полном объеме он будет представлен вниманию публики еще до того, как эти строки напечатают.

«В Германии, – говорит сей знаток, – существовало весьма странное судопроизводство, которое *совершалось еще в бытность языческих идолов и мистических верований у древнейших тевтонов*.

Нам известно из исторических сочинений о Саксонии то, что «Das freie Feldgericht», или «Свободный полевой суд» в Корби⁶ во времена язычников пребывал в ведении друидов Эресбурга, где находилось капище Ирмина, хранящее древо Ирминсуль⁷; и после торжества истинной веры над языческой, Людовик Благочестивый⁸ передал земли идолопоклонников аббатству, которое уже давно притязало на них.

Трибунал состоял из шестнадцати судей, избираемых на эту должность пожизненно. Самый старший председательствовал в нем как *gerefa*, или *graf*⁹; следующий за ним по годам исполнял более скромные обязанности *frohner*, или «секретаря»; остальные четырнадцать действовали как *eshevins*¹⁰, и от которых зависело, будет подсудимый оправдан или осужден. Когда кто-то из них умирал, друидами избирался новый судья из двадцати двух кланов, иначе родов, населяющих «gau», или округ, и считающихся исконными жителями этих земель. Впоследствии выбор вершился монахами, но всегда с одобрения «графа» или «секретаря».

Судебное разбирательство, так называемый «Суд королевской скамьи», или «König's stuhl», вершилось всегда на поле; и мы не ошибемся, предположив, что «полевой суд» был собираем или назначался также на каком-нибудь поле «gau», с целью разрешения споров относительно соседних с ним земельных угодий. Место вышеозначенного «Суда королевской скамьи», представляющее собой площадку шестнадцати футов¹¹ в длину и столько же в ширину, вначале освящалось; для чего ее обносили неглубоким рвом, и каждый из шоффенов бросал в него кто горстку пепла, кто угля, кто черепки. Если возникало какое-либо подозрение, что выбранное место очищено не до конца, судьи искали знаки скверны, ибо приговор, вынесенный трибуналом на нечистом месте, не имел силы закона. Также было очень важно суду совершиться до захода солнца. Все судебные разбирательства у тевтонов в древнейшее время проходили под открытым небом и в ясные дни. Некоторые следы непосредственного обращения к Солнцу могут быть обнаружены и в языке тех судебных процессов. Церемониальный порядок «Полевого суда» также весьма схож с установлениями британских бардов относительно «gorseddau» – «круга бардов», которому «всегда были доступны и дуновение ветра, и солнечный свет»¹².

⁵ Речь идет о трагедии И. Ф. Гёте «Гец фон Берлихинген».

⁶ Имеется в виду бенедиктинский монастырь Новый Корби на Везере, основанный в 822 г. и прославившийся своей миссионерской деятельностью в Германии.

⁷ Ирмин – божество в германской мифологии. Ирминсуль – мировое древо саксов. Капище находилось в Эгтских горах и было разорено в 772 г. в ходе войны Карла Великого с саксами.

⁸ Людовик Благочестивый (778—840) – сын Карла Великого, франкский император с 814 года.

⁹ Graf – граф, в раннем средневековье в Западной Европе – должностное лицо, наделенное судебной, административной и военной властью (нем.).

¹⁰ Echevins (шоффены или эшеваны) – члены суда старейшин, советники (франц.).

¹¹ Фут – единица длины в системе английских мер, равна примерно 0,3 м.

¹² Место их встреч выделялось камнями вокруг «скалы бардов» или «камня бардов» – Уильям Оуэн Пуг, примечания «Elegies of Lewarch Hen». (Примеч. автора.)

Тогда как обвиняемый представал перед судьями, чтобы выслушать приговор или иное какое решение графа и шоффенов, вершащих «Суд королевской скамьи», глашатай требовал тишины и открывал слушание следующими стихами:

Господин граф, велите,
Вас молит слуга,
Минута каждая дорога,
Возвестить —
Случилось ли освятить
В полной мере ту пядь земли,
Что под суд королевской скамьи отвели?

На что граф отвечал:

Сколь озаряют солнца лучи одинаково всех:
И слуг, и господ; внимаю справедливому зову,
И властью закона вещаю: нет помех
Начать суд нелицеприятный сурово,
Что на чистом месте расположен.
Да огласит истец пред богом и людьми вину
Ответчика, и оправдается тот, коли сможет.

В соответствии с принятым решением, глашатай занимал место посередине площадки и вступал во второй раз:

Господин граф, владетель славный,
Вашей чести напомнить тут должен,
Как слуга, несущий службу исправно,
Чтобы праведный суд стал возможен,
Надо сравнить это и ваше мерила —
Толстосуму и бедняку равно годны ли
Они для обмера земельных наделов,
Иначе — рядиться без дела.

И с теми словами клал он на землю аршин. Граф под надзором шоффенов, измерял лежащую на земле палку, приложив конец своего «правильного аршина» к ее концу. И когда, таким образом, доказывалось ее соответствие оной, глашатай спрашивал в третий раз:

Владыка, спросить велит мне закон:
Можно ли мерить этим аршином
Прилюдно поля спорных сторон,
Что к суду прибегнуть решили?

И граф отвечал:

Даю такое право,
И под угрозою виры¹³ и наказания плоти

¹³ Вира – штраф.

Запрещаю неправду чинить и расправу,
Мерить велю по древним законам, известным в народе.

Тотчас же приступали к измерению делянок посредством аршина, обходя их вдоль и поперек, совершая необходимые замеры и устанавливая истинные величины полей. Когда все было готово, граф занимал свое место в суде и повелевал шоффенам огласить решение, как того требовали закон и обычай.

С одобрения мира на этом поле сейчас,
Под оком, с небес смотрящим на нас
В ясный день, начать в самый раз
Не предвзятый наш суд.
Подойдите и встаньте вот тут,
Мужи велемудрые, так же как шли вы
Друг за другом в поле не суетливо
В поисках правды; и без волокит
Пусть каждый из вас все как есть говорит,
И падет кара на вора, пока солнце стоит.

И вердикт выносился согласно большинству голосов шоффенов».

После замечания, что автор «Анны Гейерштейн» позволил себе «весьма извинительную поэтическую вольность», позаимствовав кое-что из стихотворных свидетельств «Открытого полевого суда» аббатства Корби и переместив их в «Независимые трибуналы Феме» Вестфалии, м-р Пэлгрейв указывает на необходимость исправить ряд ошибок в романе, и вместе с тем, он полностью разделяет мнение его автора, относительно действительного устройства последних названных судов. Далее он говорит: *«Протоколы судебных слушаний не подтверждают бытующее мнение о творимых ими жестокостях и насилии»*. И тут мне должно засомневаться – достаточно ли сухих протоколов заседаний трибуналов, чтобы совершенно пренебречь народной традицией, и отдать предпочтение им? Однако в следующих реминисценциях, без сомнения, содержится много такого, что заставит задуматься как знатоков древности, так и досужего читателя.

«Суд, – сообщает м-р Пэлгрейв, – известный своей открытостью, проистекал под бдительным «оком светила»; и приговор его, хотя и приводимый в исполнение нередко мгновенно и безжалостно, выносился основываясь на обыкновенном, историческом законодательном праве, что не так уж и странно, – тем более применительно к Англии¹⁴ – как это может на первый взгляд показаться.

Вестфалия согласно древнему землеустройству была разделена на округа называемые «*freugraffschafften*»¹⁵, в каждом из которых находился один, иногда больше, трибунал *Vehmisch*, границы действия каковых были строго определены. Правосудие «*stuhlherr*»¹⁶, или лорда, основывалось на феодальном праве и по обыкновению всецело могло быть перепоручено одним лицом другому; и если лорд не желал отправлять его сам, то назначал «*freigraff*»¹⁷ следить за порядком в его земельных владениях. В состав суда входили «*freyschoppenen*»,

¹⁴ Две системы управления государством – централизованная, при которой правительство все дело управления берет в свои руки, и историческая, при которой большая часть власти принадлежит органам самоуправления, – нигде не реализовывались в Англии отдельно друг от друга, но представляли то или иное их сочетание.

¹⁵ Независимые графства (нем.).

¹⁶ Знатного господина (нем.).

¹⁷ Свободный граф (нем.).

иначе «scabini»¹⁸, или шоффены, избираемые графом, и разделенные на два сословия: простых и «wissenden», или «вещих», то есть посвященных во все секреты и таинства трибунала.

Посвящение во все таинства суда происходило только на «Отчей земле» – в пределах древнего герцогства Вестфалии. С непокрытой головой и связанным посвещаемый представлял перед грозным трибуналом и был допрашиваем им – прежде всего, он должен родиться свободным тевтоном¹⁹, и не преследоваться когда-либо по судебному решению трибунала, членом которого стать собирался. Если его ответы удовлетворяли допрашивающих, то он клялся на Святом Писании в том, что не раскроет таинств «Святого Феме» ни жене, ни детям; ни отцу, ни матери; ни брату, ни сестре; ни в огне, ни в воде; утаит их от всех существ, греющихся под солнечными лучами или мокнущих под дождем; от каждого, кто есть и кто будет меж небом и землей.

Следующее соглашение касалось прямых его обязанностей. Он клялся, что будет «сообщать впредь» трибуналу обо всех преступлениях или проступках преследуемых по имперским законам, которые доподлинно случились, или о которых он будет извещен доносителем заслуживающим доверия; и не сокроет их ни ради любви, ни из ненависти, не из-за золота, серебра или драгоценных камней. Эта клятва делала его новым «freischopff», коего посвящали в таинства суда Феме. Он узнавал пароль, посредством которого должен был распознавать других «вещих» – некое символическое рукопожатие, каковым они обменивались с глазу на глаз; и уведомлялся относительно страшного возмездия, ожидающего клятвopреступника – если он раскроет тайну, то внезапно схвачен будет «орудиями мести». Ему завязжут глаза, бросят лицом наземь, разрежут шею, протаскают язык назад и повесят за него в семь раз выше, чем любого иного преступника. Страх ли перед наказанием, или чрезмерно крепкие неведомые тенета препятствовали нарушению клятвы, неизвестно, однако не было ни единого случая раскрытия тайн трибунала.

Таким образом, связанные неким обязательством, члены «Священного Феме» стали чрезвычайно многочисленны. В XIV столетии их лига насчитывала более ста тысяч членов. Люди всякого сословия были связаны с этой могущественной организацией и пользовались неприкосновенностью, которая на них распространялась. Государи приветствовали принадлежность своих ближайших советников к этому загадочному священному альянсу, а все города Империи стремились, чтобы их судьи были из братства Феме.

Верхушка судов Феме избиралась во всеобщем Собрании, где присутствовали «свободные графы» и «вещие» всех рангов. На Собрании должен был главенствовать сам император, но обычно он заменял его своим представителем – штатгальтером²⁰ древнего герцогства Вестфалии; а после падения Генриха Льва, герцога Брауншвейгского²¹, должность эту прибрал к рукам Архиепископ Кельнский.

Перед главой Собрания все члены лиги обязаны были отчитываться в своих действиях. И это явствует из следующего: *«Заседатели поведали о слушаниях, на которых они присутствовали в пределах их юрисдикции в течение года. Недостойные члены были изгнаны или держали суровое испытание»*. Уставы, или как по иному они назывались – «Реформации», утверждались здесь же для отправления правосудия и во избежание каких бы то ни было злоупотреблений; и всякие новые и неожиданные казуистические случаи, кои не подпадали ни под одно определение закона, находили свое разрешение в Собрании Феме.

¹⁸ Свободные заседатели (нем.).

¹⁹ В раннее средневековье германцы делились на свободных – сословие господ-завоевателей, и несвободных – покоренных ими.

²⁰ Штатгальтер (нем. statthalter) – наместник в землях Австрийской империи.

²¹ Генрих Лев (1129—1195) – герцог Саксонии в 1142—1180 и Баварии в 1156—1180. Конфликт с императором Фридрихом I Барбароссой привел к потере Генрихом Львом почти всех его владений, кроме герцогства Брауншвейгского.

Поскольку шоффены были двух типов: непосвященные и посвященные; то и суды Феме также существовали в двух ипостасях: «Offenbare Ding» был «открытым судом», или «прилюдным», но «Heimliche Acht»²² был известен как «Закрытый трибунал».

Первый собирался три раза в год. Согласно древнему тевтонскому обычаю это происходило во вторник, который назывался раньше «dingstag»²³, или «судным днем» – первый трудовой день недели после двух праздных – дней Солнца и Луны, иными словами воскресенья и понедельника. Сюда являлись все жители округа – свободные и нет – как просители. «Открытый суд» решал гражданские дела, и в этот «народный суд» мог прийти любой потерпевший от преступления, или от несправедливого судебного приговора, и получить помощь там, где было бессильно обычное правосудие, не обладавшее той властью, какую имел трибунал Феме. Здесь писались заявления местных жалобщиков, или «доносы», как тогда их называли, обо всех известных им прегрешениях соседей.

Трибуналы Феме занимались всеми видами преступлений. Они могли преследовать даже за банальные наветы и мелкие оскорбления. Нарушение любой из Десяти Заповедей наказывалось шоффенами. Противоестественным преступлениям, которые не могли быть доказаны показаниями свидетелей, – магии, ведовству, наведению порчи, уделялось особенное внимание судами Феме, и очень долгое время почиталось их долгом блюсти совесть и честь человеческие сообразно с догматами веры. Такое предопределение, если можно так выразиться, очевидно, побуждало всякого обиженного человека приносить свои жалобы в суды Феме. Насильственный захват земли был равносильен преступлению против Феме. И если собственность простого человека была отнята богатыми бюргерами Ганзы²⁴, те обязаны были представить главам Феме убедительные доводы в оправдание своих действий.

Шоффены, как блюстители исполнения имперских указов, были обязаны объезжать свои округа и ночью и днем. Если им попадался вор, убийца или иной злоумышленник, совершивший какое-либо отвратительное деяние на земле манора²⁵, и был схвачен с поличным или благодаря своему болтливому языку, то его вешали на суку первого попавшегося дерева. Но, дабы казнь имела силу закона, необходимы были следующие условия: недавнее судебное постановление, возможность задержания и наказания преступника от рассвета и до наступления сумерек, а также достоверное свидетельство злодеяния; и, наконец, должно быть не менее трех шоффенов, которые хватали злодея, представляли его свидетелю и объявляли приговор.

Если человек подозревался в совершенном им преступлении в отсутствие обвинителя или очевидца, или, когда вина его зиждилась лишь на слухах и предположениях, то обвиняемый подлежал, что называется немецкими юристами суду «инквизиции», и шоффены судили его Закрытым трибуналом, основываясь на злой «leemund»²⁶. Буде шоффены и граф не сомневались в достоверности слов своих товарищей, или сами были убеждены в своей правоте, преступник считался «verfämbt» – обреченным; и где бы он ни был обнаружен братьями трибунала, приговор приводился в исполнение без малейшей задержки и тени милосердия. Подозреваемого, убежавшего от шоффенов, ожидала в точности такая же участь, как и того, кто был вызван согласно чьей-нибудь жалобе в «открытый суд» и туда не явился. Но ни один из «вещих» не мог быть подвержен суду бездоказательно, или суду инквизиции,

²² Himmlische auge – суд небесного (всевидающего) око или суд вышний (нем).

²³ Dienstag – «вторник» (нем.)

²⁴ Ганза (нем. Hanse) – торговый и политический союз северонемецких городов в XIV – XVI вв. (формально до 1669) во главе с Любеком. Ганзе принадлежала торговая гегемония в Сев. Европе. В Ганзу входило до 100 городов. С конца XV в. начался упадок Ганзы. Бюргер (нем. burger – горожанин) – житель западноевропейского средневекового города; термин, чаще всего употребляющийся в исторической литературе для обозначения среднего слоя населения средневекового города.

²⁵ Манор – владение, феодальное поместье, вотчина (англ).

²⁶ Молва (нем).

ибо преданность его не была опровергнута. И возникшие глубокие подозрения или *leemund*, фатальные для непосвященного, могли быть полностью отменены всего лишь клятвенным заверением самого подозреваемого. Если же сторона, выступавшая с обвинением, настаивала на дознании, то подозреваемый являлся в суд и защищал себя сам. Коли он скрывался, а факты и свидетели виновность его подтверждали, сторона обвинения настаивала перед судьями Секретного трибунала на вынесении ему смертного приговора. Подобные обвинительные слушания, как уже говорилось, проходили по большей части в «*Heimliche Acht*». Разбирательство после допроса свидетелей не отличалось никакими характерными особенностями, и формальности проистекали точно также как и в обычных судах. То, что только «вещие», или «посвященные», могли предстать перед судьями – их привилегия, гарантирующая суд по всем правилам, не принимающий во внимание *leemund*, было одной из причин, которая побуждала многих из тех, кто не «ступал на отчую землю», стремиться связать себя тайными узами с Феме.

Ничего таинственного не происходило на собраниях «*Heimliche Acht*». Возле дуба или под липой судьи собирались среди бела дня доступные взору небесного ока. Тайный трибунал получил свое название из-за принимаемых им предосторожностей во избежание распространения слухов о вынесенном преступнику приговоре, дабы тот не смог заблаговременно скрыться и избежать правосудия Феме. Отсюда ужасная таинственная присяга затворяющая уста шоффенов. И если какой-нибудь посторонний обнаруживал себя на суде, он немедленно расплачивался за то собственной жизнью в наказание за проявленное им безрассудство. Если о жалобе или доносе случайно становилось известно обвиненному в преступлении, закон позволял ему покаяться в суде. Но то было отнюдь обращением бесполезным, тщетной мольбой – уверить в своем раскаянии суд Феме было почти невозможно, и несчастный редко догадывался об отношении судей к его заверениям, пока на шею ему не набрасывали петлю.

Согласно древней традиции Вестфалии, трибунал Феме основал Карломан²⁷ с целью отвращения саксов от идолопоклонничества, от коего они и были впоследствии отлучены не силою убеждения, но меча. Это суждение, однако, не подтверждено ни письменными источниками, ни историками-современниками. И если мы вчитаемся в протоколы трибунала Феме, мы увидим, что они в принципе по своим характерным признакам ничуть не отличаются от показательных судов происходивших в Англии в англо-саксонский период. В нашей стране вор или грабитель также подлежал суду на скорую руку, если попадался с поличным жителям окрестных сел; и теми же самыми нормами они руководствовались, махом одним приводя приговор в исполнение. Англичанин, объявленный вне закона, был подобен тому, кто вырвался из рук шоффенов или не рискнул предстать пред судилищем Феме; он приговаривался не будучи заслушан и не имея возможности взглянуть на своих обвинителей. Инквизиторские процессы, говоря языком немецких юристов, являются образчиками нашим древних судов. Домыслы взамен доказательств, и общественное мнение вместо ответственного обвинителя. Изгой в саксонский период, или разыскиваемый по ходу дознания в последующую эпоху, был едва ли отличен от заклеяменного *leemund*, поощряемой законами Феме.

При небрежении и преступлении обыкновенных законов не было сколько-нибудь существенных различий между английскими и Феме слушаниями. В процессах инквизиционных и нашего древнего права, преступнику позволялось оправдаться посредством испытания. Обвиняемый предстал или перед окружным судьей, или перед местным таном²⁸, и очищался клятвой в своей благонамеренности; однако его «жгли железом», если он не имел репутации добропорядочного человека. Точно так же, возможно, изначально происходило

²⁷ Карломан – имеется ввиду Карл Великий (742—814), франкский король с 768, с 800 император; из династии Каролингов. Его завоевания привели к образованию обширной империи. Политика Карла Великого (покровительство церкви, судейские и военные реформы и др.) содействовала формированию феодальных отношений в Западной Европе.

²⁸ Тан – землевладелец, представитель родовой знати у англо-саксов.

и в Вестфалии: «посвященный» при предъявлении обвинения мог отвергнуть его очистительной клятвой, полагаясь на известное всем свое доброе имя; а «непосвященный», пользуясь меньшим доверием и известностью, должен был прибегнуть к очищаемому испытанию. Но когда «Суд Божий» был отменен указами Церкви, судьи Феме не удосужились заменить его судом прецедентов, который ныне являет отличительную черту английского правосудия, и обвиняемый непроизвольно превратился в обреченного. Таким образом «Heimliche Acht» оказался исключительно карающим органом.

Трибуналы Феме могут рассматриваться как выдающееся изначально правосудие «Древней Саксонии», кое пережило порабощение своей отчизны. Все эти таинственные и мистические обряды, энигматический язык, использование опознавательных знаков и символов зародились, верно, в ту эпоху, когда люди всего мира, пребывающего в поклонении «богам отмищения», ожидали свершения вещей кары и зова «воинов смерти», собираясь, как асы в прежнее время, пред алтарями Тора и Одина.²⁹ От подобных языческих представлений, так ясно прослеживаемых в исландских судах, в английских тяжбах о земле сохранились лишь жалкие крохи; но даже их извлечь оттуда никому не удосужилось, и целый мир сокрыт в обыкновенных судебных тяжбах.

Суды Феме, чьи слушания хотя и проходили безупречно с точки зрения современного права, как выясняется, даже в тот, поистине варварский век, вовсе не были бесполезны. Их суровое и при загадочных обстоятельствах производимое мщение сдерживало алчность аристократов-разбойников и защищало бедных просителей; в известной степени злоупотребление ими своей властью может быть даже оправдано в Империи, разделенной на многочисленные независимые территории, не имеющие единого правителя способного отправлять беспристрастно поправное правосудие. Но поскольку время исправляло сие положение, то и трибуналы Феме понемногу вырождались. Шоффены, избранные из низов, не обладали более никакой свободой действий. Выступая против богатых городов Ганзы и относясь неприязненно и даже враждебно к могущественной знати, трибуналы некоторых округов тем самым противопоставляли себя власти и, в конце концов, были упразднены, а оставшиеся сохранились лишь в значении земских судов, по большому счету ни на что не способных. При всем том, трибуналы Феме кое-где номинально существовали еще в XVIII столетии³⁰, и как легко догадаться, они не обладали даже и малой долей былого могущества». — *Пэлгрейв о зарождении и развитии английской государственности. «Наглядные доказательства».*

Я отметил курсивом наиболее важные места в предыдущем тексте. Суждение, заключенное в них, на мой взгляд, вполне похоже на правду; и если они в результате кропотливых исследований станут фактом, это, безусловно, принесет немалую славу английскому филологу обнаружившему ключ к тайне, над которой тщетно бьются прилежные и мудрые мужи, изучающие германскую древность.

Имеется, вероятно, немало других тем, которые я хотел бы, пользуясь случаем, подвергнуть широкому обозрению, но необходимость подготовиться к далекому заморскому путешествию с целью восстановить свои здоровье и силы, кои по времени порастратились, заставляет меня в данный момент сделать короткое мое обращение кратким.³¹

²⁹ То есть в ожидании Рагнаради (др.-исл. рок богов) – в скандинавской мифологии представление о гибели мира, сопровождающейся затмением солнца, землетрясениями и выходом из подземного мира хтонических чудовищ, с которыми будут сражаться боги-асы и воины-смерти (восставшие из мертвых). Тор и Один – верховные божества германо-скандинавской мифологии

³⁰ Суды Феме просуществовали до наполеоновских времен.

³¹ Сэр Вальтер Скотт 17 сентября устраивает прощальный ужин в Эбботсфорде, 23-го покидает свой дом, а 29-го отплывает в свое последнее путешествие на фрегате «Барэм» из Портсмута в Италию.

И хотя я никогда не был в Швейцарии, и многочисленные ошибки, должно быть, присутствуют в моих попытках описать красоты того романтического края, я не могу умолчать о своем глубочайшем удовлетворении тем, что работа моя была встречена более чем сердечно потомками альпийских героев, чьи образы я имел смелость представить; и теперь я с признательностью выражаю мою благодарность нескольким господам из Швейцарии, которые пожелали, поскольку роман там был издан, пополнить мою скромную коллекцию оружия³² образчиками огромных мечей, кои остригли копья австрийских рыцарей при Земпахе, и в кровавые дни битв при Грансоне и под Муртенем³³. Из древних двуручных швейцарских *espadons*³⁴ я, таким образом, получил от множества различных персон, которые сим освидетельствовали свое одобрение этим страницам, полагаю, не меньше шести в превосходном состоянии. Они не менее замечательны, чем гигантские мечи, – почти тех же размеров и вида – коими пользовались в сражениях с прославленными английскими рыцарями и *man-at-arms* храбрые *foot soldiers*³⁵ Уоллеса³⁶, кои под его единоначалием заложили основы независимости Шотландии.

Читатель, пожелавший более детально познакомиться с историей той эпохи, которая обнимает роман, найдет вполне достаточно средств для того в ценных трудах Цшокке и барона де Баранта – их сочинения о герцогах Бургундии считаются наиболее обстоятельными из всех европейских новинок; а также в новом парижском издании Фруассара³⁷, который еще не привлек к себе такого внимания в нашей стране, хотя в полной мере этого достоин.

W. S.

Эбботсфорд, 17 сентября, 1831

³² Сэр Вальтер Скотт иронизирует над собой – его коллекция средневекового и прочего оружия была огромна.

³³ Эти знаменитые битвы бургундцев со швейцарцами случились в 1476 году и закончились победами последних.

³⁴ Эспадон – большой тяжелый двуручный меч (франц.).

³⁵ *Man-at-arms* – тяжеловооруженные всадники, главная ударная сила средневековых армий. *Foot soldiers* – пехота (англ.).

³⁶ Уильям Уоллес (1270—1305) – национальный герой Шотландии, поднял на борьбу с англичанами всю страну, нанес ряд крупных поражений войскам короля Эдуарда I (1239—1307), но затем был схвачен и жестоко казнен.

³⁷ Цшокке Генрих (1771—1848) – популярный немецкий историк и романист, живший в Швейцарии. Барон Гильом де Барант (1782—1866) – французский историк, автор «Истории герцогов Бургундских». Фруассар Жан (ок. 1337 – после 1404) – французский хронист, поэт; служил при дворе английского короля; в «Хрониках» отразил события 1327—1400 (главным образом Столетней войны).



С ледников, клубясь, вздымается туман;
Кипит, клоочет подо мной, и пенится, и злится,
Как пробудившийся от спячки океан...
...Шатаюсь я: голова кружится.

Д Байрон, «Манфред»

Глава I

ПОЧТИ четыре столетия миновало с тех пор, как на материковой части Европы совершились события, о которых речь пойдет в настоящем романе. Летописи, служившие несомненным доказательством их достоверности, исстари хранились в знаменитой библиотеке Санкт-Галленского монастыря, но, увы, вместе с другими литературными сокровищами этой обители погибли при разграблении монастыря французскими революционными войсками³⁸.

Ход исторических событий позволяет нам отнести их ко второй половине XV века, к той великой эпохе, когда рыцарство еще блистало в последних лучах своей славы и коему суждено было вскоре померкнуть – в некоторых государствах из-за образования новых институтов прав и свобод, в других же из-за растущей власти монархов, жестоко расправлявшихся с теми наследными владетелями, коим единственной гарантией власти служил только их собственный меч.

В то время как свет всеобщего гуманизма с недавних пор сиял такие европейские страны как Францию, Бургундию, но более прочих Италию, Австрия впервые испытала на себе решимость народа, о существовании коего едва ли подозревала.

Конечно, жители государств расположенных в непосредственной близости Альп, не были вовсе несведущи, что эта гигантская твердь, несмотря на дикий и мертвенный ее внешний вид, скрывает в себе немало уединенных узких долин, расположенных среди высочайших гор и питающих племя охотников и пастухов – народ, обретавшийся в первозданной чистоте, добывающий себе пропитание тяжким трудом, преследуя дичь среди голых скал и густых лесов, или гоняя стада на дикие скудные пастбища по соседству с вечными ледниками. Но жизнь этого народа, или множества племен, влачащих одинаково жалкое и безропотное существование, казалась богатым и могущественным соседним государствам столь же ничтожной, как их тучным стадам, лениво жуящим нежную травку на сочном лугу, маета тощих коз, скачущих в поисках корма по камням на краю их обильных пажитей³⁹.

Однако эти горцы стали вызывать всеобщее удивление и пробуждать к себе внимание Европы с середины XIV века, то есть с того времени, когда повсюду разнеслись слухи о жестоких битвах, в которых германские рыцари, желавшие усмирить своих мятежных васалов, потерпели от них несколько кровавых поражений, несмотря на то, что имели на своей стороне огромный численный перевес, железную дисциплину и преимущество наилучшего вооружения того времени. Наибольшее удивление вызывало то обстоятельство, что конница, составлявшая главную силу рыцарских армий, была опрокинута пешим ополчением; что обученные воины, одетые с головы до ног в стальную броню, были побеждены простыми горцами в козьих шкурах, использующими в сражениях что ни попадя; но еще большим чудом считалось, что рыцари и самая именитая знать были разбиты неотесанными мужланами. Тем не менее, неоднократные победы, одержанные швейцарцами при Лаупене⁴⁰, Земпахе и в других, не столь знаменитых битвах, удостоверили всех, что в суровой Гельвеции⁴¹ возникли новые принципы гражданского устройства и военной организации.

³⁸ Монастырь Санкт-Галлен, основанный в начале VII в. учениками ирландского монаха Галла (впоследствии канонизированного), был одним из крупных центров паломничества и средневековой культуры; славился своей библиотекой и памятниками искусства. При вступлении французов в Швейцарию в феврале 1798 г. монастырь был упразднен, разграблен и позднее разрушен.

³⁹ Пажить – луг, пастбище.

⁴⁰ Битва при Лаупене состоялась 21 июня 1339 года.

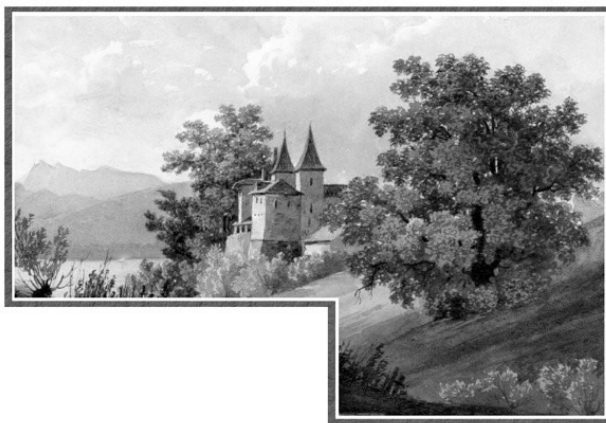
⁴¹ Латинское название Швейцарии.

И хотя знаменательные победы, предоставившие свободу швейцарским кантонам⁴², и непоколебимая решительность, с какой члены небольшого союза выступили против Австрии после запредельного долготерпения, распространили известность о них далеко за пределы всех соседних народов; и хотя сами они вполне сознавали действительное значение своей мощи, растущей с каждой их новой победой, при всем том до середины XV столетия, и даже позднее, швейцарцы по большей части сохранили благоразумие, неприязнительность и простоту своих древних нравов – так, например, те, кому в военное время вверялось командование войсками республики, имели обыкновение брать в руки пастушеский посох, когда становился ненужным маршальский жезл, и, подобно диктаторам Рима, вступать в совершенное равенство со своими согражданами, сходя с высокой ступени, на которую возводили их личные заслуги, талант и призыв отечества.

Именно в те времена, в лесных кантонах Швейцарии осенью 1474 года, когда край тот пребывал еще в своем первозданном виде, и государственность в нем лишь зарождалась, начинается наш рассказ.

* * *

Два путешественника – один давно уже переступивший так называемый порог зрелости, другой, по-видимому, не старше двадцати двух или двадцати трех лет – провели ночь в Люцерне, небольшом городке одноименного с ним кантона, расположенном в живописных окрестностях озера «Четырех кантонов»⁴³.



По одежде и манерам можно было угадать в них богатых купцов несмотря на то, что они путешествовали пешком (что справедливо в гористых местах считается удобным способом передвижения), в отличие от парня-крестьянина уроженца итальянской стороны Альп, поспешавшего им вослед верхом на муле груженном тюками с торговым товаром, с коего он то слезал, то снова на него забирался, а впрочем, все чаще тащил его в поводу.

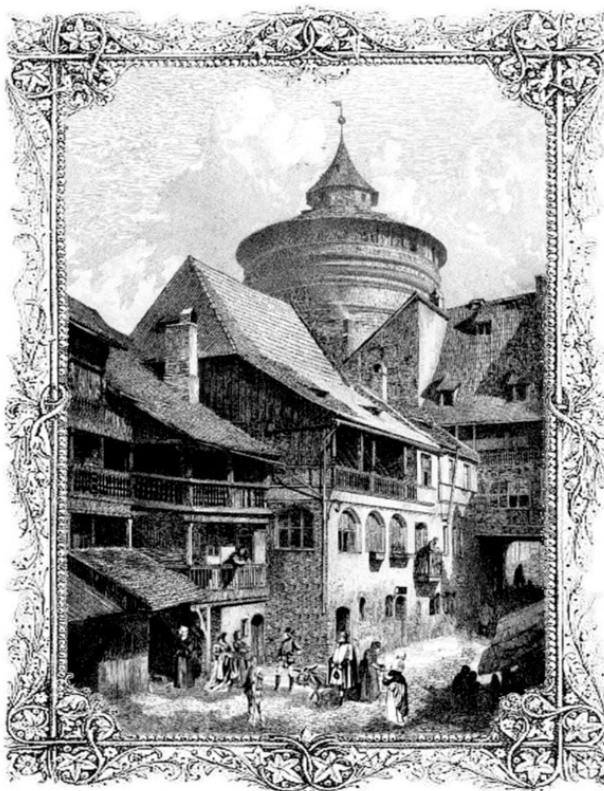
Путешественники имели чрезвычайно благовидное обличье в котором нетрудно было углядеть их кровную связь – скорее всего, то были отец с сыном, так как в маленькой гостинице, где они провели минувшую ночь, почтительность и уважение, оказываемые младшим старшему, не укрылись от внимания хозяев, которые, подобно другим обывателям захолустьев, были крайне любопытны по причине однообразия жизни. Они также с удивлением отметили, что купцы под предлогом спешности тюков своих не развязали, отмахнувшись от люцернских жителей тем, что не имеют доску никакого такого товара, который с успе-

⁴² Кантон – округ.

⁴³ Фирвальдштетское озеро считается самым красивым в Швейцарии.

хом продан бы тут. Местные красавицы более прочих оказались обижены бездушным отказом странствующих купцов, потому как такой отговоркой им дали понять о наличии у негоциантов товаров для них чересчур дорогих; кроме того у их проводника удалось выяснить, что чужестранцы возвращались из Венеции, где накупили множество дивных товаров, что стекаются в этот знаменитейший город, служивший торговым центром всему западному миру, из Индии и Египта, и оттуда уже развозятся по Европе. Швейцарские красавицы только-только сделали открытие, что тончайшие кружева и драгоценные камни ужасно притягательны, и пускай они не имели возможности приобрести оные украшения, но обладали довольно естественным желанием хотя бы взглянуть на них; но так как их лишили того удовольствия, то они и огорчились без меры.

Было замечено также, что чужеземцы эти, хотя и были довольно обходительны, однако не выказывали той угодливости перед покупателем, какая свойственна мелким торговцам в разнос из Ломбардии или Савойи, прежде наезжавшим в горы время от времени и зачастившим в последние годы, ибо военная добыча доставила швейцарцам помимо славы и некоторую толику денег, что способствовало появлению у них интересу к новым товарам. Так вот те купцы бродяжки были куда как любезны и неутомимы на уговоры, чего и требовало их ремесло, а последние визитеры оказались людьми совершенно безразличными к выгоде, или их не прельщала та малость, какой располагал горный край.



Любопытство возбуждалось еще и тем обстоятельством, что путешественники разговаривали между собой на языке, который, конечно, не был ни немецким, ни итальянским, ни даже французским, но который, по соображению трактирного слуги-старика, доезжавшего некогда аж до Парижа, был английским. Об англичанах же только и знали в здешних местах, что эти воины-островитяне яростно бились с французами, и что войско их, давным-давно вторгшееся в лесные кантоны, было наголову разбито в Рюсвельской долине, о чем хорошо еще помнили седовласые люцернские старцы по рассказам своих отцов.

Парень, сопутствующий чужестранцам, как это скоро узнали, был от рождения grison⁴⁴ и служил им проводником насколько позволяло ему знание здешних гор. Он поведал, что купцы идут в Базель⁴⁵, но предпочитают добираться туда проселочными дорогами. Упомянутое обстоятельство еще больше разожгло всеобщее любопытство все разузнать о путешествующих купцах и их товарах. Но, ни один тюк, повторюсь, так и не был развязан, и купцы, покинув Люцерн следующим утром, продолжили свое путешествие, предпочитая дальний путь и скверную дорогу через мирные швейцарские кантоны широким трактам Германии, где чинился грабеж рыцарями-разбойниками, кои в подражание иным владетельным государям воевали каждый во свое удовольствие, и под предлогом налогов и пошлин, со свойственным им местечковым бесстыдством, обирали до нитки всякого, кто проезжал сквозь их воробынные домены.

По выезде из Люцерна наши странники в течение нескольких часов благополучно продолжали свой путь. Дорога хотя и затруднялась спусками и подъемами, была замечательна своими пейзажами, какими насладишься лишь в Альпах: скалистые ущелья, зеленые долины, широкие озера и бурные потоки, также встречающиеся повсеместно на всех прочих взгорьях, тут соседствуют с ошеломляющими, завораживающими гигантскими ледниками, зрелищем коих насладиться более не удастся нигде.

Тогда был не тот век, чтобы красота и великолепие ландшафта заставляли часами любоваться путешественника или местного жителя. Для последнего самые живописные виды казались обыкновенными, потому как за ежедневными делами и заботами они попросту не замечались, а путешественник, быть может, видел более опасностей, чем красот, в незнакомой стране, и чаще заботился о том, как бы в целости добраться до ночлега, пренебрегая удовольствием полюбоваться величием картин, представляющихся его взору по дороге к месту отдохновения. Однако же наши купцы всю дорогу восторгались окружающими их видами. Дорога пролежала по берегу озера, иногда низом по самому его краю, а иногда, на большой высоте, вися по склонам гор над глубокими пропастями, которые ниспадали к воде подобно высоким крепостным стенам ко рву. По временам попадались им места и более приятные – косогоры, одетые в пленительную зеленую свежесть, уединенные долины с пажитями и нивами, гремящими ручьями, которые как бы резвясь мелькали промеж хижин до подножия холма, украшенного виноградом, и, наконец, достигнув берега с готической часовенкой украшенной шпилем, умиротворенно сливались с озерною гладью.

– Этот ручеек, Артур, – сказал старший из путешественников, когда они остановились, чтобы полюбоваться одним из только что описанных видов, – так похож на добродетели венец.

⁴⁴ Игра слов: grison – граубюнденец (уроженец Граубюндена – швейцарского кантона) и осел (франц.).

⁴⁵ Базель – город в Швейцарии, в XV – XVI вв. – центр торговли, кредитных операций, ремесла, книгопечатания.



— Однако с высоты разбрасывает он клочья пены. На что это похоже? — спросил Артур.
— На буйство юности.
— В нем больше жизни, хотя и бьется он о камни.
— Молодости свойственны поверхностные мысли, — возразил отец, — но жизнь, как сорную траву, их рвет с корнем...

— Порою вместе с сердцем, если корни их оттуда.

— Ты говоришь о том, сынок, чего пока не понимаешь. За расстоянием минувших лет истина виднее. Иные за благоволение судьбы полагают предупреждение свыше. Взгляни на ту вон вершину, которая по самые косматые брови облачный венец на себя водрузила: под тяжестью его не видно солнца. Глупец величию дивится, но трезвый муж предвидит бурю.

Артур взглянул туда, куда указывал отец — на мрачную вершину Пилата.

— Туча над этой горой нам шлет недоброе знаменье? — удивился молодой человек.

— Спроси Антонио, — отвечал отец, — он, верно, поведует тебе какое-нибудь древнее предание о той вершине.

Артур обратился к проводнику и спросил его, как имя той мрачной горы, которая кажется левиафаном⁴⁶ промеж громадин окружавших Люцерн.

Тот набожно перекрестился и рассказал предание о том, что здесь покончил свои счета с жизнью проконсул Иудеи Понтий Пилат⁴⁷. Проведя несколько лет в пустынных ущельях этой горы, будто бы именно поэтому названной его именем, он, преследуемый угрызениями совести, бросился с отчаяния в бездонное озеро на ее вершине. То ли озеро отказалось принять его плоть, то ли дух его был исторгнут, — этого Антонио не взялся объяснить, — но только с тех пор здесь часто является призрак из вод. Густым туманом он собирается над Адским озером (так оно прежде называлось), и, мраком окутав вершину, разражается страшной бурей. Антонио добавил, что злой дух в особенности негодует на дерзость чужеземцев, которые восходят на гору с целью увидеть место его гибели; и потому люцернские магистраты запретили кому бы то ни было приближаться к Горе Пилата, под угрозой крупного штрафа⁴⁸. Окончив свой рассказ, Антонио еще раз перекрестился; примеру его

⁴⁶ Левиафан — огромное морское чудовище (библ.).

⁴⁷ Понтий Пилат — римский прокуратор (наместник) Иудеи в 26—36 гг., согласно новозаветной традиции, приговорил Иисуса Христа к распятию на кресте.

⁴⁸ Легенды об озере Пилата, сообщаемые многими средневековыми авторами, повествовали о том, что если бросать в озеро камни, куски дерева и прочее, возникает непогода и на озере поднимается буря, вследствие чего местные власти воспретили под страхом смертной казни бросать в него какие-либо предметы. А тот, кто увидел однажды дух Пилата

последовали и слушатели, слишком честные христиане, чтобы сколько-нибудь усомниться в рассказе.

– Как, проклятый язычник грозит нам?! – воскликнул младший из купцов, между тем как облака темнели и надвигались, казалось, вместе с горою Пилата. – *Vade retro!*⁴⁹ Мы не боимся тебя, грешник!

Порыв ветра – предвестник близкой бури, промчался, как дыхание горы, и проревел вдали, подобно льву, как будто дух отверженный отвечивал дерзкому вызову юного англичанина. Вниз со скалистых откосов горы, как сквозь зубья, понеслись потоки тумана, которые походили на лаву из жерла вулкана. Грозной пастью обнажились острые скалы в плывущем тумане. И только осеннее яркое солнце, торжествуя над мраком, переливалось радужными лучами над цепью Ригских гор.

В то время как путешественники наблюдали этот поразительный контраст природы, как бы предвещающий свирепую битву между Светом и Тьмою, проводник переплетая немецкую речь с итальянской убеждал их двигаться поскорее. Деревня, в которую, по его словам, он хотел проводить их, была еще далеко, тропинка крута и извилиста, и если дьявол, прибавил проводник перекрестившись, взглянув на гору Пилата, накроет долину мраком, то он может сбиться с пути, что в здешних угрюмых местах очень опасно. Предупрежденные путешественники плотно укутались в свои плащи, накинули на головы капюшоны, затянули пряжками широкие пояса, охватывающие их верхнюю одежду и, имея каждый в руке длинный посох с острым железным наконечником, скоро, но без робости продолжили путь.

Их шаги не поспевали за преображением природы. Гор незыблемость исчезла – глубокие тени скал неслись вдогонку путникам, и форм причудливость порой внушала страх. Не только мрак настигал наших путешественников: туман, лавиной падая в предгорные долины, укрыл их влажной пеленой. Извилистая тропа по дну лощины то и дело терялась за многочисленными поворотами, внушая, что конца пути не будет. И вскоре странники потеряли всякое представление о нем.

– Ах, – воскликнул старший из них, – будь у нас теперь та самая игла, которая у моряков всегда показывает север, помогая им не потеряться в океане вдали от берега, без солнца и без звезд!

– В горах едва ли она б нам помогла, – отвечал юноша. – Хоть та игла и видит север, но не сквозь такие горы.

– Да-а, – пришлось согласиться отцу. – Боюсь, что проводник наш также ничего не видит, когда встревоженно так головой вращает, как потерявший направление компас. Друг мой! – спросил он, обращаясь к Антонио на скверном итальянском. – Уверен ли ты, что мы верной дорогой идем?

– Если то угодно Святому Антонию! – молвил грисон неуверенно.

– Что там за краем пропасти блестит, ничего не видать в туманном мраке? Люцернское озеро, или другое какое? Неужто мы уже за перевалом?

Антонио неуверенно сказал, что озера Люцернского они едва ли миновать могли так скоро, и блеск воды внизу, ни что иное, как оно и есть, но голос проводника выдал его с головой.

– Собака итальянец! – вскричал юноша. – Тебе стоит переломать кости, как скоро ты повел нас в гору, не зная – не на Небо ли она!

– Полно, Артур, ты напугаешь его, и он убежит, лишив нас даже той надежды, что нам присутствие его внушает. Не грози ему палкой – ломбардцы мстительны и ловко обращаются с ножом. Ты лишь навредишь нам. Подойди-ка ко мне, парень, – продолжал он на своем

в окрестностях озера, жил потом не более года (Примеч. автора).

⁴⁹ Отыди! (лат.)

ломаном итальянском языке, обращаясь к проводнику. – Не бойся сына моего, я не позволю ему обидеть тебя. Скажи мне лучше, какие деревни у нас впереди?

Ровный голос отца успокоил проводника, испугавшегося угрозы юноши, и он извергся потоком слов, в коем названия немецких сел, как валуны, мешали течь свободно итальянской речи, которая несла неведомо куда, с одной только ясностью – не в нужном путникам направлении, так что старик, наконец, тоже потерял всякое терпение и вскричал:

– Веди куда угодно во имя Святой Богородицы или Святого Антонио, как тебе больше нравится! Но я отказываюсь понимать тебя!

И они пошли вперед, как раньше, с той лишь разницей, что вел их теперь мул, не грисон. Облака меж тем окутали округу, и туман, вначале белый, теперь облек их темной серой пеленой, стекающей тяжелыми ручьями по плащам. Над ними стонал ветер, и громовые раскаты подобные тем, какими дух Пилата возвещал бурю, грозили им на голову пасть. Грисон взмолился идти поскорее, и в этой мольбе звучало отчаянье. Пройдя три или четыре мили, какие неизвестность удесятирила, путешественники, вдруг, очутились на крайне опасной тропе над самым краем пучины. Внизу ревел неведомый поток. Ветер рвал с них одежду, и порой совершенно рассеивал туман, обнажая волнистые воды; но было ли это озеро по берегу которого они поутру отправились в путь, или река, они не могли разобрать. И все более росло подозрение, что это не то озеро, какое ранее лежало совсем по другую руку. Видимые благодаря буйству ветра воды, были скорее рекой, и хотя противный берег ее разглядеть не удавалось, но выше потока виднелись обрывистые утесы, заросшие косматыми соснами. То был незнакомый пейзаж, вовсе не тот, что они наблюдали прежде по другую сторону озера.

Нелегкой была и раньше дорога, а все ж обозначалась следами ног и копыт. И тут Антонио, достигнув выступа перед крутым поворотом, внезапно стал с восклицанием в адрес своего святого патрона. Артуру показалось, что и мул пытается взмолиться, полностью разделив страх своего хозяина, и упершись в землю широко расставленными передними ногами, животное твердо решило противиться любым попыткам сдвинуть его с места.

Артур бросился вперед, отнюдь не из любопытства, но готовый принять на себя, возможно, смертельный удар медведя, или иной какой опасности, угрожавшей его отцу. И прежде, чем мы об этом успели поведать, юноша стоял подле Антонио и мула на уступе скалы, где вместо тропы зияла бездна... Туман не позволил увидеть, насколько она глубока, но и по шуму воды можно было догадаться, что под ними не менее трехсот футов.



Ужас, отобразившийся на лицах странников и в поведении мула, ясно выражал, до какой степени их привело в замешательство это неожиданное и, по-видимому, непреодолимое препятствие. Лицо отца, который тем временем тоже подошел к обрыву, омрачила

совершенная безнадежность. Все вместе они пристально вглядывались в туманную бездну пред ними и, озираясь по сторонам, напрасно мучили взоры в поисках продолжения оборванной тропинки, которая не могла же взять и пропасть совершенно бесследно. И в тот миг, когда они стояли в растерянности не зная что предпринять – Артур, отвергая отступление, упорно вглядывался во тьму, изыскивая продолжение пути, а его отец почти смирился с возвращением назад по той же дороге, какая их сюда занесла, – оглушительный вой ветра, пронзительней прежнего, раздался у них за спиной. Почуввав опасность быть сброшенными ураганом с уступа, на котором они находились, путники схватились кто за куст, кто за камень, и даже мул крепче уперся копытами в землю, готовый стоять изо всех сил против свирепого шквала. И тот налетел с такой яростью, что путникам показалось, будто скала, которая их прикрывала, закачалась, а их самих едва не подхватило сумасшедшим потоком листвы, ветвей, мха и прочего сухолома, обрушившегося на них множеством чувствительных ударов. Гигантским змеем вихрь скользнул к воде, вскрыв на миг туманную завесу, и явив странникам всю страшную картину разрушения, которая и объяснила – куда подевалась тропинка.

Едва Артур продрал глаза, его взору предстала тропа, на которой они находились, и продолжение которой должно было следовать вверх по-над пропастью уступами, образовавшимися в результате напластований непрестанно отваливающихся от гор каменных плит. Но при одном из обвалов, довольно частых в этой суровой стране, последствия коих их бывают ужасны, пласты скальных пород стронулись с места и обрушились вместе с тропинкой, кустами, деревьями, со всем, что на них произрастало в водный поток, который, сколь они смогли теперь ясно его рассмотреть, не был ни озером, ни его излучиной, но стремительным водным потоком.

Причиной обвала могло послужить одно из землетрясений не редких в этой стране. Склон горы, усыпанный грудami обломков, разбитыми вдребезги при падении, как пораженный стрелами зверь, был утыкан сокрушенными деревьями, большая часть которых низвергнувшись со скалы, разбилась в щепы и была унесена бурной рекой, которую прежде они укрывали высокими кронами. Рухнувшая вершина огромной скалы была похожа на мертвую голову чудовища, возлежащую на каменных костях. Ужаснее всего казалось то, что катастрофа случилась едва ли не только что, и природа, со временем побеждающая покровом растительности даже безжизненность отвесных скал, не успела еще наложить на рану свое чудодейственное зелье.

Помимо злополучной картины, которая убедила в том, что обвал случился недавно, Артур сумел разглядеть по ту сторону реки долину, окруженную высокими соснами и над ними меж скал готическую башню. Он указал на нее Антонио и спросил, не знает ли он, что это за место, полагая, что такую вежу нелегко забыть тому, кто хоть раз ее увидел. И действительно, парень с радостью сообщил, что это Гейерштейн – Грифов Камень. Название башне, сказал он, дала остроконечная скала, возвышавшаяся подле нее – в стародавние времена на ее вершину гриф-бородач унес дитя владельца замка. Далее он стал рассказывать, какой обет хозяин замка Гейерштейн дал Эйнзидельнской Божьей Матери⁵⁰. Меж тем замок, скалы, лес, пропасти, и даже голос grisона снова начали тонуть в тумане. И едва проводник успел поведать о чудесном спасении младенца, он вдруг вскричал: «Берегись!» и в тот же миг шквальный ветер разорвал мутную пелену в клочья.

– Ага! – воскликнул с торжествующим видом Антонио, когда вихрь умчался. – Старик Понтий не чтит Эйнзидельскую Богоматерь, но она не покинет тех, кто ей поклоняется. Ave Maria!⁵¹

⁵⁰ Эйнзидельн – аббатство бенедиктинцев к югу от Цюриха, основанное в IX веке графом Мейнардом, славилось деревянной статуей Мадонны с нагим младенцем, который благословляет правой рукой, а в левой держит птичку, клюющую его пальчик.

⁵¹ Радуйся, Мария! (лат.) – начальные слова вечерней католической молитвы, содержащей благословение Деве Марии

– Замок, кажется, необитаем, – сказал юный странник. – Я нигде не вижу дыма, ни огня.

– Там давно никто не живет, – отвечал грисон. – Но нам надо на ту сторону. Добрый Арнольд Бидерман, ландман⁵² Унтервальдена, проживает неподалеку от замка, и я вам ручаюсь, что он никогда не откажет странникам в ночлеге и выставит на стол все самое лучшее, что есть у него.

– Я слышал это имя, – сказал старый путешественник, которого Антонио называл сеньором Филиппсоном, – и что оно принадлежит доброму человеку, уважаемому земляками.

– Ваша правда, сеньор, – отвечал проводник, – и мне бы очень хотелось проводить вас до его дома, где всех встречают и провожают добром. Но как до Замка Орла без крыльев добраться?

Артур вызвался разрешить эту задачу, но об этом глава другая.

как Богоматери.

⁵² Ландман – глава исполнительной власти в швейцарских кантонах.

Глава II



Поспеши за мной.
Облака сгущаются, темнеют... Куда ты, стой!
Сюда! Ставь ногу здесь, берись за посох... так,
Теперь за куст, дай руку мне... еще лишь шаг.
Каких то полчася и обогреет нас очаг.
Д. Байрон «Манфред»

Глава II

ОГЛЯДЕВ гнетущую картину опустошения, занавесь которой содрал ветер, Артур сказал:

– На любой равнине я бы решил, что буря стихает; а в этих диких местах я боюсь обмануться. Но если злобный дух Пилата неразлучен с ветром, то он уже далеко на пути в свою могилу. Тропа обрушилась, но если вы позволите, батюшка, я переберусь по склону на ту сторону, где дорога не задета камнепадом. Следуя по ней, я найду людей, живущих близ этого «орлиного гнезда», и попрошу у них помощи; или докричусь до них, если не будет дороги.

– Нет, слишком рискованно. Пусть наш проводник идет туда – он родился в горах и не раз бывал в подобных переделках, а я щедро его награжу.

Но Антонио наотрез отказался:

– Рожден я горцем, но не серной, чтобы сигать по утесам; и не вороном, чтобы летать со скалы на скалу. Никакое золото мне не заменит жизни!

– Сохрани Бог, чтоб я стал упрашивать тебя или неволить! Иди, Артур, я за тобою, – недолго думая заключил Филиппсон и шагнул на край пропасти.

– Хотя я и в вашей воле, батюшка, но этому не бывать! По чести и по совести моя жизнь меньше вашей стоит, и если уж рисковать, то только ею.

– Нет! – возразил отец решительно. – Сын мой, я многое пережил, но не переживу твоей гибели.

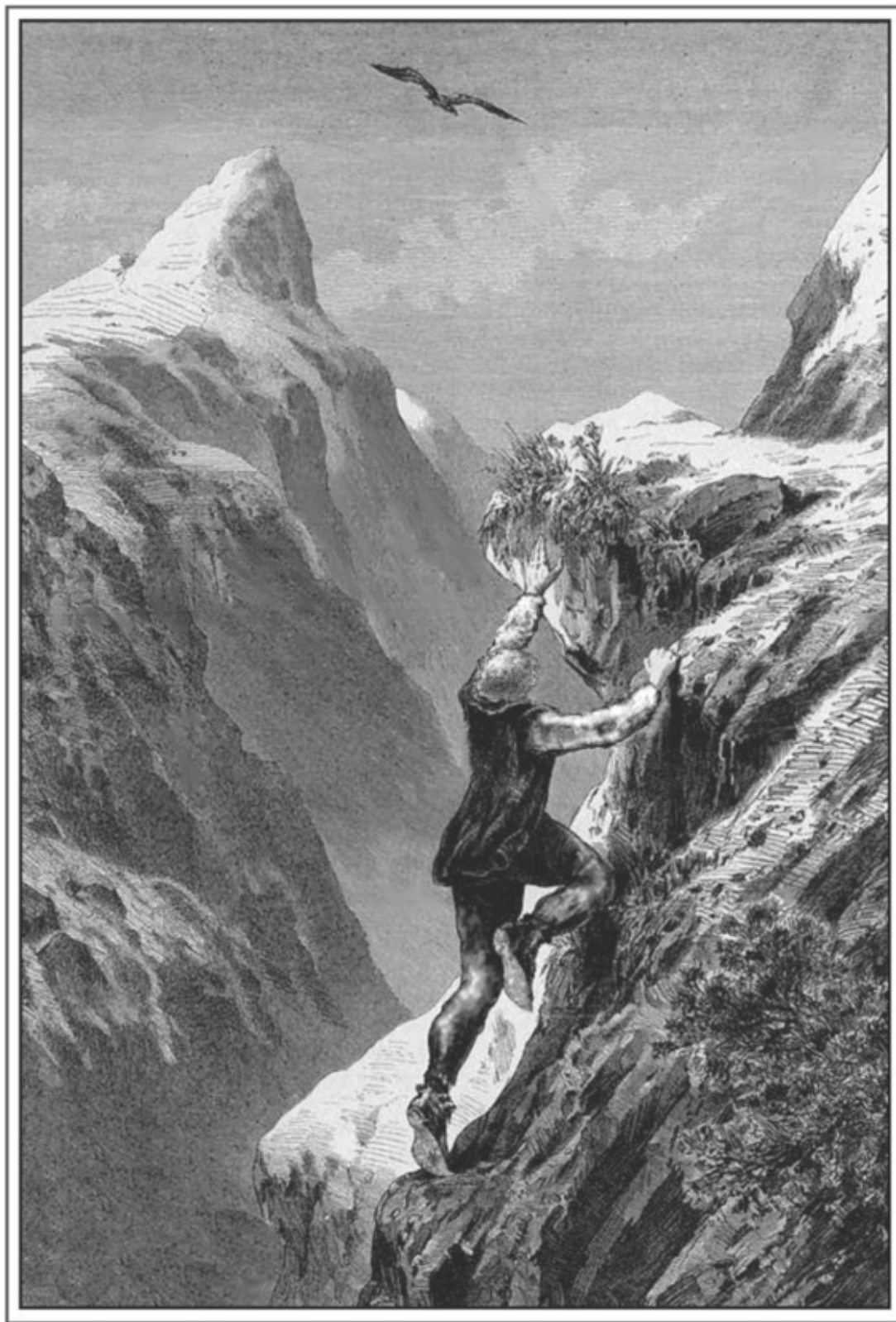
– Мне не страшно идти одному, но с вами, батюшка, боюсь, я не смогу и шага сделать потому, что буду думать лишь о вас. А если я все же сорвусь и погибну, то вы ведь справитесь и без меня, отец; но без вас я не справлюсь. Вспомните, какое дело возложено на вас!

– Ты прав, сынок, ты прав, есть еще узы у жизни покрепче отцовского долга, хотя без тебя и лишены смысла. Святая Дева Мария и Иисус Спаситель помогай тебе, сынок! Ноги и руки твои сильны и молоды, ты не раз взбирался на Плинлимон⁵³ и привык сверху смотреть без боязни на дно глубоких ущелий. Будь смел, но береги себя – помни, что есть человек, которому, потеряв тебя, останется исполнить последний свой долг...

Юноша, собираясь в опасный путь, скинул тяжелый плащ и остался в короткой серого цвета безрукавке, которая не скрывала его крепкого телосложения. Решимости у отца заметно поубавилось, когда сын обернулся, чтобы с ним попрощаться. Он повелительным жестом хотел было воспрепятствовать намерению сына, но Артур легко прыгнул с выступа на узкий карниз; по ветвям старого ясеня, росшего в расселине, юноша достиг, хотя и с риском, другого уступа, по которому он хотел добраться невредимой тропы. Опасность проделываемых юношей трюков, была так велика, что проводник, следящий за прыжками Артура, едва ли дышал. Выступ, которым храбрец осмелился идти, был столь узок, что, временами казалось, будто Артур чудом висит на отвесной стене совсем без движения. Но он продвигался вперед внимательно изучая взглядом все, что могло удержать его на скале, и стараясь не смотреть вниз – в зияющую бездну. Отец Артура и проводник не могли отвести взглядов от юноши, который прошел уже так далеко, что размерами походил на муравья, ползущего по вертикальной стене. Старик глотал раскаянье, что не настоял на возвращении назад той же дорогой.

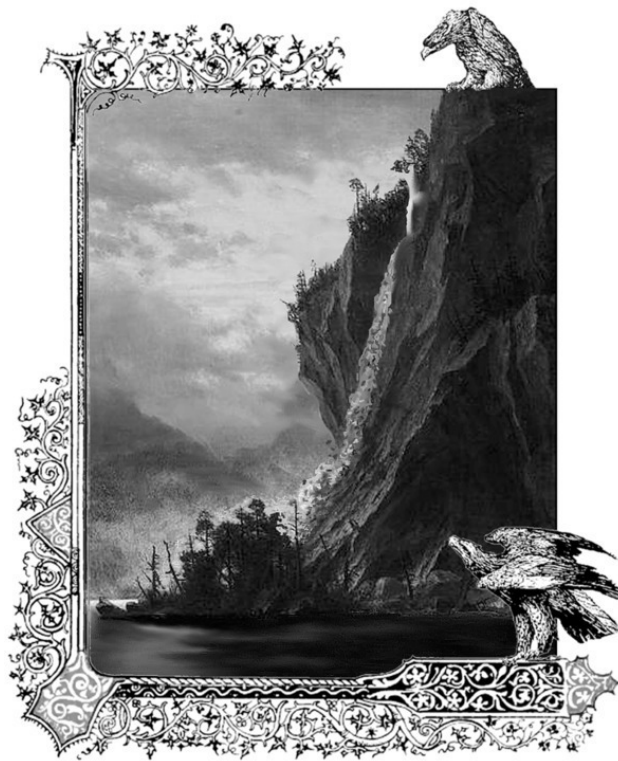
⁵³ Это самая высокая гора в Центральном Уэльсе имеет высоту всего около 740 м над уровнем мирового океана, тогда как Швейцарские Альпы поднимаются до 4638 м (пик Дюфур), а описываемая в романе местность лежит на высоте более 2000 м.

А сын, меж тем, одолевая свои страхи, побеждал один преграды одну за другой. «Этот карниз, – говорил он сам себе, – конечно, узок, но мне на нем лишь подтянуться. А те два далеки друг от друга, но на первый я встану ногами, а за другой ухвачусь руками. Опора тверда и надежна, и дух мой крепок».



Так, взвешивая каждый свой следующий шаг, всякий раз трезво оценивая опасность и полагаясь на ловкость, храбрый юноша продолжал страшный переход, продвигаясь вперед с осторожностью и присутствием духа, которые одни только могли спасти его от падения и неминуемой гибели. Наконец, он достиг громадного обломка скалы, за которым, невесть как держащемся на крутизне, ничего нельзя было увидеть. Он выдавался более чем на шесть футов, и глубоко под ним ревел поток. Если бы молитва могла помочь, то ей пришло самое время. С величайшей осторожностью Артур насколько мог оторвался от скалы и огляделся. Увидев за выступом кроны деревьев, он догадался, что эта каменная глыба, пусть и нелегкое, но последнее препятствие. Если б ему удалось преодолеть его, то все страхи остались бы позади. Но огромный каменный зуб торчал так, что обойти его было нельзя. До верхнего края обломка оставалось всего несколько футов прямо над головой Артура. Выбора не было. По обнаженным корням склоненного над пропастью дерева он добрался до ствола, взобрался на него, и шагнул на гладкую поверхность непреодолимой преграды. Но едва он утвердился на нем, мысленно уже себя поздравляя, и успев мимолетным взглядом увидеть среди дикого нагромождения скал и лесов за мрачными развалинами замка Гейерштейн дымок жилища, как, к великому своему ужасу, почувствовал, что огромный зуб, на котором он стоял, заколебался под его весом и, медленно кренясь вбок, начал движение вниз.

Артур, не раздумывая, прыгнул с падающей скалы обратно на дерево, по которому он только что взобрался. При этом он, побуждаемый неодолимой силой, смотрел на свергающийся роковой обломок скалы. Две или три секунды эта громада качалась, будто б раздумывая, куда ей упасть... и вдруг, глыба весом около двадцати тонн ринулась по отвесной в пропасть, дробя и кроша в своем стремительном падении все встречающееся ей на пути: камни, кусты и деревья, и с грохотом, равным залпу ста орудий, ухнула в реку. От скалы к скале пророкотало оглушительное эхо, и раздавшийся гул, раздробившись на тысячи отголосков, еще долго держал в напряжении всю округу, пока понемногу не стих. Только где-то очень высоко, в области вечных снегов, эхо в последний раз донесло до величественных, равнодушных к жизни безмолвных вершин звуки случившейся катастрофы, но покрытые снегом исполины безучастно выслушали печальный голос низин и промолчали.



А несчастный отец? Он видел обрушение скалы, и не знал, что подумать о сыне! Первым порывом его было броситься к нему, и навстречу своей гибели. Но Антонио обхватил старика руками, и тот обрушился на проводника с яростью медведицы, у которой похитили ее медвежонка:



– Пусти меня, собака, или я убью тебя!

– Сжальтесь! – вскричал бедный юноша, бросаясь перед ним на колени. – У меня ведь тоже есть отец!

Это восклицание пронзило душу старика. Он тотчас оставил Антонио и, подняв вверх руки и устремив глаза к небу, вскричал полным глубочайшей скорби голосом:

– *Fiat voluntas tua!*⁵⁴ О, мое дитя! Я не отдам его разбитое тело на растерзание зверям и птицам! Я сойду к нему, к сыну моему, в преисподнюю!⁵⁵ – вскричал несчастный отец в тот момент, когда стая отвратительных стервятников пронеслась над его головой. – Я увижу сына прежде, чем волки и вороны растащат его останки! А ты останься здесь, и если

⁵⁴ Да свершится воля твоя! (лат.)

⁵⁵ Библия – Бытие, 37:36.

я погибну, то возьми с моей груди запечатанное послание и доставь его по месту. В кошельке довольно денег для того, чтобы похоронить меня вместе с сыном и помолиться о наших душах; остальное оставь себе за труды – не бойся, ты не останешься в накладе.

Честный грисон хотя и был ума недалекого, но имел от природы доброе сердце – услышав последние слова старика, он заплакал. Понимая, что остановить убитого горем отца невозможно, Антонио безмолвно смотрел, как тот шагал к бездне, на дне которой лежало тело его сына, и чью участь хотел разделить с ним его убитый горем отец.

И вдруг с той стороны, где минуту назад произошла ужасная трагедия, раздался громкий и пронзительный звук: трубил рог, каким в древние времена собирали горцев на битву.

– Слышите, сеньор, слышите! – вскричал грисон, указывая рукой туда, откуда раздавалось звучание рога. – Мне знаком его голос. Это рог Гейерштейн. Верно, кто-нибудь скоро явится нам на помощь и проводит вас к сыну! Спаси нас Святой Антоний! Я вижу, на дереве кто-то машет белой тряпкой! Там, где упала скала.

Глаза старика были полны слез, и он, как ни старался, ничего не мог увидеть.

– К чему твои старания, – сказал Филиппсон, отирая слезы. – Я не увижу ничего, кроме бездыханных его останков...



– Он жив! Хвала Святому Антонио! Посмотрите, там что-то белое развевается!

– Это лоскутья его одежд, – сказал отец в отчаянии. – Нет, мои глаза не увидят его живым более... Мои очи видели его гибель... пусть же стервятники выклюют их!

– Да смотрите же! – не унимался швейцарец. – Эта ткань не висит на ветке, ею размахивают. Это сын ваш подает вам знак.

– О, если это правда, – вскричал путешественник, всплеснув руками, – то да будут благословенны твои глаза и уста! Если мы найдем моего сына живым, то день сегодняшний будет днем счастья и для тебя!

– Нет! – воспротивился Антонио. – Мне будет наградой, если вы послушаетесь моего доброго совета и возьметесь за ум. Погибни вы по собственной глупости, вина все равно падет на меня, ведь я ваш проводник, и будто мне по силам запретить Пилату трясти туман

со своего чела, или помешать каменной глыбе обрушиться в пропасть, или не дать молодому господину пройти по краю бездны, как по лезвию ножа, или, наконец, не позволить безумцу, чьи седины под стать мудрости, хвататься за кинжал, как ломбардскому браво⁵⁶...

Грисон и далее что-то причитал, но Филиппсон его уже не слышал, ибо всеми мыслями, всем сердцем устремился к кусочку материи, который, по мнению проводника, означал спасение его сына. Наконец он окончательно убедился, что ему действительно посылают сигнал, и надежда овладела им так же быстро и с такой же силой, с какой только что перед этим отчаяние. От радости он опять было собрался шагнуть в пропасть, но проводник вцепился в края его одежды и умоляющим голосом, стал тараторить еще быстрее:

– Вам ли лазать по утесам? Прочтете «Верую» и «Богородицу» от слова до слова без дрожи в голосе? Как говорят наши старики, имей вы двадцать жизней, от смерти не уйти. Ясны ли глаза ваши и крепки ль ноги? Я думаю, что одни полны слез, а другие дрожат, как листья тополя над нами. Слышите – это рог Арнольда Бидермана, владельца Гейерштейн, звучит. Он, верно, зрит опасность, в которой ваш сын, и уже спешит ему и нам на помощь. Он знает здесь всякий камешек, и, ручаюсь, стоит трех таких проводников, как я.

– Но если этот рог к нам обращался, то отчего мой сын молчит?

– Он отозвался, я уверен, – отвечал грисон. – Но могли ли мы его услышать? Если даже громкий зов Ури⁵⁷ среди грохота и треска бури нам кажется игрой свирели?

– Чу! Мне показалось, я слышал голос, но он не похож на голос Артура, – вдруг воскликнул Филиппсон, в последние мгновения вслушивающийся во все звуки сквозь глухой рокот утихающей бури.

– И я. Это женский голос. Горцы перекликаются так между собой, и слышат друг друга, хотя б меж ними было с милю.

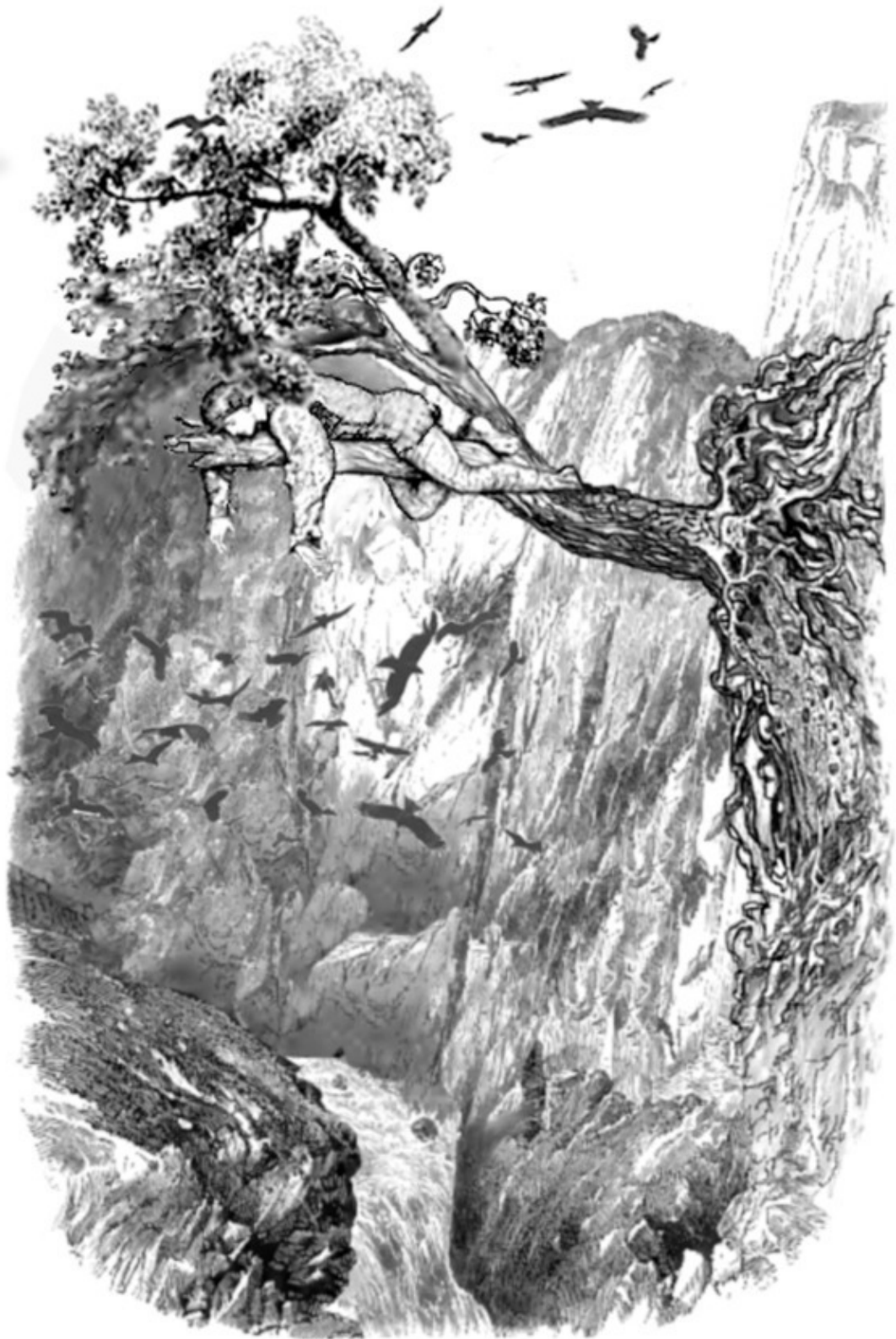
– Хвала Небесам за посылаемую нам помощь! Кажется, этот ужасный день закончится для нас благополучно. Я тоже крикну.

И он начал кричать изо всех сил, но глас его терялся в отголосках бури. Антонио улыбнулся безрезультатным попыткам старика и издал высокий, пронзительный звук, хотя приложил к тому куда меньше усилий, чем англичанин. Его крик многократно повторило эхо, и когда оно умолкло, в ответ раздался призыв, очень похожий на тот, что издал Антонио. Он прозвучал издали и постепенно приближался, отражаясь от скал, и вот прозвучал совсем неподалеку от наших злосчастных путешественников.

И коль помощь им была уж на подходе, вернемся к Артуру, находящемуся в одном из самых ужасных положений, которое можно сравнить с положением мореплавателя перед бурей бодро стоявшего на палубе своего корабля, уверенного в его крепости и в собственном мужестве, но вот корабль налетел на скалы, разбился в щепы, волны подхватили моряка, и он, моля спасения, захвачен высокими волнами. Куда подевались его бодрость и самоуверенность, хотя еще недавно он был так спокоен и невозмутим? Это уже был не тот молодой человек, который в начале своего предприятия был столь отважен, теперь, обхватив ствол старого дерева, Артур повис меж небом и землей, будучи не в силах оторвать взгляда от места крушения каменного исполина, едва не увлекшего его за собой. Ужас сковал не только тело, но и самые мысли, в глазах его вращались огненные круги, голова кружилась, руки без сил дрожали – Артур боялся, что ему не удержать в объятиях ствол, и тогда ничто не спасет его от падения.

⁵⁶ Браво – телохранитель и наемный убийца в Италии, Венеции и Флоренции на службе знати.

⁵⁷ Ури – лесной кантон.



Он лежал на дереве, обхватив его руками и ногами, в смертельном испуге, один, без какой-либо надежды на спасение. Ему казалось, что сама природа, хотя ничем не примечательная с точки зрения туземца, восстала против него. Все живое окрест было перепугано страшным грохотом обвала. Стаи сов, летучих мышей и других птиц, поднятые им в воздух, устроили жуткий переполох, но понемногу успокоились и теперь спешили разле-

теться по своим гнездам. Среди великого множества птиц, слетевшегося, как представлялось Артуру, полакомиться его останками, ибо он вот-вот должен был сорваться с дерева и разбиться о камни, особо выделялся бородач-ягнятник, — гриф величиной и прожорливостью превосходящий даже орла, — и юноше еще никогда не случилось видеть его так близко. Подобно прочим хищникам, этот гриф имеет обыкновение, насытившись, забраться в свое логовище и сидеть там неподвижно до тех пор, пока голод не выгонит его на охоту. И вот одна из этих птиц, раскинув свои широкие крылья, сорвалась со скалы, названной ее именем, и, описав в воздухе огромный круг, опустилась с пронзительным криком на камни, не далее двух сажен от убежища Артура. Гриф, устремил на юношу свои круглые глаза и, ободренный его неподвижностью, ничуть не выказал того беспокойства, которое ощущают даже самые свирепые звери, находясь поблизости от человека.



Артур, стараясь побороть внезапно овладевший им страх, поднял глаза... и встретил взгляд голодного хищника, изучающего свою жертву. Не в силах выдержать ужасающий взор, юноша непроизвольно стал рассматривать саму птицу. Маленькая голова, глаза, окруженные темно-желтым оперением, и приземистое строение тела, так же резко отличаются грифа от благородного орла, как величавость льва отличает его от злобного волка.

Близкое соседство твари, столь отвратительной, показалось Артуру дурным предзнаменованием. Зачем она так пристально смотрит на него, наклонившись вперед своим безобразным телом, будто готовясь внезапно броситься на него? Грязная птица! Не дух ли то Пилата, и не затем ли он прилетел, чтобы порадоваться тому, как незваный гость его владений угодил в ловушку, из которой уже не вырваться? Или это обыкновенный стервятник, который своим инстинктом чует добычу? Могла ли птица, чутье которой, как известно, велико, предугадать приближение смерти, и не ожидала ли она, подобно ворону при издыхающей овце, минуты, чтобы начать свое пиршество? Неужели он почувствует ее клюв и когти

на своем теле до смерти? Разве он уже лишился того человеческого достоинства, внушающего всем диким тварям страх к богоподобным созданиям?

Эта мысль толкнула кровь в теле Артура: он начал махать платком, и ему удалось прогнать грифа. С пронзительным, унылым криком птица поднялась вверх и, распустив огромные крылья, полетела искать себе иную добычу.

Обрадованный столь легкой победой, Артур, собравшись немного с мыслями, вспомнил об отце, и, повернув голову, заметил его и проводника с мулом – они простирали в его направлении руки и отчаянно ими махали. У Артура учащенно забилося сердце – как же он мог забыть об отце! Осознав, что должен немедленно успокоить старика, юноша, начал в ответ махать платком, которым только что изгнал грифа. И тут он услышал грозные звуки швейцарского рога. Артур ответил на него криком. Почувствовав прилив сил, которые совсем было покинули его, он постарался внушить себе и надежду на спасение. Как ревностный католик, он произнес усердную молитву, вручая себя покровительству Эйнзидельнской Божьей Матери, и прося ее об избавлении от ужасного положения, в коем находился.

– Милосердная Дева! – вскричал он под конец. – Если мне назначено окончить жизнь в этой дикой стране разбившись о камни, то ниспошли мне мужество умереть достойно!

И Артур, хотя и трепетал от смутения и едва не задыхался от сильного сердцебиения, стал искать спасения. Осматриваясь вокруг себя, он почувствовал, однако, что слабеет, взор его мутнеет, кустарники, скалы и развалины замка, кружатся в ужасном беспорядке...

– Боже, спаси меня! – вскричал несчастный юноша, закрыв глаза в надежде, что это спасет его от головокружения. – Я, кажется, теряю сознание!..

Так бы и случилось, если бы приятный женский голос не воззвал к нему совсем рядом. Артур поднял голову и взглянул в ту сторону, откуда послышался голос. Ему не верилось, что он не бредит, скорей наоборот. Образ, ему представившийся, почти совершенно убедил его в том, что рассудок его помутился, и что он не может более полагаться на него.

Прямо над ним, над самой пропастью, явилась ему женская фигура, но туман в глазах скрадывал ее черты. Явившись на фоне голубого неба, она представлялась скорее божеством, нежели человеком, и казалась столь же легкой и почти столь же прозрачной, как и окутывающая ее пелена. Первой мыслью Артура было, что сама Пречистая Дева, вняв мольбе, снизошла до него, и он принялся за молитву Богородице, но видение снова обратилось к нему со словами.

Пока Артур понять их смысл пытался, дева пропала, но вскоре опять появилась на самом краю утеса, возле дерева, спасшего Артура. Вид самой незнакомки, также как и ее одежда, указывали на то, что она обитательница здешних гор. Он видел перед собой красивую девушку, смотрящую на него с отчаянием и состраданием.

– Кто ты, странник, и откуда? – позвала она, наконец.

– Я странник, прекрасная дева, верно, – отвечал Артур, приподнявшись, насколько сил его хватало. – Сегодня утром я покинул Люцерн с отцом моим и с проводником, они там, в полумиле отсюда. Не можете ли вы, прелестная незнакомка, известить их о том, что я в безопасности, потому что отец мой, вероятно, очень обо мне беспокоится.



– Охотно, – отвечала молодая девушка, – только думаю, что дядя мой или кто-нибудь из моих родственников нашел их уже и ведет в наш дом безопасной дорогой. Не могу ли и я вам помочь? Вы не зашиблись? Не ранены? Мы потревожены были паденьем скалы. Вон она лежит... огромная!

Говоря таким образом, девушка гор наклонилась над пропастью и с таким спокойствием глянула вниз, что дурнота и головокружение, от которых Артур почти избавился, вновь охватили его, и он, застонав, еще крепче обнял ствол дерева.

– Вам, наверное, дурно? – спросила девушка, заметив, что он побледнел. – Что с вами?

– Ничего, но у меня кружится голова, когда я вижу вас так близко к краю бездны.

– Только-то? – рассмеялась швейцарская девушка. – Знайте ж, здесь, на краю пропасти, которая детей не испугает, я в такой же безопасности, как и под крышей дома дяди моего. Но, судя по вашим словам, вы добрались сюда оттуда по самой кромке – это выдает в вас человека смелого и ловкого. Вам, видно, не впервой лазить по горам?

– Смелость и ловкость оставили меня с полчаса назад, – отвечал Артур, – а по горам, кажется, мне лазить больше не придется...

– Держитесь! Это просто дурнота, которая случается со всяким. Ползите по стволу дерева, смелее, теперь вставайте – отсюда вам легко будет перепрыгнуть на то место, где я стою, и опасность останется за спиною. Ну, смелей, ведь до сих пор вы не праздновали труса!... – принялась убеждать его дева.

– Да, ранее я не мог упрекнуть себя в трусости, – подтвердил молодой человек, – но я не хочу, чтобы вы казнились, не сумев помочь несчастному бродяге, спасение которого у вас отняла его несмелость.

Девушка беспокойно следила за тем, как он, осторожно поднявшись на дереве (оно, находясь первоначально почти в горизонтальном положении, чуть прогнулось под его тяжестью), собирался перепрыгнуть на тропинку, где стояла она. Сделать это было, однако, далеко не так просто, потому что предстояло оттолкнуться не от твердой земли, а от раскачивающегося дерева, под коим зияла бездна и ревел бурный поток. Колени Артура не гнулись, и ноги, будто налитые свинцом, совершенно отказывались ему служить. Он вновь подвергся

чувству слабости, сковавшему тело, которое так хорошо знакомо всякому, кто хоть раз его испытал.

Девушка заметила его волнение и догадалась о последствиях, к коим оно могло привести. Пытаясь вернуть ему веру и силы, она легко прыгнула с тропинки на дерево, и в ту же минуту, как птица, другим прыжком перепорхнула опять на утес. Затем, протянув незнакомцу руку, спокойно сказала:

– Рука моя на вид слаба, но решившись на нее опереться, ты обнаружишь в ней крепость бернских⁵⁸ стен.

Дева не ошиблась: стыд пересилил страх, и Артур, отказавшись от помощи, которой он не мог принять, не пав окончательно в собственных глазах, превозмог себя и, совершив, как ему показалось, отчаянный прыжок, очутился рядом со своей спасительницей.

Взять руку девы и поднести ее к губам с изъятием искренней признательности, было, вполне понятно, первым порывом юноши, и в том прелестная незнакомка не смогла ему отказать. При этом она не выказала ни малейшего жеманства, очевидно, совершенно ей несвойственного, и не обмолвилась ни единым словом, что можно было расценить как принятую расплату за малую услугу. Стоит ли говорить, что все это произошло на клочке земли едва ли в пять футов длины и три ширины, под которым, ста футами ниже, бурлил водный поток.

⁵⁸ Берн – столица Швейцарии, достопримечательны средневековые городские укрепления XV века – почти неприступная крепость.



Глава III

АРТУР Филиппсон и Анна Гейерштейн, так звали спасительницу юноши, очутившись вплотную друг к другу, невольно смешались. Молодой человек испытывал неловкость из-за того, что в глазах своей очаровательной избавительницы, подавшей ему руку помощи, предстать мог повесой превосходным в галантности за отсутствием опасности. Что же касается молодой девушки, то замешательство ее произошло скорее по непонятным, может быть и для нее самой, причинам.

– Простите меня, добрая незнакомка, – сказал Артур, – но я должен вернуться к отцу. Моя жизнь, спасением которой я вам всецело обязан, будет иметь смысл только в том случае, если я теперь же поспешу к нему на помощь...

Его речь была прервана звуком рога, который исходил с того самого места, где старик Филиппсон и проводник были оставлены юношей. Артур обернулся на его зов, но не смог ничего разглядеть за утесом. Артур поглядел на ствол дерева, – если он хотел кинуть взгляд через пропасть, то вначале пришлось бы перепрыгнуть ее, – и побледнел...

– Пустяки, – сказала молодая девушка, разгадав причину внезапного расстройства юноши, – мне ничего не стоит снова оказаться на дереве и посмотреть оттуда, что там происходит. Но я уверена по звуку рога, что ваш батюшка нашел надежных проводников в лице моего дяди Арнольда Бидермана, или кто-нибудь из моих братьев, пришел ему на помощь. Теперь они уже на пути в Гейерштейн, куда, если угодно, я и вас провожу, потому как дядя, поверьте, в дорогу сегодня вас не пустит. Кроме того, мы напрасно потеряем время, отыскивая их, поскольку они раньше нас доберутся до дома. Следуйте за мной, или я подумаю, что вы отвергаете наше радушие.

– Скорей я отвергну свою жизнь, спасенную, вами, – решительно отвечал Артур, отправляясь за ней.

Взоры, которые волей-неволей ронял на миловидную девушку, следовавший за ней юноша, с каждой минутой приумножали испытываемое им удовольствие находиться в обществе столь прекрасного создания. Позволим же и мы себе взглянуть на нее.



Под верхним платьем девушки, не настолько узком, чтобы подчеркивать стройность фигуры, что возбранялось законами гор, и не слишком широким, чтобы мешать путешествию в горах, было второе, иного цвета, опущенное пониже колен, так что девичьи ноги были видны во всей их прелестной стройности. На ногах были сандалии с загнутыми кверху носками, а их ремни переплетались вокруг лодыжек, и скреплялись серебряными колечками. Верхнее платье украшал пояс из яркого шелка вышитый золотом, а нижнее оставляло приоткрытой ослепительной белизны шею. И эта узкая белая полоска на шее еще резче выступала в контрасте с лицом украшенным солнцем. Однако, это нисколько не умаляло его прелести, напротив – солнечный загар ей был к лицу. Длинные, светло-русые волосы девушки рассыпались роскошными локонами по плечам, а голубые, широко открытые глаза являя кротость и доверчивость; обнаруживали душу слишком чистую, чтобы оставалось в ней место для дурного, и натуру крайне благородную, чтобы она могла внушать недоверие. Ее головку украшала прелестная шапочка в которую, по обычаю горских девушек, было вдето перо цапли с тонкой золотой цепочкой – необыкновенной роскошью по тем временам, – которая, обвиваясь несколько раз вокруг шапочки, скреплялась золотой же брошью.

Остается добавить, что ростом девушка была несколько выше среднего, и статью более походила на Минерву, чем на горделивую Юнону или сладострастную Венеру⁵⁹. Гладкий лоб, стройные ноги и красивые руки, твердая и легкая походка, но более всего невинная непринужденность юной швейцарки могли бы служить художнику прообразом богини целомудрия.

⁵⁹ Минерва – в римской мифологии богиня-покровительница ремесел и искусств. Вместе с Юпитером и Юноной составляла Капитолийскую триаду. отождествлялась с греческой Афиной и почиталась также как та богиней мудрости и целомудрия. Юнона – в римской мифологии богиня – покровительница брака, материнства, женщин, супруга Юпитера. Венера – в римской мифологии богиня весны и садов, отождествлялась с греческой Афродитой и почиталась как богиня любви и красоты.

Дорога, которой они шли, была крута и ухабиста, но не опасна в сравнении с той, какую Артуру пришлось преодолеть. Она была, как уже догадался читатель, продолжением той тропинки, часть которой обрушилась при обвале; и во многих местах трудно проходима, что характерно для швейцарских дорог, сколь мало о них заботятся. От девушки Артур узнал, что тропинка эта соединяется в обход с другой, которой сейчас шли его отец с проводником и ее дядя, и если б путники свернули раньше на нее, они обошли бы стороной свое злоключение.

Тропа все далее уходила от потока, рев которого еще был слышен, но с каждым шагом он становился тише, и вдруг дорожка, круто повернув, выпрямилась и открыла их взорам одно из великолепнейших зрелищ этой горной долины.



Древний замок Гейерштейн, хотя и безыскусный, предстал им в своем грозном величии, придаваемом ему положением на краю крутого обрыва над бурной рекой, низвергающейся водопадом в ущелье с большой высоты. Стены главной башни, расположенной древним архитектором столь живописно, казалось, принадлежали самой остроконечной скале, отмечая ее крутизну. По традиции средневековой Европы крепость представляла собой правильный четырехугольник. Разрушенная сверху, главная башня, несмотря на сей отпечаток времени, все еще имела грозный вид благодаря башенкам вокруг нее (иные из них тоже несли следы разрушений), упрочивающим поднебесное положение хмурой твердыни.

Из главных ворот замка можно было выйти на мост, соединявший замок с противоположным берегом реки, на котором теперь находились Артур и Анна. Половина этого моста полукруглой каменной кладкой со стороны замка доходила середины реки у самого водопада, опираясь на мощные опоры из валунов. В прежние времена она продолжалась подъемным мостом, соединяющим его с другим – деревянным, возлежавшим на узкой каменной гряде, не препятствующей течению реки, поскольку она едва покрывала каменистое ложе. Конечно, для обороны крепости это был существенный недостаток, ведь когда мост поднимался, все ж оставалась возможность подобраться к ней по узкой гряде едва не до главных ворот. Но путь тот был не шире восемнадцати дюймов и оканчивался напротив ворот замка (защищенных железной решеткой) неширокой площадкой, простреливаемой и с башен и со стен, так что враг не дерзнул бы подступить к Гейерштейн этим путем.



Впрочем, в описываемое нами время замок вовсе лишен был защиты: и мост, и ворота, и железная решетка были разрушены; берега реки соединялись узкой каменистой грядой, служившей переправой местным жителям, которые не замечали ее неудобства.

Артур Филиппсон к тому времени, как он и его проводница подошли к замку, совершенно оправился от пережитых им злоключений и был подобен хорошо натянутому луку готовому к стрельбе. Правда, он слегка взволновался, последовав за своей проводницей,

с легкостью пробирающейся по узкой гряде из округлых камней, скользких из-за брызг ворчливой реки. Не без робости совершил он и переход в непосредственной близости от водопада, стараясь не смотреть на падение вод, грохот которых закладывал уши. Лишь желание не выглядеть окончательным трусом перед красавицей, столь хладнокровной к сущим пустякам, заставило Артура преодолеть свой страх – ступая осторожно и опираясь на сучковатую палку, он шел след в след за своей проводницей по зыбкой переправе, пока не дошли они до ворот замка.



Миновав ворота, они очутились на внутреннем дворе замка перед донжоном⁶⁰, который, не утратив свою былую грозность, мрачно возвышался среди разрушенных строений и разбросанных обломков. Все было покрыто мхом, плющом и прочей растительностью; словом, всею пышностью, какой природа населяет запустение и одичалость.

⁶⁰ Донжон (франц. donjon) – отдельно стоящая главная башня феодального замка, наиболее укрепленная и неприступная.



Они прошли насквозь весь замок и очутились на противоположной его стороне, где цитадель возвышалась уже над ровною долиной. Взорье, обрывающееся у реки отвесной скалой, здесь, подобно гласису⁶¹, что вполне обеспечивало замок от внезапного нападения с этой стороны, оканчивалось покатым спуском, густо поросшим кустарником и молодыми

⁶¹ Гласис (франц. *glacis* – скат, откос) – пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости или военного лагеря. Возводится для улучшения обстрела местности, маскировки и защиты укрепления.

деревьями, над которыми главная башня гордо несла свою скорбную главу. За этой чащей местность совершенно менялась. Вид ее был разителен: более сотни акров занимали нагромождения камней, вполне соответствующих дикому характеру местности, какую наши путешественники миновали нынешним утром; но под их защитой от разгула стихий лежала узкая плодородная нива, которая врезалась в общий ландшафт пестрою лентой, едва приметно нисходящей на юго-запад.



Взгляд юноши привлек большой дом, сложенный из грубо тесаных бревен, без всяких украшений и искусов. По густому дыму над ним, по хозяйственным подворьям и по садам и огородам вокруг него можно было догадаться, что в нем царит не роскошь, но уверенный достаток. Сад плодовых деревьев простирался на юг от дома. Орешник и каштаны росли кра-

сивыми купами, а разведенный на трех или четырех акрах виноградник указывал на то, что виноделие проникло и сюда. Теперь вино приносит большие прибыли Швейцарии, но в стародавние времена, оно было доступно лишь тем счастливым, кои выйдя из нужды, могли посвятить себя искусству выращивания лозы.



На тучном лугу паслось стадо овец отличной породы, составляющей гордость и богатство обитателей здешних гор – с Альпийских хребтов, где они проводили лето, к осени их всегда пригоняли домой. По отлогим живописным берегам, меж кустов лещины и боярыш-

ника, тек извилистый ручей, играющий в зеркальных водах солнечными лучами, проглядывающими сквозь клочья тумана. После многих изгибов, как бы нехотя оставляя эту тихую обитель, ручей, наконец, подобно юноше, спешащему от детских забав к взрослой жизни, соединился с бурным потоком, что, с шумом ударяясь об утес с древней башней замка Гейерштейн, устремлялся в ущелье, где Артур побывал на краю своей гибели.

Как ни желал юный Филиппсон свидеться поскорее со своим отцом, а все ж приостановился, изумленный видом сельской идиллии. Он оглянулся на башню, на высокий утес, будто желая убедиться, что счастливо достиг покоя, оставив все страхи позади. Но стоило осмотреться вокруг, как становилось ясным, что пядь земли, возделанная человеком в огромных трудах, окружена со всех сторон природой дикой и неукротимой. Ее вплотную обступали высочайшие горы Европы изо льда и камня, у чьи подножий, покрытых дремучим хвойным лесом, некогда творился нынешний облик земли. И каждое утро напоминало о том розовением льда, когда солнце подбиралось к пикам поднебесных вершин, в немом величии застывших над суетностью мира.

И все же спустимся с них и вернемся к юноше, увидевшему на лужайке перед усадьбой, если можно так назвать это место, пять или шесть человек, в одном из коих, по походке и одежде, тотчас узнавшему своего отца.

С легким сердцем и шагами поспешил он за своею проводницей, и дорога после крутого подъема помогала им в том. Вскоре и отец, увидев сына, заторопился к нему в сопровождении немолодого человека высокого роста. Своей простой, но вместе с тем заметной наружностью он, верно, ничуть не отличался от своих соотечественников – Вильгельма Телля, Штауфбахера, Винкельрида⁶² и других знаменитых швейцарцев, которые в минувшем столетии мужественно сражались с многочисленными войсками австрийских герцогов и отстояли свою свободу и независимость.

⁶² Вильгельм Телль – легендарный герой швейцарского народа. Легенда основывается на древнем народном сказании о метком стрелке. В XIII веке Швейцария была завоевана австрийцами. Швейцарцы поднялись на борьбу за независимость своей родины. Легенда настолько срослась с былью, что хроника XIV в. сообщает даже «точную» дату знаменитого выстрела Вильгельма Телля, сбившего яблоко с головы своего сына, – 18 ноября 1307 г. Выстрел этот, как рассказывают, явился сигналом к народному восстанию. Спустя восемь лет швейцарцы разбили австрийцев в битве при Моргартене и навсегда изгнали их из своей страны.





Чтобы не стеснять отца и сына, ландман, шедший вместе со старым Филиппсоном, дал своим людям знак не двигаться с места. Все они – юных лет – тут же подчинились и обступили Антонио с расспросами о чужестранцах. Анна только и успела сказать Артуру: «Вот мой дядя – Арнольд Бидерман... мои братья», как сын предстал перед отцом. Ландман отвел в сторону племянницу и, расспрашивая, что с ней приключилось, краем глаза наблюдал за чужеземцами, дабы не смущать их чувства. Но все произошло совсем иначе, чем можно было ожидать.

Безусловно, старший Филиппсон был любящим отцом, готовым ради детища пойти на что угодно, и возвращению его был бесконечно рад. И Бидерман, разумеется, мог ожидать, что сын с отцом не будут сдерживать свои переживания. Но старый англичанин, истинный сын своей страны, народной выдержке не изменил, и под холодную личиной свое душевное смятение скрыл. Красив в былую пору, он и теперь еще имел приметную наружность, наученную подчиняться строгим правилам морали, в коих и сына воспитал. Завидев сына, невольно устремился он ему навстречу, но чем меньше становилось расстояние меж ними, тем более степенней поступь делалась его, и вот, встав перед ним, батюшка, больше с увещанием и укоризной, чем с родительской нежностью, изрек:

– Да простят тебя, Артур, святые за огорчения, которые ты ныне мне доставил.

– Amen! – юноша ответил. – Меня, отец, простите за эти огорченья, но поверьте, я действовал из лучших побуждений.

– Хорошо и то, сынок, что побуждения твои не привели к плохому.

– Этим я обязан, – отвечал с почтением Артур, – вот этой девушке, – он повернулся к Анне, которая стояла в нескольких шагах и явно удивлялась строгости отца, какая ей вовсе неуместной показалась.

– Пред ней в долгу я не останусь, когда узнаю, как ее благодарить. А пока меня, отец, простите – всяк джентльмен в долгу не должен быть у леди...

И Артур, опустив глаза, сильно покраснел, между тем как Арнольд Бидерман, желая юноше помочь, выступил вперед, вмешавшись в разговор:

– Не стыдись, мой юный гость, что ты совету внял горянки и помощь ее принял. Свободой мы обязаны не только твердости и мужеству своих сынов, но и дочерей наших. А ты, мой гость почтенный, прошедший, видимо, немало лет вдали от дома и повидавший много стран, конечно, знаешь, что сильные порой вызывают к слабым, и гордость пред кротостью склоняет выю.

– И не в чести, – отвечал англичанин, – перечить хозяину, принявшему гостя радушно. – И ласково взглянув на сына, он двинулся вместе со всеми к дому, возобновив с ландманом разговор, видимо, начатый еще до встречи с Артуром и Анной.

Артуру же представился случай разглядеть швейцарского ландмана, облик которого, как я уже заметил, являл единство простоты и благородства. Наряд его своим убранством мало отличался от платья девушки, уже описанного нами. Он состоял из верхнего платья, надеваемого через голову поверх нижнего. Но оно было сильно короче девичьего и едва доходило колен, наподобие юбок шотландцев. Зато высокие сапоги скрывались отворотами под платьем. Шапка из куньего меха, с единственным украшением во всем одеянии ландмана – серебряной бляхой, и широкий пояс из бычьей кожи с медною пряжкой довершали костюм Бидермана.

Однако наружность носившего столь скромный наряд, сплошь из шерсти и меха убитых на охоте зверей, внушала к нему уважение. Иначе и быть не могло в то бранное время, когда прежде всего ценилось мужество и сила. Простолудин в Арнольде Бидермане видел, может быть, Геракла – так внушительны были его рост, широкие плечи и мощные мускулы; но более тонкий наблюдатель, обращавший свое внимание на благородные черты его лица, открытое чело, большие голубые глаза, излучавшие ум, отвагу и решительность, нашел бы

в нем больше сходства с мудрым Зевсом. Окруженный многочисленной толпой своих сыновей и юной порослью рода, он шел среди них, принимая как должное их знаки уважения и покорности, словно вожак оленьего стада.

Пока Арнольд Бидерман был занят разговором с англичанином, молодые люди, не стесняясь, разглядывали Артура, время от времени расспрашивая Анну о нем, что следовало из их жестов и взглядов в сторону юноши. Но Анна отвечала коротко и с неохотой. Этим она лишь разожгла любопытство, которое, оставшись неудовлетворенным, пробудило в горцах шутивную дерзость. Артур догадывался, что шутки направлены против него. А горцев и впрямь забавлял человек, коего шатало на краю пропасти от головокружения, как нас позабавил бы запинаящийся о мостовую. Быть предметом шуток всегда неприятно, но каково сносить унижения юности, где девичья красота – ее свидетель. Одно сдерживало Артура: девушка, кажется, не разделяла издевок молодых людей, и упрекала их в неуважении к чужестранцу; однако он опасался, что поведением ее руководила обыкновенная учтивость, какою хозяин гостю всяко обязан.

«В душе она тоже, может быть, смеется надо мной, – думал он, – и, вероятно, одна лишь вежливость, неведомая этим дикарям, заставляет ее скрывать улыбку. И поделом, ведь она судит обо мне только по тому, что ей пришлось недавно видеть; о! если б она знала меня лучше...»

Ступив в жилище Арнольда Бидермана – большую горницу, служившую и столовой и гостиной, – путешественники обнаружили приготовления к обеду. Вокруг по стенам висели орудия сельского труда и охотничьи снасти; но внимание старого Филиппсона прежде всего было привлечено кожаными латами, длинным тяжелым бердышом и двуручным мечом. Близ них висел покрытый пылью, потускневший от времени рыцарский шлем. Позолоченное украшение на шлеме в виде короны, почерневшее от недогляда, указывало на благородное происхождение его бывшего владельца; а хищная птица на короне уверила английского гостя, наслышанного о войнах швейцарцев за независимость, в том, что перед ним боевые трофеи, доставшиеся нынешнему хозяину от предков, одолевших некогда здешнего владыку.

Приглашение к столу прервало размышления английского купца, и многочисленное семейство Бидерманов, не чинясь, расселось трапезничать бараниной, рыбой, сыром и по особому случаю – мясом молодого оленя. Сам ландман потчевал гостей с большим радушием, прося чужестранцев доказать своим аппетитом, что они не гнушаются его угощением. В продолжение обеда он разговаривал со стариком Филиппсоном, в то время как все прочие вкушали в полном безмолвии.

Но прежде чем обед закончился, свет от единственного окна на миг померк в столовой, и юные горцы заметно оживились. Бидерман строго глянул на сидевших против окна за его спиной, и после того, как порядок за столом восстановился, тихо спросил:

– Кто там?

– Кузен наш, Рудольф! – опережая прочих, торопливо молвил один из сыновей Бидермана, и спокойствие вновь нарушилось переглядами, шепотом и улыбками.

Это известие, видимо, доставило радость всей молодежи, и в особенности сыновьям ландмана; глава же семейства только лишь и произнес:

– Пускай войдет.

Двое или трое из его сыновей, как по уговору, тотчас вскочили оказать честь новому гостю. В зал вошел молодой человек высокого роста, атлетического сложения, с густыми, темно-русыми волосами, рассыпанными кудрями по плечам. Маленькая шапочка едва належала на его голову, и потому сидела на ней набекрень. В прочем одеянии он ничуть не отличался от старого Бидермана, хотя сукно его платья было потоньше, соткано, верно, в Германии, и затейливо отделано. Один рукав, темно-зеленого цвета, был вышит серебряными

узорами, меж тем как весь костюм был алым. За пояс, вытороченный золотом, был заткнут кинжал с серебряной рукоятью. Наряд его дополняли сапоги, длинные носки которых загибались вверх по моде, цепь и медальон из золота сверкали на груди.

Сей юный франт был тотчас окружен сыновьями Бидермана, считавшими его образчиком для подражания всей швейцарской молодежи, среди коей он слыл несравненным.

От Артура, однако, не укрылось, что двое из Бидерманов не проявляли к новому гостю того внимания и уважения, которые единодушно спешила выразить ему прочая юная поросль. По крайней мере, Арнольд Бидерман сдержанно приветствовал молодого бернца – Рудольф Доннерхугель родом был из Берна. Молодец, меж тем, вынув из под одежд запечатанное письмо, вручил его ландману с видом глубочайшего смирения и, казалось, застыл в ожидании ответа по прочтении. Но ландман лишь жестом пригласил его за стол, ни слова не сказав о письме. Рудольф занял место подле Анны, какое с живостью уступил ему один из сыновей Арнольда Бидермана.

Юный англичанин заметил также, что бернский модник был принят девушкой с прохладцей, несмотря на то, что тот был с ней весьма любезен и всячески ей тщился угодить. Он так увлекся, что за столом хозяйским сидючи невежливо забыл об угощении. Юный Филиппсон, увы, не мог слышать, о чем Рудольф Доннерхугель расспрашивал Анну, но от него не укрылся смущенный девичий взгляд, брошенный на Артура, и короткий ответ бернцу. Однако один из сыновей Бидермана, сидевший по другую руку с Рудольфом, был более словоохотлив: о чем он говорил осталось также неизвестным для Артура, но только оба молодца негромко посмеялись, а Анна смутилась еще больше.

«Попадись один из этих горцев, – подумал Артур, – мне на ровном месте не в здешнем логове медвежьем, уж я отбил бы у него желание смеяться. Не их лаптям топтаться рядом с леди, не им – медведям плясать с феей ригадон⁶³. Хотя, что мне за дело до ее миловидности и их неотесанности, если завтра в дороге я забуду о них навсегда...»

Эти мысли Артура были прерваны тем, что хозяин дома потребовал вина, и пригласил чужестранцев выпить с ним из больших резных кленовых кубков. Такой же кубок он послал Рудольфу фон Доннерхугелю.

– Выпей, племянник, – сказал он ему, – хотя я слышал, тебе более по вкусу вина понежнее, чем наша Гейерштейнская лоза⁶⁴. Верите ли, господин купец, – продолжал он, обращаясь к Филиппсону, – иные в Берне ставят ни во что родное, предпочитая дорогие французские или немецкие вина.

– Дядюшка это осуждает, – заметил Рудольф, – но ведь не всякая долина в Альпах родит такой же сладкий виноград как в Гейерштейн, и кое-что еще, радующее взор и сердце... – Последние слова со вздохом и взглядом обращены были к Анне, но девушка и бровью не повела, и Рудольф продолжил: – И что в том безрассудного, если бернцев побогаче манит вкус, и цвет, и запах не только местных вин. А впрочем, скоро бургундское подешевеет, когда мы бочками его забьем свои подвалы.

– О чем это ты, Рудольф? – насторожился Бидерман.

– Мне кажется, почтенный дядюшка, – отвечал бернец, – что из бумаг, которые я имел поручение вручить вам, вы поняли уже, что наш Союз⁶⁵, скорей всего, войну Бургундии объявит!

⁶³ Ригадон (франц.) – старинный французский танец.

⁶⁴ Сухое десертное вино с небольшим количеством сахара из недозрелого винограда.

⁶⁵ Швейцарские лесные кантоны Швиц, Ури и Унтервальден 1 августа 1291 г. заключили «Союз на вечные времена», заложивший основы Швейцарского Союза – фактически самостоятельного государства в рамках Священной Римской империи. В 1332 г. в «Союз» вступил Люцерн, в 1351 – Цюрих, в 1353 – Берн. В 1370 г. шесть кантонов заключили между собой новое соглашение – первый не только военный, но и гражданский договор между союзниками. В 1389 г. с окончательным присоединением Цуга и Гларуса закончилось образование «Союза восьми старых земель». «Союз» номинально

– А! Так тебе известно содержание письма! – вспыхнул Арнольд Бидерман. – Вот еще доказательство того, что времена уже не те! Все в Швейцарии переменялось! А что, неужто старцы все сошли в могилу, и некого призвать к совету с бородой?

– Бернский Сенат и Совет Конфедерации, – тихо юноша ответил, – не возбраняют молодежи знать об их решениях, коль на ее плечи воля их ложится... Голове разумной руке разящей должно доверять.

– Но не допреж, чем голос старческий решение огласит! – строго рек Бидерман. – Кто ты таков, чтоб разглашать отчизны намеренья в присутствии чужестранцев и женщин? Ступай, Рудольф, и все вы тоже... Играйте ловкостью и силой – вашей родине из того больше пользы будет. А ты, парень, коль хочешь, оставайся, – обратился ландман к Артуру, который поднялся из-за стола вместе с другими: – Не для тебя мои слова, да и то, горы сил лишают с непривычки.

– С вашего позволения, сэр, вы правы, но лишь отчасти, – возразил старый Филиппсон. – Мы в Англии полагаем за лучшее, снять усталость с дороги легкой прогулкой. Это куда полезнее, чем сразу свалиться в постель. Потому, если молодые люди примут его в свою кампанию, мой сын присоединится к их забавам.

– Они могут показаться ему грубыми, – отвечал Бидерман, – а, впрочем, дело ваше.

Повинуясь приказу, молодежь вышла на лужайку перед домом. Анна и прочие девушки уселись на скамейку, чтобы судить, кто из юношей выкажет более ловкости и силы. Оставшиеся в доме старики скоро услышали крики, смех, и все, что всегда сопутствует молодым забавам.

Хозяин дома взял кувшин с вином, наполнил чашу гостя, а остатки вылил в свою.

– В те лета, уважаемый чужестранец, – сказал он, – когда кровь стынет и увядают чувства, умеренное употребление вина возвращает им былое. И все ж я сожалею, что Ной возлюбил виноград⁶⁶. В последние годы я все чаще вижу, как мои земляки, подражая немцам, напиваются допьяна и уподобляются животным, неспособным ни чувствовать, ни мыслить, что не подобает людям в рассудке.

– Этот порок, – сказал англичанин, – успел я заметить, входит в обыкновение и в нашей стране. От стариков я слышал, что всего сотню лет назад он был редок и почитался за сумасшествие.

– Вот-вот, – отвечал Бидерман. – И у нас вино было редкостью, только с местных виноградников, потому как никто не мог купить того, что не родилось в наших долинах. Но... ратные подвиги подвигли нас и на богатство, а по мне, нам было б лучше и без того, и без другого, была б свобода сеять нам и жать, да мирно ходить за стадами. Впрочем, торговля иногда приводит в наши горы такого умного собеседника как вы, мой гость почтенный. По вашей речи я сужу, что вы человек не лишенный прозорливости и рассудительности. И хотя мне совсем не нравится новое пристрастие моих соотечественников к безделушкам, кои вы, купцы, привозите нам, однако, я охотно соглашусь, что мы в своих горах имеем много пользы ваших знаний. Вы держите путь, мне сказали, в Базель, а оттуда в лагерь бургундского герцога?

– Да, достопочтенный хозяин, если на то будет божья воля.

– Когда с отъездом вы повремените, то можете надеяться на это: через два, самое большее три дня, я отправляюсь той же дорогой с такой охраной, какая будет вам подмогой. Вы найдете во мне надежного и верного проводника, а я послушаю ваши рассказы о тех стра-

признавал верховенство Священной Римской империи, но это была уже чистая формальность. Военное могущество швейцарцев толкало «Союз» к расширению своих владений.

⁶⁶ Ной стал первым из людей возделывать виноград и был первым пьяницей.

нах, в которых вам приходилось бывать, может быть, дела их могут и меня коснуться. Итак, слажено дело?

— Предложение ваше слишком выгодно для меня, чтобы стал я от него отпираться, — сказал англичанин, — но могу ли я спросить о цели вашего путешествия?

— Я только что устроил выволочку Рудольфу, — отвечал Бидерман, — за то, что он наговорил лишнего о делах нашего Союза, но от такого опытного человека, как вы, бесполезно было бы скрывать полученные мной известия, тем более что слухами земля полнится. Вам, конечно, известно о взаимной ненависти между Людовиком XI, королем французов, и Карлом, герцогом бургундским, коего прозвали Смелым. Посещая эти страны много раз, вы, вероятно, лучше знаете о тех причинах, которые, помимо личной неприязни этих государей, предрешили их взаимную вражду. Людовик, с коим никто на свете не сравнится в хитрости и кознях, ссужает многие суммы нашим бернским соседям, возбуждая корысть стариков и честолюбие юных, жаждет нашими руками одолеть бургундского герцога. Карл же, сам того не ведая, лишь на руку играет своему злейшему врагу. Бернские наши соседи и иные не довольствуются, подобно нам, жителям лесных кантонов, тихой сельской жизнью, они ведут немалую торговлю, которой герцог всячески мешает в пограничных с нами городах через наместников своих⁶⁷.

— Ваша правда, — отвечал купец, — и мы от них натерпелись.

— И не удивительно потому, что ласкаемые одним из государей и притесняемые другим, Берн и прочие городские кантоны нашей Конфедерации золотом Людовика перетягивают чашу весов в Совете супротив лесных кантонов, стремясь к войне ради добычи и выгод.

— Вы забыли прибавить к сказанному вами, почтенный хозяин, и славы! — добавил Филиппсон, желая хозяину сделать приятное. — Я нисколько не удивляюсь вашим храбрым юношам, желающим новой войны, ведь выросли они в лучах славных побед, одержанных их праотцами!

— Здравый ли смысл, теперь, любезный гость, говорит вашим языком, — сокрушился хозяин, — если вы полагаете мир, добытый прежнею кровью, веским доводом войны. И позвольте нам самим судить о нашей прошлой славе. Мы сражались за свою свободу, и Бог благословил наше оружие, но сделает ли он то же самое, ежели станем мы драться за золото Франции для грабежей?

— Ваша правда, и я вновь убедился, что вы человек весьма благоразумный... — признался купец, — но неужели вы не поддержите ваших братьев и не обнажите свой меч против герцога Карла?

— Послушайте, дорогой друг, — отвечал Бидерман. — Конечно, жителей лесных кантонов, не очень заботят торгаши из Берна. Но мы не покинем наших союзников, хотя бы лишь потому, что они наши соседи; и решено, от нас будут отправлены представители к герцогу бургундскому, чтобы решить дело миром. Совет Конфедерации, собравшийся теперь в Берне, желает, чтобы я возглавил это посольство. Это и есть цель путешествия, в котором я приглашаю вас сопутствовать мне.

— Мне будет приятно сопровождать вас, дорогой хозяин, а в вашей миролюбивой миссии, тем более, — сказал англичанин, — но... как человек честный, признаюсь вам, что по осанке вашей и наружности вы скорее похожи на вестника войны, чем на посланца мира.

— Что ж, признаться, я тоже углядел в вас человека, более привыкшего к мечу, а не к аршину.

⁶⁷ Карл Смелый мечтал расширить свои владения до размеров королевства Лотаря I (840—855), внука Карла Великого, основателя Лотарингии. С этой целью он воевал с Лотарингией и Баром, которые, врезаясь в его владения, разрезали их на две части. Возрастающее могущество Бургундии натолкнулось на созданную против нее коалицию Франции, Австрии и Швейцарии.

– Не скрою, мечу служил я лучше, чем аршину, – отвечал Филиппсон с улыбкой. – И, может быть, волею судьбы, к нему еще вернусь.

– Так я и думал! – воскликнул Арнольд Бидерман, хлопнув широкой ладонью себя по колену, и, поскольку он не ошибся в том, что давно уж предполагал в англичанине солдата, через мгновение продолжил: – И, верно, вам привелось сражаться под знаменами родного отечества против внешнего врага. Война за правое дело возвышает солдатскую душу, хотя и приходится причинять страдания тем, кто сотворен по образу и подобию божьему. Мне не пришлось испытать этого чувства – та распря, в которой довелось мне драться, не имела благой цели. Это была междоусобная Цюрихская война⁶⁸, когда швейцарцы имели несчастье вонзать свои копья в грудь земляков, где просили пощады и отказывали в ней на одном и том же языке. Таких ужасных воспоминаний, вероятно, нет у вас?

Филиппсон опустил голову, скрыв ладонью лицо, как человек, в котором вдруг пробудились самые горькие воспоминания.

– Увы! – сказал он. – Вы потревожили старые раны. Я был на родных полях, покрытых трупами моих сограждан, и стоял у эшафотов, обгаренных их же кровью... когда обоюдная жестокость в многолетней войне истощала силы отчизны! Даже в ваших непроходимых лесах и высоких горах вы, вероятно, слышали об этой распре?

– Мне помнится, – сказал швейцарец, – что Англия лишилась своих завоеваний во Франции вследствие кровавых внутренних раздоров, продолжавшихся много лет за цвет розы. Но ведь они давно кончились?

– Хотелось бы в это верить...⁶⁹ – отвечал Филиппсон.

Тут раздался стук в дверь, и после того, как хозяин дома откликнулся, дверь отворилась, и в зал с поклоном, коим обыкновенно юные в этой стране являли старшим свое почтение, вошла Анна Гейерштейн.

⁶⁸ Цюрихская война – речь идет о гражданской войне (1436—1450), которую вел кантон Цюрих с другими кантонами. В войну вмешивались французы и австрийцы.

⁶⁹ Алой и Белой розы война, междоусобная война за английский престол между королевскими династиями (ветви Плантагенетов) Ланкастеров (в гербе алая роза) и Йорков (в гербе белая роза), начавшаяся в 1455 г. и закончившаяся лишь в 1485 г., (напомним читателю, что действие романа относится к 1474 г.) с восшествием на английский престол новой королевской династии Тюдоров.

Глава IV

*...в руках обращая
Лук свой туда и сюда, осторожно рассматривал, целы ль
Роги, и не было ль что без него в них попорчено червем.
Глядя друг на друга, так женихи меж собой рассуждали:
«Видно знаток он, и с луком привык обходиться; быть может,
Луки работает сам и, имея уж лук, начатой им
Дома, намерен его по образчику этого сладить:
Видите ль, как он, бродяга негодный, его разбирает?»
«Но, – отвечали другие насмешливо первым, – удастся
Опыт уж верно ему! и всегда пусть такую ж удачу
Встретит во всем он, как здесь, с Одиссеевым сладивши луком».*
Гомер, «Одиссея»⁷⁰

ДЕВУШКА приблизилась к дяде с тем застенчивым видом, который так к лицу юным красавицам, когда они, пытаясь скрыть свое смущение и трепет, и весь их облик самая невинность, желают просить, как им кажется, нечто весьма значительное, и зашептала что-то на ухо Бидерману.

– Разве эти бездельники не могли сами спросить? Почему они тебя послали? Хотя, по всякому пустяку они и так жужжат, как мухи, такова уж нынешняя молодежь.

Анна наклонилась и опять стала шептать на ухо дяде, а тот с нежностью перебирал ее шелковистые волосы.

– Бушитолецкий лук?! Милая моя! – вскричал он наконец. – Да едва ли эти увальни стали сильнее с прошлого года, когда никто из них не смог его натянуть! Впрочем, вот он висит со стрелами... Кто ж тот удалец, что берется за непосильное дело?

– Сын этого господина, дядюшка. Он не смог угнаться за братьями в беге, метать камни ему детская забава, и он предложил им состязание верхом, и в стрельбе из длинного английского лука.

– Состязаться верхом, – засмеялся почтенный швейцарец, – трудненько там, где скаковых лошадей отродясь не бывало, а если б и были, то вряд ли нашли бы мы место для скачек. А вот английский лук мы ему дадим, потому, как он у нас есть. Возьми его, дитя мое, с тремя стрелами, и передай вот что: тот, кто его натянет, достоин станет самого Вильгельма Телля и знаменитого Штауфбахера.

В то время как Анна снимала лук со стены, где он висел посреди прочего оружия, Филиппсон сказал:

– Если в песнях менестрелей красавицы и целят из лука, то не иначе как с помощью Купидона⁷¹.

– Оставим их песенки, – сказал нарочито серьезно ландман, но в бороде его терялась добродушная улыбка, – нам надоели-таки своими глупостями менестрели и миннензингеры⁷², с тех пор как эти бродяги распознали, что у бедных горцев завелись деньжата. Швейцарская девушка не должна петь ничего, кроме баллад Альберта Чуди⁷³ и чудесной пастушьей песенки, чтобы гонять коров на пастбища и водить их обратно в стойла.

⁷⁰ Перевод В. А. Жуковского.

⁷¹ Купидон – латинское название древнегреческого бога любви Эроса.

⁷² Миннензингер – странствующий поэт-песенник, воспевающий рыцарские подвиги.

⁷³ Альберт Чуди (Башмачник) – знаменитый швейцарский мастерзингер (мейстерзингеры – средневековые поэты-певцы из ремесленно-цеховой среды, пришедшие на смену миннезингерам).

Пока Арнольд Бидерман благодушно ворчал, Анна сняла большой английский лук длинной более шести футов⁷⁴ и три стрелы. Филиппсон попросил позволения взглянуть на это оружие и внимательно его рассмотрел.

— Славный тис, — сказал он, поглаживая ложе лука. — В свое время мне случалось не раз целить из такого оружия. В годы Артура я так же легко натягивал его, как ребенок сгибает ивовый прут.

— Хвастовство седин не красит, — сказал Арнольд Бидерман, бросив на своего товарища неодобрительный взгляд. — Отнеси этот лук твоим братьям, Анна, и скажи им, что натянувший его, отца переможет, — и взглянув на суховатого англичанина, ландман расправил свои могучие плечи.

— Вам ли не знать, мой друг, — улыбнулся Филиппсон, — для того, чтобы мастерски владеть оружием, не сила нужна, а навык многолетний. Вот я держу в руках лук, сделанный мастером Матфеем Донкастром, который жил, по крайней мере, лет сто тому назад, и это меня удивляет — он прославился тем, что делал крепкие луки для сильных рук, с которыми не всякий йомен справлялся.

— Как вы узнали имя мастера, почтенный гость? — спросил Бидерман.

— По клейму старого Матфея, которое он ставил на всем своем оружии в виде заглавных букв его имени, вырезанных на ложе. Как он мог оказаться здесь, и притом так хорошо сохраниться?

— Мы регулярно смазываем его, — ответил ландман, — и храним как трофей достопамятного дня. Я мог бы рассказать его историю, но не хочу умалять английской славы.

— Наши предки так много одержали побед, что нам не приходится за них краснеть, и даже поражения не лишают их славы. Но разве англичане воевали в Швейцарии?

— Не совсем чтобы так, — отвечал, призадумавшись, Бидерман, — но при жизни моего деда случилось многочисленному отряду оставшихся без дела солдат, составленному из людей разноплеменных, в особенности из англичан, нормандцев и гасконцев, учинить набег на Ааргау и на соседние с ним земли. Их вел известный вояка Ингельрам де Куси, который имел какие-то счеты с герцогом Австрийским. Одержимый мстью, он перепутал австрийские владения, с землями нашего Союза. Его солдаты, были так же храбры в битвах, как и жестоки в грабежах и убийствах⁷⁵, свой хлеб они жали на полях брани. Война между Францией и Англией, проходившая тогда ни шатко, ни валко, оставила без наживы этих головорезов, и они пришли искать ее здесь — в наших долинах. Блеск их оружия затмил солнце, а летящие стрелы разгоняли тучи. Много они причинили нам зла. И вот мы сошлись с ними при Бушитольтце, много рыцарей тогда побраталось кровью со своими конями. Высокий холм, покрывающий останки павших в этой битве, еще и теперь зовется Английским.

Филиппсон, помолчав немного, сказал:

— Пусть под ним они покоятся с миром! Если они были виновны, то поплатились сполна: выше этой платы нет от человека. И простит их Господь!

⁷⁴ Длина английского лука достигала 185 см, длина стрелы — от 90 см до 1,5 м; дальность полета стрелы до 200 м. Рыцарские доспехи стрелы, выпущенные из английского лука, пробивали со 150 м. Английские лучники за минуту успевали выпустить 10—12 стрел. При стрельбе английские лучники правую руку с тетивой держали неподвижно, и натягивали лук от себя, «ложась» на него всем телом. Для сравнения: полное натяжение английского лука требовало усилия равного 60 кг, новгородского составного лука — 80 кг; монгольского — 120 кг; современного спортивного — 20 кг).

⁷⁵ Мародерство, разбой, бандитизм весьма характерное явление в ходе войн. Отряды средневековых наемников, по окончании боевых действий, подчас не желали быть расформированными; не подчиненные какому-либо командованию, эти отряды существовали за счет грабежа и разбоя. Иногда они нанимались на службу к какому-нибудь сеньору и участвовали в его войнах с соседями, выторговывая себе право на разграбление захваченных городов и селений. Отряды наемников-мародеров стали особенно многочисленны во Франции после первых ее неудач в Столетней войне в середине второй половины XIV в.

– Как и тех горцев, что пали в той битве. Amen! – заключил ландман. – Дед мой был под Бушитольтцем, и чести воинской не уронил. С тех пор этот лук бережно хранится в нашем семействе. Есть о нем одно предание, но тумана в нем больше, чем...

Филиппсон собрался было слушать дальше, но был, как и рассказчик, отвлечен громким криком изумления, раздавшимся снаружи.

– Надо пойти посмотреть, что там творится, – сказал Бидерман. – Нынче все у нас не так, как прежде, когда молодость не досаждала старикам.

Он вышел из дому, сопровождаемый своим гостем. Им предстала картина, какую, очевидно, редко доводилось наблюдать Арнольду Бидерману, поскольку лицо его насупилось, а борода встопорщилась, и с губ вот-вот готово было сорваться строгое внушение. Молодые люди, собравшись в кучку, о чем-то горячо спорили, крича и перебивая друг друга, лишь Артур стоял от них в отдалении и покое, опершись на лук. Однако, как только спорящие заметили ландмана, то разом умолкли.

– Что означает этот шум? – спросил он, возвысив голос, которому все привыкли подчиняться. – Рудигер! – прибавил он, обращаясь к старшему своему сыну. – Натянул ли юный чужестранец этот лук?

– Натянул, батюшка! – отвечал Рудигер. – И в цель попал! Сам Вильгельм Телль не смог бы такого.

– Случай, чистое везение! – спешил высказаться молодой швейцарец из Берна. – Такое мужу не под силу, куда уж хилому юнцу в играх неумелому...

– Но *что* он сделал? Только не отвечайте все вдруг! Анна, ты умнее и рассудительнее всех этих бездельников вместе взятых, расскажи мне, что тут случилось?

Девушка от неожиданности несколько смутилась, однако, собравшись с духом, отвечала, не поднимая очей:

– Целью, как всегда, был голубок, привязанный к шесту. Все, кроме чужестранца, стреляли из своих луков, но не смогли попасть. Поскольку у гостя не было с собой лука, а из братьев никто не захотел ему уступить своего, я попросила у вас бушитольтский лук. Сначала я предложила его братьям, но никто из них не пожелал его взять, говоря, что если вы, почтенный дядюшка, не в состоянии были натянуть его, то им и пробовать нечего.

– Они говорили разумно, – отвечал Арнольд Бидерман. – Но чужестранец взял лук?

– Взял, дядюшка, но прежде написал что-то на листке бумаги и вложил его мне в руку...

– И натянул, и в цель попал? – продолжал допрос удивленный ландман.

– Он отодвинул шест на сорок сажен дальше...

– Поразительно! – вскричал Бидерман. – Это же вдвое дальше обычного расстояния!

– Затем натянул лук, – продолжала Анна, – и никто опомниться не успел, как он выпустил все три стрелы одну за другой. Первая расколола шест, вторая рассекла веревку, а третья поразила голубя на лету.

– Клянусь Святой Марией Эйндельской! – вскричал старик с видом величайшего изумления. – Если вас не подвели глаза, то никому еще не удавалось так стрелять в наших лесах!

– Я и говорю, – досадовал Рудольф Доннерхугель, – все это случай или... колдовство.

– А ты, Артур? Что ты на это скажешь? – спросил его с улыбкою отец. – Случай или умение тебе служили?

– Батюшка! Мне невдомек, что я сделал необычного? Разве в руках у меня не английский лук? И я не рисуюсь перед этим невеждой, но отвечаю нашему почтенному хозяину и его семейству. Рудольф говорит, будто я затмил им очи, или в цель попал случайно. Но вот расколотый шест, порванная веревка и убитая птица. А случай... Если этой справедливой девушке угодно будет прочитать мою записку, то она найдет в ней доказательство того, что прежде, чем натянуть лук, я указал себе три цели, в которые желал попасть.

– Прочти это послание вслух, милая племянница, и разреши тем спор.

– Нет! Прошу прощения, почтенный хозяин, – покраснел Артур. – Эти рифмы... для молодой леди.

– Позвольте мне заметить, сударь, – сказал, ухмыляясь, Бидерман, – что сочинением для глаз моей племянницы моим ушам пренебрегать не должно.

С этими словами, он взял листок из рук Анны, лицо которой при этом сравнилось с цветом лица Артура.

Почерк, которым были написаны слова, так был красив, что Бидерман с изумлением воскликнул:

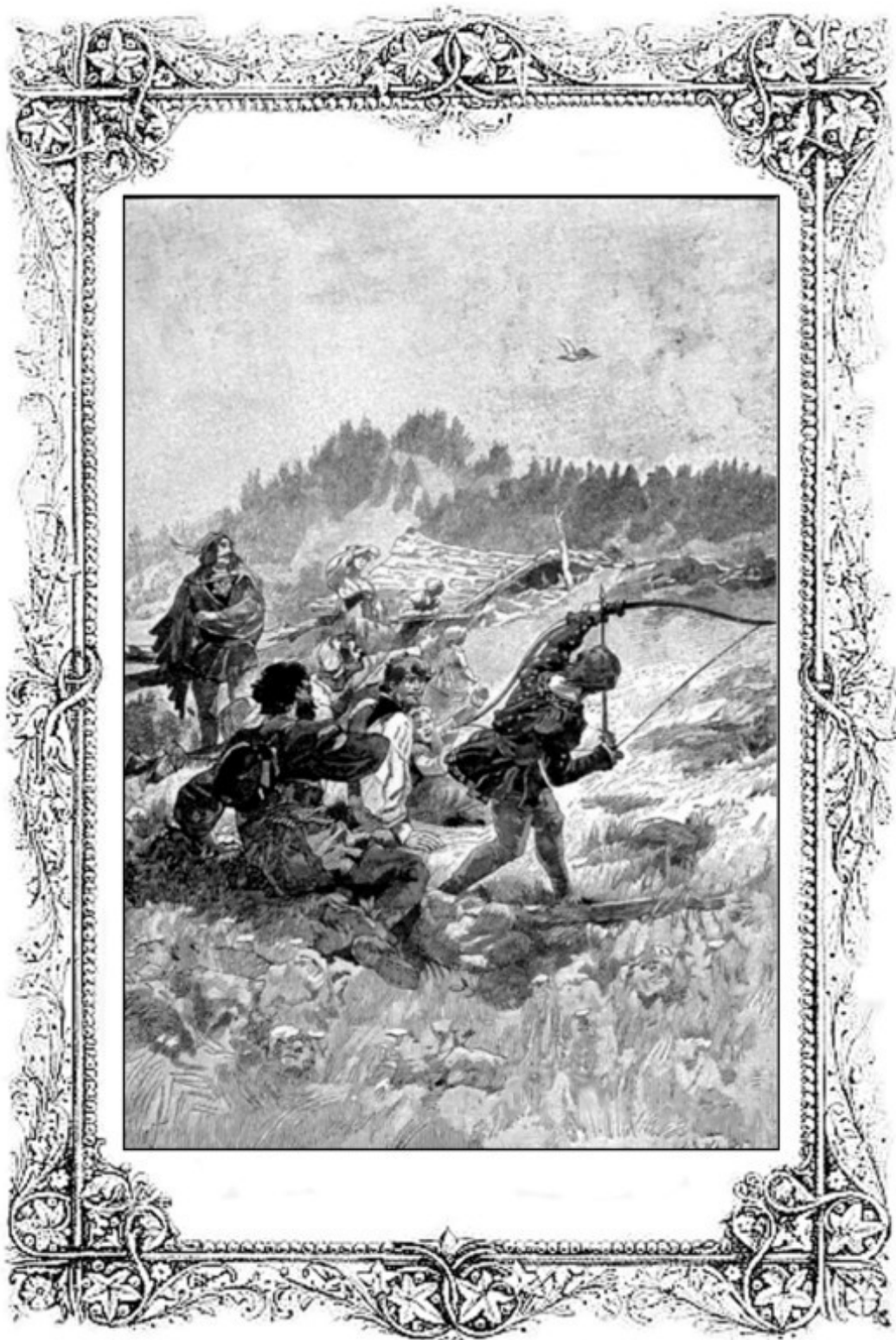
– Ни один санкт-галленский монах лучше не напишет! Странно, что рука, искусно владеющая луком, может выводить такие буквицы! О! это еще и стихи! Уж не странствующие ли менестрели переодетые купцами забрели в нашу глушь?

И ландман прочитал следующее:

Попаив с трех раз и в шест, и в шнур, и в птицу,
Стрелок из Англии готов держать заклад:
Мои три выстрела красавицы-девицы
Один-единственный заменит взгляд.

– Знато, мой юный гость, – сказал Бидерман, покачивая головой, – этим можно легко вскружить головку деревенской девушки. Не спорь, в вашей стране, мы знаем, так принято. – И, ландман, повторив первую строчку, нешуточно сказал: – Теперь ты должен согласиться, Рудольф, что чужестранец действительно заранее назначил себе три цели, которые поразил.

– Да, но как? Если только существуют в мире колдовство...



— Не срамись, Рудольф! — перебил бернца Бидерман. — Могут ли досада и зависть управлять таким человеком как ты, которому пристало учить моих сыновей скромности, рассудительности и справедливости так же, как мужеству и ловкости.

Тут и Рудольф покраснел, умолкнув.

– Можете развлекаться до захода солнца, дети мои, – сказал Арнольд, – а мы с гостем пойдем прогуляться, так как вечер, не в пример дню, благоприятствует тому.

– Нельзя ли, уважаемый хозяин, – сказал Филиппсон, – осмотреть развалины замка у водопада? Их величественный вид навевает глубокие и тихие мысли, которые помогают примириться с прошлым... Они красноречиво напоминают нам, что предки наши, будучи и умнее и могущественнее нас, тем не менее, не избегли своих печалей и горестей, которые, возможно, были пуще наших...

– Слова ваши истинны... Я с удовольствием прогуляюсь с вами к замку и расскажу его историю...

Медленными шагами старики удалились с лужайки, где шум, смех и крики снова зазвучали с прежней силой. Успех в стрельбе заставил Артура забыть прежние неудачи, он вошел в общую игру, и на этот раз заслужил одобрение. Семейство Бидермана, еще недавно подшучивавшее над ним, теперь примечало в нем человека достойного уважения. Однако, Рудольф Доннерхугель, к своей досаде, обнаружил в нем соперника не только перед лицом родственников, но, хуже того, и в глазах прелестной двоюродной сестры. Гордый молодой швейцарец с горечью раздумывал о том, что он, получив выговор от дяди, уронил себя в глазах товарищей, лидером которых прежде был, и далее мог ожидать лишь больших огорчений; все это, как говорило ему его беспокойное сердце, из-за пришедшего юнца неизвестного роду и племени, который так бы и остался в горах, не оказавшись с ним рядом девчонки.

Помрачение и раздражение толкало его к Артуру, и улучив момент, он заговорил с ним будто бы о правилах игры, но шепотом сказал совсем иное. Хлопнув Артура, как горец горца, по плечу, он во всеуслышанье воскликнул:

– Как ловко Эрнст пустил стрелу, она, как сокол, пала на добычу! – И низким голосом, насмешливо добавил: – А ты, купчик, размениваешься на перчатки... вместо того, чтоб ими обменяться...

– Я не перчаточник... – отвечал Артур, тотчас раскусив соперника, ибо узнал его в Рудольфе по презрительным взглядам бернца еще за обеденным столом, и совершенно в том убедился, когда щеголь пытался выстрелы его оспорить. – но *залог* перчатками готов принять...

– Ты смысленей, чем я ожидал, – ухмыльнулся Рудольф. – Следи за игрой, чтобы нас не заподозрили, и слушай внимательно. Когда готов ты взять мою перчатку, и как мне вернуть ее?

– Когда вам будет угодно мечом, – отвечал Артур.

– В доспехах или без?

– Без, – сказал Артур. – Ничего, кроме того платья, что теперь на нас; и никакого оружия, кроме мечей; и, если мы договорились...

– Завтра на восходе во внутреннем дворе старого замка. Однако, за нами следят... Я проиграл, господин купец! – прибавил Рудольф громко с напускным безразличием: – Вы были правы – Ульрих стреляет дальше Эрнста. Вот моя перчатка в залог вина, обещанного мной.

– А вот моя, – сказал Артур, – в залог того, что мы вместе разопьем его.

Так, среди веселья и забав, в кругу товарищей, нашлось и место ссоре, родившейся из неприязни, готовой вылиться в кровавом поединке.

Глава V

*И в счастье я возлюбил
Зеленый дол, мычанье стад,
В трудах-заботах сельский лад.
Верьте, трапезы простой в избе
Не заменят яства мне
В пышных залах и палатах,
Чаша из клена не ведает яда.*

Неизвестный поэт

ПРЕДОСТАВИВ юности резвиться возле дома, ландман Унтервальдена и старый англичанин шли рядом, рассуждая о делах Франции, Англии и Бургундии. С теми размышлениями они достигли развалин старого замка Гейерштейн с гордой башней над ними.

– Когда-то это была неприступная крепость, – решил Филиппсон.

– И крепкий род в ней обитал. Графство Гейерштейн одно из древнейших в Гельвеции, и прежние его владельцы носили свое имя с честью. Но всякому земному величию приходит конец, и прежние их слуги попирают ногами остатки того, перед чем ранее шапки ломали и спины гнули в покорстве.

– Там на башне, – сказал купец, – я ясно вижу герб владельцев замка – ястреб на скале; он, верно, дал свое имя древнему роду.

– Да, это их герб, – отвечал Бидерман, – он тоже век свой отслужил.

– В вашем доме шлем с такой же птицей. Вероятно, то победный трофей, как и лук английский, хранящий память о Бушитольской битве?

– Думаю, праздное любопытство подчас неверно судит, и ожидание забавного рассказа мешает сущности его: в истории об этом шлеме так же мало забавного, как и в истории о Бушитольском луке. Удивительно, право, что заставляет людей ворошить дела семейные, когда они их вовсе не касаются?! Не хмурьте бровей, мой друг. Все дело в том, что когда в Швейцарии замки многих баронов были разрушены до основания восставшим народом, род Гейерштейн уцелел. Древняя благородная кровь течет и поныне в его владельцах.

– Как мне вас понимать, сэр? – воскликнул Филиппсон. – Разве не вы его владетель?

– А разве, – отвечал Арнольд Бидерман, – крестьянское платье и работа за плугом поменяли мне кровь? В Швейцарии много селян благородных кровей, господин купец, и родов древнейших. Отказавшись от всех своих прав сюзерена, они презрели волчью стаю, и псами верными пасут овец на общей ниве.

– Однако, – недоумевал Филиппсон, который еще кое-как мог помириться с простым одеянием и крестьянской внешностью гостеприимного хозяина, потомка знатного рода, – однако, милостивый государь, где имя родовое ваше – Гейерштейн, когда вы?..

– Бидерман... – улыбнулся ландман. – Арнольд Бидерман готов ради вашего удовольствия обличье важное принять, воздев на свою голову прадедов шлем, или, просто воткнув орлиное перо в мою шапку, и приказать себя величать Арнольдом фон Гейерштейн. Никто этого права меня не лишал. Ну, как вам граф, погоняющий на луг своих коров? Или граф-пахарь и жнец? Вижу, почтенный гость, что я совсем вас с толку сбил. Что ж, я вам поведаю свою историю:

«Мои предки владели леном, который когда-то был куда как обширнее, нежели теперь. Подобно всем прочим владыкам, они не только творили суд и расправу над своими подданными, но и защищали их. Однако, мой дед, Генрих Гейерштейн, встал на сторону Конфедерации против Ингельрама де Куси с его бригадами, о чем я вам уже рассказывал, и даже больше: когда война с австрийцами возобновилась, и многие дворяне встали под знамена

императора Леопольда, дед примкнул к противной стороне, сражался в первых рядах союзников, и опытом своим и храбростью помог решительной победе, одержанной швейцарцами при Земпахе, где Леопольд погиб, а вместе с ним и цвет австрийского рыцарства осыпался подобно листве к подножию срубленного дуба. Отец мой, граф Виливальд, следовал по стопам деда отнюдь не из чувства ненависти к австрийским герцогам, но из расклада сил. Как мог он помогать нашему кантону, получил титул гражданина Конфедерации, и добился того, что был избран ландманом Унтервальдена. У него было двое сыновей – я и младший мой брат Альберт. Будучи расчетлив, отец желал закрепить за своим родом и графскую корону, и гражданский титул. Может быть, было это и неблагоприятно (имеем ли мы право осуждать поступки наших предков), но он хотел, чтобы один из его сыновей унаследовал графство Гейерштейн, а другой звание, хотя и менее важное, но, по моему мнению, не менее уважаемое – звание гражданина Унтервальдена – сохранив тем самым в потомстве не только родовое гнездо, но и свое влияние в Союзе. Когда моему брату Альберту исполнилось двенадцать, отец взял нас с собой в путешествие по Германии, где церемониальная пышность и великолепие ослепили моего брата, а меня не тронули. То, что казалось Альберту воплощением земного величия, на мой взгляд, было позолоченной шелухой. Чувствуя приближение смерти, отец объявил свою волю, и мне, как старшему сыну, назначил во владение родовой замок и земли на Рейне. Однако, плодородные земли в Швейцарии, отец выделил брату, рассчитывая на то, что они помогут Альберту стать одним из влиятельнейших граждан Союза, где справное хозяйство уже само по себе богатство. Но брат облился слезами. „Арнольд, – воскликнул он, – станет графом, будет пользоваться честью, и ему будут служить верные вассалы, а я останусь с пастухами?! Нет, батюшка, я в вашей воле, но есть и право свыше. Гейерштейн – феодал Империи⁷⁶, и это позволяет мне прибегнуть к суду Императора. Пусть брат станет графом, но и я оставляю за собой право наследовать этот титул. Я не допущу, чтобы блажь, хотя и родительская, лишила меня достоинства всего колена предков!“ Отец мой вскипел. „Прочь, честолюбивый мальчишка, – вскричал он, – доставь моим врагам предлог вломиться в отчий дом, введи в него чужеземца и насладись моим унижением. Прочь с моих глаз, пока не навлек на себя мое вечное проклятие!“ Тогда я встал меж братом и отцом и упротер родителю мое слово молвить. „Мне воздух гор дороже вонючих городов, – я так сказал, – лазание по горам предпочитаю скачке; и не претит мне знаться с пастухами; на деревенских праздниках счастливым быть мне не мешает родовитость, но чопорность вельмож лишает меня пира! Дозволь, отец, принять мне, как награду, почет и уважение сограждан нашего кантона, этим вы избавите меня от множества пустых хлопот. А брату отдайте графскую корону, когда ему она не тяжела“. Отец задумался и согласился, ведь, так или иначе, сбывались его планы, выношенные в сердце и уме. Альберт стал наследником графской короны; а мне достались во владение поля и луга, где стоит мой дом. Арнольдом Бидерманом уже потом стали звать меня соседи».

– Если имя Бидерман, – сказал с улыбкой Филиппсон, – означает достойного, прямодушного и щедрого человека⁷⁷, то оно вам по праву дано. И я преклоняюсь перед вашим поступком, хотя сам, будь я на вашем месте, не осмелился на такое. Простите, что оборвал вас невольню, и прошу продолжить ваш рассказ, если только с памятью душа согласна.

«Отец скоро умер, – продолжал Бидерман, – а брат, владея родовыми поместьями в Швабии и Вестфалии, крайне редко навещал замок предков, где всем распоряжался его сенешаль, который так притеснял слуг, что они породил всеобщую ненависть к себе, и если бы не мое близкое присутствие и не мое родство с хозяином замка, то горцы давно бы вытряхнули этого «коршуна» из гнезда точно так, как они поступают с настоящими стервят-

⁷⁶ Т. е. номинально входит в состав Священной Римской Империи. Феодал – феодальное владение.

⁷⁷ Может быть, *bidard* – счастливый (*франц.*) и *mann* – муж (*нем.*).

никами, к коим не питают ни малейшей жалости. Сказать по правде, моего брата, изредка наезжавшего в Гейерштейн, нисколько не беспокоила жизнь его подданных. Ему было достаточно глаз и ушей своего жестокого сенешаля Итала Шрекенвальда, моим словам он не внимал. Альберт относился ко мне с благодушием мудреца, полагая меня за наказание божье, какое случается в каждой роду.

Свое презрение к соотечественникам он выказывал тем, что носил на голове символ Австрийского дома – перо павлина, нисколько не обеспокоенный тем обстоятельством, что знак сей ненавидим швейцарцами, и с иных его снимали вместе с головою.

Скоро я женился на Берте – теперь она на Небесах, и ей я обязан шестью крепкими сынами – пятерых вы видели сегодня за столом. Альберт связал себя узами брака с девушкой благородного происхождения из Вестфалии. Их супружеское ложе принесло ему дочь, Анну.

К тому времени разгорелась война между Цюрихом и нашими лесными кантонами, в которой было пролито слишком много крови швейцарцев, ибо братья наши согрешили, позвав на помощь Австрию. Император не заставил себя ждать, пользуясь благоприятной возможностью проучить горцев, и призвал под свои знамена всех, кого только мог. Мой брат не только одним из первых откликнулся на зов императора, но и впустил в Гейерштейн гарнизон австрийцев, с помощью которого Итал Шрекенвальд опустошил все селения вокруг».

– Нелегкий тогда перед вами встал выбор – родная земля или родная кровь, – сказал англичанин.

– Я, не колеблясь, сделал его, – продолжал Бидерман. – Брат мой неотлучно был при императоре, и мне не угрожала встреча с ним в бою. Я встал на защиту земли, которую Шрекенвальд разорял со своими головорезами. Счастье не всегда было на моей стороне. Однажды сенешаль напал, когда я был далеко, сжег мой дом и убил моего младшего сына на отчем пороге... Поля мои были опустошены, стада угнаны... В конце концов, с отрядом горцев я взял приступом родное гнездо. Конфедерация не желала меня лишать его, но возможно ли вернуть свое прошлое; да и как человеку, столько лет прожившему в доме без заповров, охраняемому лишь дворовым псом, запереться от людей, от вольного воздуха, солнца и тепла в тесном замке? С моего согласия совет старейшин постановил разрушить замок, и он был разрушен. И пусть покоится под его руинами все то зло, какое пришлось из-за него пережить мне и моим соотечественникам.

– Скорбная повесть, – признал англичанин. – И простите меня за то, что я сейчас скажу: спаси меня Господь от каких ни на есть добродетелей, способных руку мою поднять на родительский дом. Но, что ж ваш брат?

– Он был, я знаю, взбешен, когда его известили о том, что я овладел замком и разрушил его. Он клялся найти меня на бранном поле и убить своими руками. Мы и впрямь могли бы встретиться под Фрейнбахом, но Господь помешал ему исполнить его клятву, ибо он был ранен в той битве стрелою. Потом я сражался в роковой Монт-Герцельской битве, и под часовней Святого Иакова, где мы образумили наших цюрихских братьев и принудили Австрию заключить с нами мир. По окончании войны, длившейся тринадцать лет, Совет объявил моего брата Альберта изгоем и лишил его швейцарских владений, без вынесения ему заочного смертного приговора из уважения ко мне. Услышав о том, Альберт зло смеялся, но странный случай показал мне в скором времени, что ненависть его ко мне и отчизне ничто в сравнении с его родительской любовью.

– Не ошибусь, – молвил купец, – сказав, что вы имеете в виду эту чистую девушку, вашу племянницу.

– Именно так, – сказал ландман. – Брат пребывал в большой милости у императора, но вдруг, по слухам (вы знаете, как горы доносят их), стало известно, что он навлек на себя его немилость, будучи заподозрен в одном из дворцовых заговоров, что ходят тенями за коронованными особами, и был отлучен от двора. Вскоре после получения этого известия, семь

лет тому назад, я, как обычно, возвращался с охоты из-за реки; прошел узкий мост, вступил во внутренний двор замка, который мы только что миновали, – прогуливающиеся старики уже возвращались к дому, – как вдруг, детский голос взмолился... по-немецки: «Дядюшка! Сжальтесь!». Оглядевшись вокруг, я увидел девочку лет десяти, которая робко приблизилась ко мне, покинув свое укрытие в развалинах, и встала на колени у моих ног. «Дядюшка! Спасите меня!», – вскричала она, сложив в мольбе свои маленькие ручки, и мне показалось, что я внушаю ей смертельный ужас. «Если я твой дядя, милая, – спросил я у нее, – отчего ты так меня боишься?» «Потому, что вы главарь свирепых разбойников, которым нравится проливать благородную кровь», – отвечала она, и посмотрела прямо мне в глаза. «Как тебя зовут, малютка, – спросил я, – и кто внушил тебе такое обо мне? Выйди! Покажись! – приказал я ее невидимому спутнику, ибо не сомневался, что он где-то рядом: – Чтобы в очи мне повторить свои непристойные речи! Кто ты?» – «Итал Шрекенвальд», – отвечала девочка, не поняв, к кому я обращаюсь. «Итал Шрекенвальд?!» – повторил я беззвучно, вздрогнув при этом имени, которое я имел столько причин ненавидеть. «Итал Шрекенвальд!» – прозвучало, как эхо, из руин, как голос с того света, и мерзавец, оставив свое убежище, предстал передо мной с тем нахальным видом, какой присущ редчайшим негодьям. Рука моя сжала тяжелую дубинку, утыканную гвоздями... Что мне оставалось делать?

– Уложить его на месте, разбив башку, как глыбу льда! – вскричал англичанин с негодованием, не сдержавшись.

– Этого хотел я более всего на свете... – сказал швейцарец. – ...но не смог – он был безоружен, и имел устное послание от моего брата, которое и передал мне с той же наглой ухмылкой.

«Узнай волю своего благородного господина, графа Гейерштейн! – сказал негодяй. – И покорись ей. Шапку долой, ибо моим голосом повелевает тебе твой сюзерен!» «Пред богом и людьми, – сказал я, – нет на мне вины пред братом. А с тебя будет довольно, что я твоей не разобью башки. Говори скорей и убирайся». – «Граф Гейерштейн, – продолжал Шрекенвальд, – будучи войною занят, и за прочими делами, препоручает тебе дочь свою, графиню Анну, удастая тебя чести заботиться о ней до тех пор, пока он не пожелает потребовать ее обратно, и назначает ей в содержание доходы со своих земель, тобой присвоенных!» «Итал Шрекенвальд! – отвечал я ему, немного успокоившись. – Мне все равно, говоришь ли ты словами моего брата, или твой подлый язык болтает, но... если Альберт – брат мой, свой долг родительский пока блюсти не может, и дочь свою вручает мне, я беру на себя о ней отцовскую заботу, и не потерпит она ни в чем нужды под моим кровом. Замок Гейерштейн, дом моих предков, или, как видишь, то, что от него осталось по твоей вине, во власти кантона. Анна Гейерштейн, моя племянница, сестра моих детей, и с ними поровну разделит все что имеется у меня. Теперь ты исполнил свое поручение и можешь проваливать, но торопись – кровь моего сына на твоих руках мутит мне рассудок».

Негодяй воспользовался моими словами и исчез, освободив меня от искушения разможжить ему голову, но на прощанье прокричал мне: «Прощай граф Сохи и Бороны, прощай, рыцарь пастухов!»

Так Анна вошла в мой дом, где нашла и родительскую и братскую любовь. Я души в ней не чаю, и люблю как дочь. Я сам учил ее лазать по горам, и она, что козочка, ловчее всех. И умом она скоро, и душой добра, и ценить умеет то, что простой горец не заметит вовсе, в чем я вынужден признать истоки благородства. Но так счастливо сливаются они с кротостью и совестью, что Аннушку почитают лучшей девушкой в округе, и я не сомневаюсь – если она изберет себе достойного мужа, кантон назначит ей немалое приданое, потому что у нас нет обычая перекладывать на детей вину их родителей.

– А вы, разве вы сами не будете рады обеспечить будущее вашей племянницы, которая и в моих глазах достойна высших похвал; и у меня есть веская причина желать ей счастья,

которого она заслуживает не только по праву благородного происхождения, но прежде всего в силу своей добродетели!

– Ах, мой дорогой гость, – вздохнул ландман, – я часто голову о том ломаю. Близкое родство препятствует моему горячему желанию видеть ее замужем за одним из моих сыновей. А этот юноша, что пытается ухаживать за ней, Рудольф Доннерхугель, безусловно, храбр, и уважаем согражданами, но чересчур тщеславен – моей племяннице я не хочу такого мужа. К тому ж он вспыльчив, хотя я верю, сердце у него не злое. Впрочем, все мои переживания на этот счет не имеют никакого значения, потому что Альберт, который за семь лет ни единой весточки Анне не послал, в недавнем письме, адресованном мне, потребовал ее возвращения... Вы, верно, умеете читать по-немецки – в вашем ремесле нельзя без того. Прочтите, вот его послание... Мне не по себе его читать, хотя в нем и намек нет на ту надменность, с какою Итал Шрекенвальд передал мне прежнее послание брата.

И купец прочел следующее:

*Графу Арнольду Гейерштейн,
Именуемому также Арнольдом Бидерманом.*

Брат! Благодарю тебя за заботу о моей дочери, которую ты принял на себя тогда, когда она нуждалась в защите и нигде не могла ее обрести; и опеку, без которого она терпела б нужду. Теперь же я прошу тебя вернуть ее мне во всей добродетели, приличной женщине высокого звания, и расположенной не к сельскому бытию, но к благородной жизни светских дам. Adieu⁷⁸.

Я благодарю тебя еще раз за все, и наградил бы, если б мог, но тебе не нужно ничего, что я имею ценного, ибо звания тебе не льстят, и золота тебе дороже твоё теплое гнездышко в горах, неведомое бурям.

Твой брат АЛЬБЕРТ ГЕЙЕРШТЕЙН.

– Ниже высказано его пожелание, чтобы вы привезли Анну ко двору герцога бургундского, – закончил чтение англичанин. – Это письмо, почтенный хозяин, писал человек, безусловно, гордый, который не желает помнить старые обиды из признательности за оказанную услугу. Речь же его посылного я нахожу низкой, полной рабского желанья унижаясь унижать других, схожей на лай пса из-за спины хозяина.

– В точности так я воспринял и то и другое, – отвечал Бидерман.

– Но как вы намерены отослать это прелестное создание к отцу, не ведая, в каком он положении, и в состоянии ли он заботиться о ней?

– Узы, соединяющие родителей с детьми, – отвечал Бидерман убежденно, – святы, и они самые главные из всех человеческих чувств! Лишь неуверенность в ее совершенной безопасности во время пути препятствовала мне исполнить желание моего брата. Но коль решено, что я отправляюсь ко двору Карла с охраной, то беру Анну с собой. Надеюсь на встречу с моим братом, которого не видел много лет, я уповаю, что Альберт развеет мои страхи относительно будущности Анны. Возможно, им движет одно лишь желание видеть ее, тогда я стану уговаривать брата оставить ее и дальше на моем попечении. Но, рассказав вам о моих делах семейных несколько больше, чем следует, я полагался на вас, как на человека умудренного жизненным опытом, с тем, чтобы просить вас, милостивый государь, прислушаться со вниманием к тому, что я считаю необходимым еще вам сказать... Кому не известно что юноши и девушки, расположенные друг к другу, за добрыми отношениями, подчас не замечают, как они оборачиваются совсем иными чувствами, которые порой внушают их родителям тревогу. И коль мы готовы отправиться в путешествие вместе,

⁷⁸ Прощайте (фран.).

я надеюсь, вы сумеете внушить вашему сыну, что в разговорах с Анной Гейерштейн ему прежде всего следует думать о ее добром имени.

При этих словах купец вспыхнул румянцем.

— Разве накануне не вы сами предложили мне свое общество на время пути, господин ландман? — удивился он. — Если мой сын, и я вдруг стали внушать вам тревогу, мы поедем одни...

— Успокойтесь, мой гость дорогой — я никак не хотел вас обидеть, но мы, невежественные швейцарцы, не в пример образованным чужестранцам, не прячем мыслей за речами, своею прямою развеивая даже легкую тень возникающих подозрений. Когда я предложил вам ехать со мной, то, по правде сказать, хотя вам как отцу и неприятно это будет услышать, считал вашего сына слишком слабым, чтобы обратить на себя женское внимание. Но вдруг он представился мне совсем в ином свете, какой девушки видят ранее старцев. Он отважен и долгу послушен, коль ради вас смертельно рисковал; натянул бушительский лук, что у нас почиталось за подвиг, напомнив об одном из народных преданий, коим так верят простые сердца... Еще ловчей он управляется словами, что привлекает не только юных, но и тех, у кого борода с сединою. И, не будь я ландманом, если он не обладает еще многими, доселе скрытыми талантами... Но судите сами — когда мой брат рассорился со мной из-за того, что я презрел немецкое происхождение, и выбрал долю пастухов, он, вероятно, весь свой гнев обрушил бы на человека, в чьих жилах нет и капли благородной крови, унизившего себя торговлей, и смеющего надеяться на взаимность чувств с его дочерью. Словом, если б сыну вашему случилось Анну полюбить, ему грозила бы гибель. А теперь, я спрашиваю вас: угодно ехать вам со мной или отправимся мы порознь?

— Как бы там ни было, господин ландман, — отвечал Филиппсон, — скажу лишь, что мое ремесло, так противное вашему брату, заставляет меня держаться собственных планов, кои не помеха ни его планам, и уж тем более ни вашим. На Артура возложено дело, совершенно не позволяющее ему искать любви девушек в Швейцарии, или в Германии, к какому сословию они ни принадлежали бы. И он слишком послушный сын, чтобы ослушаться моих приказов.

— Что ж, друг мой, — сказал ландман, — тогда, мы отправляемся вместе, и я с удовольствием остаюсь вашим другом, вполне довольный нашей беседой.

Меня тему разговора, он спросил у купца, прочен ли, по его мнению, союз, заключенный английским королем с герцогом бургундским.

— Мы много слышали, — продолжил швейцарец, — об огромной армии собранной королем Эдуардом⁷⁹ для возврата английских завоеваний во Францию.

— Совершенно уверен, — сказал Филиппсон, — что англичане горят желанием высадиться во Франции и отвоевать Нормандию, Мэн и Гасконь, принадлежавшие издавна английской короне. Но развратный узурпатор английской короны не будет благословлен Небесами из-за грехов своих. Эдуард, конечно, храбр и не потерпел ни одного поражения на пути к трону, но с тех пор как он взобрался по кровавой лестнице на вершину своего честолюбия, распутство растлило в нем солдата. Да будь единодушная уверенность во всем королевстве в возвращении английской короне богатых владений, потерянных ею из-за междоусобной войны, начатой его же тщеславной фамилией, ничто не заставит Эдуарда покинуть роскошную лондонскую постель с шелковыми простынями и пуховым изголовьем, и лечь на жестком ложе ратного поля во Франции; сменить томные мелодии лютни, на сигналы походных труб.

⁷⁹ Эдуард IV (1442—1483) — английский король с 1461 (кроме октября 1470 — апреля 1471), первый из династии Йорков. Занял престол в ходе войны Алой и Белой Розы. Укрепляя свою власть, Эдуард IV одинаково безжалостно расправлялся как с Ланкастерами, так и с Йорками.

– Тем лучше для нас, – сказал Бидерман. – Когда бы Англия и Бургундия сокрушили Францию, как это случалось не раз в давние времена, герцог Карл не заставил бы себя долго ждать, чтоб выломать ворота нашего Союза.

За разговором они незаметно вернулись к лужайке перед домом Арнольда Бидермана, где состязание в силе и ловкости уступили место танцам. Анна Гейерштейн и юный англичанин шли в первой паре, и хотя это было вполне естественно, так как он был гостем, а она представляла хозяйку дома, Бидерман и старый Филиппсон обменялись взглядами, понятными лишь им двоим.

Едва дядя и пожилой гость приблизились, Анна остановила танцы и обратилась к ландману с домашними делами, порученными ей в отсутствие хозяина. Арнольд Бидерман со вниманием выслушал племянницу и кивнул головой, одобряя ее действия.

Вслед за тем все были приглашены к ужину, состоявшему большей частью из превосходной рыбы, что водилась в соседних реках и озерах. Огромная чаша, с так называемым *schlaf-trunk*⁸⁰, обошла всех по кругу начиная с хозяина, который отпил из нее большой глоток; затем скромно пригубила Анна, после чего ее поднесли чужеземцам, и, наконец, она была опустошена остальными. Такое воздержание в бражничестве было тогда у швейцарцев, но впоследствии их нравы влиянием более развитых стран подверглись испытанию, жестокому, надо сказать испытанию, какое не проходит бесследно.

После ужина гостей отвели в спальные покои, где отец с сыном улеглись в одной постели, и вскоре дом Арнольда Бидермана охватила тишина.

⁸⁰ Сонным напитком (нем.).

Глава VI

*Узревший в ураганов встрече
Молний бой,
С громами яростную сечу
Заоблачных мечей,
Не ведает – куда страшней
Дикое побоище людей.*

Ф. Френо⁸¹

СТАРШИЙ из двух путешественников, хотя и будучи сильным, выносливым человеком, в ту ночь, против обыкновения, проспал до утра крепким сном. Но Артуру было не до сна. Поединок с хвастливым бернцем нельзя было отложить, ибо честь в те времена приходилось защищать довольно-таки часто.

Чуть забрезжило, Артур поднялся со всевозможной осторожностью, чтобы не разбудить отца, хотя если бы тот и проснулся, вряд ли это вызвало бы в нем подозрение, поскольку старик привык за время путешествия к ранним подъемам сына, встающего до восхода солнца подготовиться к отправлению в путь: разбудить проводника, заставить его накормить мула, уложить вещи и много еще чего сделать, чтобы в дороге не случилось чего по недосмотру. Но старший Филиппсон, как мы уже сказали, утомленный днем минувшим, спал крепче обычного, и Артур, захватив свой меч, вышел на лужайку перед домом ландмана, укутанного бледным туманом наступающего утра в швейцарских горах.

Солнце только-только позолотило своими лучами снежную корону высочайшей среди прочих вершин. Их тени скользили по росистой траве, прихваченной легким морозцем и звонко хрустящей под ногами юноши. Но Артур лишь мельком взглянул на восхитительную картину, которая обещала при первой вспышке дневного светила явиться во всей своей неповторимой выразительности. Юноша затянул пояс, на ходу подвесив к нему меч, и заспешил к месту, где тому предстояла работа.

В ту эпоху, когда сила и мужество решали жить или умереть, они более всего ценились в сильной половине человечества, и потому ответить на брошенный вызов считалось долгом наипервейшим. Вопреки чувству самосохранения, продиктованному всему живому природой, средневековыми нравами осуждалось уклонение от единоборства, и соперники собирались на поединок подчас с большей решимостью, нежели под венец. Потому ни походка, ни взор, ровным счетом ничего не выдавало душевного волнения Артура.

Стремительно миновав поля и заросли кустарника, отделяющие дом Бидермана от старого замка Гейерштейн, он вступил во внутренний двор через пролом в стене; и почти в ту же самую минуту его могучий противник, показавшийся Артуру выше своего роста при бледном утреннем свете, возник из тумана над рекой на узком каменистом проходе через реку, достигнув замка с другой стороны.

У бернца висел за спиной один из огромных двуручных мечей длиной пять футов в клинке. Такие мечи использовали швейцарцы повсеместно, ибо они легко разрубали стальные доспехи рыцарей, которые обычный меч не брал. Кроме того, при узости обороны они были незаменимы, и горцы, несмотря на вес и длину этих мечей, добивались неизменного успеха в горах. Гигантский меч, висевший у Рудольфа Доннерхугеля за плечами, ударял его по пяткам, а рукоятка выступала из-за спины на целую голову. Другой, точно такой же меч, он нес в правой руке.

⁸¹ Филип Френо (1752—1832) — американский поэт. Поэмы «Индейское кладбище», «Дом ночи», стихи, сочетавшие классические и романтические черты.

– Я рад, что ты не заставил себя ждать! – крикнул он Артуру еще на подходе, перекрыв своим голосом на мгновение шум водопада, будто и в нем искал соперника. – Я принес тебе меч Эрнста, моего двоюродного брата, – продолжал он, бросив на землю рукоятью к молодому англичанину принесенный им меч. – Не осрами его, англичанин, потому что брат никогда мне этого не простит. А хочешь, возьми мой, он не хуже.

Артур с некоторым пренебрежением посмотрел на оружие, пользоваться которым ему не доводилось.

– В тех странах, – сказал он, – где с честью знакомы, выбор оружия оставляет за ответчиком.

– В Швейцарии бьются по-швейцарски, – отвечал Рудольф. – Может, еще прикажешь драться на ножах?

– А ты предлагаешь махать косами? – отбил словесный выпад Артур, и, глядя на меч, который швейцарец расчехлил, тихо произнес: – *Usum non habeo*⁸².

– Уж не трусишь ли ты? – спросил швейцарец. – Если так, не бойся признаться, я не трону тебя. Что ты там пролепетал, как монах плешивый?

– Дуралей! – отвечал англичанин. – Не себя я жалею. Но напомнил тебе о битве между пастухом и великаном, где Бог даровал победу слабейшему и где оружие разлилось больше нашего. Я буду биться своим мечом. Надеюсь, он и теперь послужит мне так же как прежде.

– Что ж! Но помни, я предлагал тебе равные шансы, – пожал плечами горец. – Драться будем насмерть там, у водопада! Его рев заглушит твои крики о пощаде! – И Рудольф диким криком приветствовал родную ему стихию: – Э-ге-ге! Старина! Давно ты не слыхивала звона оружия! Взгляни туда, Артур, прежде, чем мы начнем! Там твоя могила!

– Самонадеянность тебя самого сбросит туда, – хмуро отвечал Артур. – Но я похороню тебя по-человечески – в Эйнзидельнской часовне закажу по тебе панихиду, твой двуручный меч сломают над могильной плитой с надписью: «Здесь спит медведь из Берна, коего английский ворон⁸³ заклевал».

– Как ни камениста Швейцария, – прорычал Рудольф в бешенстве, – такого камня в ней не будет! К бою!

И сколь они дошли до места схватки, Артур окинул его внимательным взглядом – это была ровная площадка подле разрушенных стен.

«Воистину, – подумал он, – человеку, владеющему своим оружием, не забывающему наставлений флорентийца Боттаферма, чистому сердцем, твердому рукой, и стоящему за правое дело, не следует опасаться меча двумя футами длиннее».

Мысля так и запоминая рельеф места схватки, которые могли дать ему преимущество перед противником в бою, он встал посреди двора, где ничто не могло ему мешать, и, отбросив плащ, обнажил свой меч.

Рудольф полагая противника изнеженным и трусливым, вложил всю силу удара в свой первый выпад, надеясь разом кончить с ним. Но спокойствие, с каким англичанин встретил сокрушительный удар, заставило вспомнить швейцарца о недостатках собственного оружия, и это слегка его охладило. Его меч, описав широкий круг через левое плечо, вернулся в исходное положение над головой исполина. Иной противник такую неосторожность мог использовать для контрудара. Но англичанин оставался неподвижен до тех пор, пока швейцарец не поймал на лезвие огромного меча лучи восходящего солнца, и ослепив их ярким отражением Артура, не двинулся на него, сделав подряд несколько коротких выпадов и продемонстрировав этим ловкое свое обращение с тяжелым оружием. Затем бернец прибли-

⁸² Мне чуждо это оружие (*лат.*) – Перед битвой с Голиафом Давиду предложили вооружиться подобающим воину образом, но он отверг всякое оружие и предпочел ему пращу.

⁸³ Игра слов: *bern* по-швейцарски – медведь; имя *Arthur* имеет кельтскую этимологию и по одной из версий означает – ворон.

зился к противнику на длину своего меча, и держа его обеими руками занес над своей головой. Англичанин держал свой меч в полусогнутой правой руке на уровне груди с небольшим уклоном вниз, изготавившись для отражения атаки.

С минуту они стояли так друг перед другом, пока швейцарец не сказал:

– Вперед, англичанин!

– Мой меч и здесь тебя достанет, – отвечал Артур; и не успел договорить, как меч швейцарца обрушился вниз с молниеносной быстротой, необыкновенной, учитывая величину сего оружия. Никакое мастерство владения оружием не могло остановить разящего удара, в который бернский удалец вложился весь, надеясь им закончить поединок. Но Артуру не изменили его внимание и ловкость. И прежде, чем тяжелый меч упал, он скользнул под него и уколол швейцарца в левую руку. Раздраженный неудачей, швейцарец снова поднял свой меч и с умноженной силой и яростью атаковал англичанина несколько раз к ряду – сверху, прямо, с боку и слева направо, – подобно все уничтожающему урагану. Юному англичанину пришлось выказать все, на что он был способен, чтобы уцелеть: он отступал и уклонялся, избегая ударов способных раздробить скалу. Но англичанин, ретируясь, придерживался руин, чтобы использовать их как прикрытие, и, будучи предельно внимательным, ожидал момента, когда враг ослабнет, или опрометчиво откроет себя, предоставив ему случай для ответной атаки. Случай этот вскоре представился, когда швейцарец вновь ринулся вперед и запнулся о камень, скрытый высокой травой; в этот момент он получил от своего противника нешуточный удар по голове. Рудольф зарычал: но не от боли, поскольку удар пришелся по наголовнику из гибкой стали, который предусмотрительно надел швейцарец под шапку, а от досады; и вновь вступил в схватку, хотя, как заметил Артур, уже без того напора, что прежде.

Его удары высекали искры из камней, и неизвестно чем бы все закончилось, если бы не громогласный повелевающий глас, перекрывший лязг мечей и грохот водопада, не раздался вдруг: «Ради вас самих, остановитесь!»



Поединщики вмиг опустили мечи, возможно, не очень жалея о прекращении боя, который иначе мог окончиться чьей-либо смертью. Они оглянулись, и увидели спешащего к ним ландмана, с гневными глазами под грозным челом, и старшего Филиппсона с ним.

– Как! – вскричал он. – Гости Арнольда Бидермана грызутся ровно волки, позоря его дом?! Утратив образ божий?! Страх Господний?! Небрегая спасением душ?!

– Артур! – вскричал старый Филиппсон. – Что за безумие? Или долг тебе не в честь и слишком легок, что ты для ссор и потасовок находишь время?

Молодые люди, бой которых только-только был прерван, стояли, опершись на мечи, недобро сверкая друг на друга глазами, еще не остывши от схватки.

– Рудольф Доннерхугель, – приказал ландман, – отдай мне свой меч, как владыке этих владений, старшему родичу и главе кантона!

– В вашей власти, – отвечал Рудольф, с покорностью отдавая Арнольду Бидерману свой двуручный меч, – приказывать в здешних горах обнажить меч или класть его в ножны.

– Клянусь честью! – воскликнул Бидерман. – Это меч Стефана, который снискал ему славу при Земпахе, когда дед твой бился рядом с Винкельридом. Позор! И вы, юноша!.. – ландман обратился к Артуру, но Филиппсон опередил его:

– Сын мой, вручи меч свой господину ландману.

– Как прикажете, сэр, – отвечал молодой англичанин, – но со своей стороны я считаю нашу ссору оконченной. Этот джентльмен пригласил меня сюда, чтобы испытать мое мужество, которое у него вызывало сомнение. Полагаю, теперь он убедился в обратном. Я же, отдавая должное его силе и искусству владения мечом, признаю, что все могло окончиться и хуже...

– Хуже для меня, – перебил его Рудольф. – Зеленый рукав мой, знак симпатии к лесным кантонам, поалел так, будто его красил какой-нибудь красильщик из Ипра или Гента⁸⁴. Но я искренне прощаю чужестранцу то, что он испортил мое платье и преподал мне урок, который мне не забыть. Если бы все англичане были так храбры, как ваш гость, дядюшка, то Бушитольцкий холм вдвое был бы ниже.

– Рудольф, – сказал ландман, с бровей которого от слов племянника упали тучи и, наконец, разгладилось чело, – ты ветрен и горяч, но я всегда верил в твое доброе сердце. А вы, мой юный гость, можете поверить старику: если швейцарец сказал, что ссоре конец, то так оно и есть. Мы не сарацины какие, кои месть растят в себе, как чадо. Пожмите ж руки друг другу, дети мои, и позабудется глупая ссора.

– Вот моя рука, чужестранец! – сказал Доннерхугель. – Ты преподал мне урок фехтования, и после завтрака, коль ты согласен, я расплачусь с тобой хитростями охоты в наших лесах. Когда ноги твои станут так же крепки, как руки, не много найдется желающих соперничать с тобой.

Артур с открытой душой и с жаром юного чистого сердца с готовностью откликнулся на это предложение, и еще до возвращения в дом ландмана молодые люди обсудили предстоящую прогулку в лес с таким дружелюбием, как будто никакого раздора между ними не бывало вовсе.

– Я всегда готов простить безрассудство молодых, – сказал ландман вполголоса отцу Артура, наблюдающему краем глаза за юношами, – если рассудок в конце концов побеждает, и в сердце не остается зла.

– Однако эти молодцы натворили бы лиха, почтенный хозяин, – сказал Филиппсон, – не проведай вы об их глупости. И как вам только удалось узнать об их сговоре?

– Мне помог добрый ангел, – улыбнулся Арнольд Бидерман, – моего семейства. Я разумею мою племянницу Анну. Она заметила, как обменялись перчатками эти сорванцы, и слышала их слова: «Гейерштейн» и «на восходе». О, сударь, Анна слишком умна, чтобы не понять, что эти слова означают. Моих сыновей бог наградил силой, но, верно, позабыл вложить в их головы толику ума.

⁸⁴ Фландрские города.

– Мне показалось, друг мой, что ваш, и мой отныне ангел, мелькнул крылами вон за той грядой, – сказал с улыбкой Филиппсон. – Думаю, что он слишком застенчив.

– Да, – ответил ландман, – но любопытен, как все дети. Однако, ручаюсь, что судьба этих олухов ее тревожит не менее нашего, и только стыд мешает ей свою тревогу обнаружить.

– Подозреваю, что так, – согласился англичанин, и добавил: – Было бы неблагодарностью с моей стороны не наградить добрую деву, которой я многим обязан?

– Самое подходящее время исполнить ваше желание, друг, – согласился ландман, и кликнул девушку своим зычным голосом, знакомым всем в здешних горах.

Анна Гейерштейн скрываясь неподалеку за пригорком, полагала себя вполне укрытой густыми зарослями кустарника. Она вздрогнула, услышав зовущий ее голос дяди, но немедленно ему повиновалась, и, обогнув юношей, идущих впереди, окольной тропинкой подошла к ландману и Филиппсону.

– Мой друг и гость желает говорить с тобою, Анна, – сказал ландман, вначале пожелав доброго утра девушке, которое спозаранку не обещало добра. Лоб и щеки девушки вспыхнули румянцем, когда Филиппсон с важностью, которая, казалось, не соответствовала его положению, обратился к ней со следующей речью:

– Порой случаются, дитя мое, с торговыми людьми неудачи, из-за которых они остаются в долгах, но самым ничтожным из купцов считается тот, кто не расплачивается с ними. И потому прими, дочка, благодарность отца, чей сын лишь вчера был спасен от гибели твоим бесстрашием, и вот уже теперь, нынешним утром, твоим же благоразумием. Ты обяжешь меня еще больше, приняв от благодарного старика вот эти сережки... – слова англичанина сопровождались поднесением девушке драгоценного подарка: – Это всего лишь жемчуг, но, поверь, он достоин графини...

– И потому, – вмешался вдруг ландман, – их непристало носить простой девушке. Мне кажется, господин Филиппсон, вы преувеличиваете собственную благодарность и принижаете ценность подарка. И где это видано, чтобы торговцы разбрасывались драгоценностями?

– Позвольте мне просить вас о прощении, мой дорогой друг, – отвечал англичанин, – не по размышлению, клянусь, но по велению сердца выбрал я подарок. И надеюсь, уважаемый хозяин, кого доселе я находил добрейшим человеком, не будет отговаривать от принятия его юную особу, коей приличествует знатный титул, полученный ею при рождении. Кроме того, вы плохо зарекомендуете меня, когда по вашей милости я прослышу человеком тянущим с долгами.

– Я всегда был, – сказал ландман, взяв сережки в свою руку, – против красивых безделушек, которые коров и коз доить не помогали нашим прабабкам. А все ж, – продолжил он улыбнувшись и поднеся одну из сережек к ушку племянницы, – украшения девушкам к лицу, хотя они и твердят в один голос, что мы, старики, в девичьей красоте ничуть не смыслим. Что ж, Анна, тебе решать – принять дорогой подарок нашего доброго гостя или нет.

– Если вы не против, дядя, – смущенно молвила девушка, – я не стану обижать достойного гостя, отказывая ему в искренней благодарности; но с его и вашего дозволения, милый дядюшка, я принесу эти сережки в дар Эйнзидельнской Божьей Матери, выразив ей тем самым нашу общую признательность за покровительство, которое она распростерла над нами во время вчерашней ужасной бури, и которая не оставила нас без помощи нынешним утром.

– Клянусь, сама Дева Мария ее устами говорит! – всплеснул руками ландман. – Нет ничего мудрее, как употребить щедрость нашего дорогого гостя на испрошение небесной благодати домам нашим и всему Унтервальдену. А тебе, Анна, я куплю ожерелье из черного янтаря на праздник стрижки баранов, когда продам шерсть.

Глава VII

*Презрел ты мир,
Так выходи на пир,
Кровавый!
Впредь не посмеет никто
Презреть приглашение мое.
И. Гёте «Торквато Тассо»*

ДОВЕРИЕ между ландманом и английским купцом до их отъезда ко двору Карла Бургундского утвердилось настолько, что они могли не прятаться за словами касательно политики. О положении дел в Европе и Швейцарском Союзе мы уже упоминали, но для большей ясности происходящего в нашей повести необходим краткий исторический экскурс.

В продолжение недели, проведенной английскими путешественниками в Гейерштейн, Швейцарский Союз провел несколько совещательных сеймов с представителями как городских, так и лесных кантонов. Первые страстно желали войны с Бургундией по причине притеснения их торговли установленными с недавних пор герцогом Карлом различными пошлинами, которые стали вскоре совсем невыносимы вследствие произвола его слуг; и тем более жаждали они войны, что до настоящего времени в военном отношении им неизменно сопутствовала удача и добыча. Кроме того, многие из них тайным образом были побуждаемы к войне щедростью Людовика XI, который не жалел золота, чтобы добиться распри между Швейцарским Союзом и их могущественным врагом – Карлом Смелым.

С другой стороны имелось много доводов указывающих на нецелесообразность объявления Швейцарией войны самому богатому, самому могущественному и самому воинственному из всех европейских государей, (каким неоспоримо являлся Карл Бургундский), тем более, что и причин достаточных для оправдания враждебности швейцарцев не существовало. Кроме того, каждый день приносил с острова новые слухи о том, что Эдуард IV, король Англии, заключил военный союз с герцогом бургундским, и что английский монарх, прославившийся многочисленными победами над Ланкастерским домом и окончательно утвердившийся на престоле, потребовал от Франции возвращения ему земель на материке, кои принадлежали его предкам. Будто именно этого только и недоставало вящему блеску его славы по одолении внутренних врагов, несколько померкшей из-за утраты обширных владений в царствование болезного Генриха VI⁸⁵, и по причине жестокой и длительной войны между Алой и Белой Розами. Общеизвестно, что в Англии потеря французских владений переживалась всем народом: не только благородной знатью, лишившейся ленных земель в Нормандии, Гаскони, графствах Мэн и Анжу, но и мелкопоместным дворянством, привыкшим добывать себе славу и богатство во Франции; и даже удалые йомены, чьи луки и стрелы

⁸⁵ Генрих VI (1421—1471) – король Англии с 1422 из династии Ланкастеров, сын Генриха V, победившего при Азенкуре и ставшего по договору 1420 г. в Труа наследником короны Франции. После внезапной кончины Генриха V в 1422 г. Генрих VI в девятимесячном возрасте стал английским королем. По замыслу договора в Труа, наследник Генриха V должен был в полной мере олицетворять объединение английского и французского королевств под эгидой Ланкастеров. Матерью Генриха VI была дочь Карла VI Безумного Екатерина, полученная Генрихом V в жены, согласно условиям того же договора в Труа. Возможно, именно через нее будущий английский король, Генрих VI, и получил наследственное психическое заболевание. С годами юный король, как и его дед – французский король Карл VI Валуа, был подвержен все более продолжительным приступам безумия. Он стал игрушкой в руках регентов и фаворитов. В декабре 1431 г. Генрих VI короновался в Париже короной Франции, однако это никоим образом не отразилось на коронации в Реймсе Карла VII. Судьба Генриха VI сложилась трагично. При нем англичане проиграли в 50-х гг. XV в. войну с Францией, а в самой Англии в 1455 г. разгорелась долгая и кровопролитная междоусобная война феодальных группировок – война Алой и Белой розы. В 1461 г. Генрих VI был низложен Эдуардом IV Йорком и бежал в Шотландию. В 1465 г. он был взят в плен и заточен в Тауэр. После недолгой реставрации Генриха VI на троне Англии (октябрь 1470 – апрель 1471), он был вновь низложен и убит в Тауэре.

предрешили исход многих, ставших роковыми для французов, сражений, тяготели к войне, готовые следовать за своим государем, подобно их предкам снискавшим бессмертную славу победами при Кресси, Пуатье и Азенкуре.

Самые последние и доподлинные известия сообщали, что король английский готовится лично высадиться во Франции (вторжение облегчалось наличием в его власти Кале) с горящей отмицением армией, превосходящей численно любое войско, с каким когда-либо до него английские монархи вступали во французские владения; что военные приготовления полностью завершены и Эдуард вот-вот к войскам прибудет. В то же время герцог Бургундии и многочисленные мятежные французские бароны тех областей, что долгое время принадлежали Англии, обещали оказать всестороннюю свою помощь английскому королю в войне с Францией, которая угрожала Людовику XI ужасными последствиями, какие, несмотря на всю проницательность, мудрость и могущество этого монарха, преодолеть ему не удастся.

Без всякого сомнения, благоразумие и долг перед английским союзником должны были заставить Карла Бургундского избегать любых поводов к войне со швейцарцами, – бедными, но воинственными людьми, которые своими неоднократными победами уже сумели доказать, что их храбрая пехота, при необходимости, может противостоять рыцарской коннице, до сих пор считающейся главной ударной силой в европейских армиях. Но все действия Карла, коего рок противопоставил самому коварному и искуснейшему в политике монарху того времени, были внушаемы ему скорее его пылкостью и импульсивностью, чем разумным рассмотрением ситуации, в коей он оказался. Гордый, надменный, неуступчивый, хотя и не лишенный великодушия, он презирал и ненавидел тех, кого называл не иначе как жалким сборищем пастухов, совершенно игнорируя многолюдность городов Швейцарии; и вместо того чтобы искать ее расположения, подобно его лукавому недругу, или, по крайней мере, нейтралитета, Карл не упускал ни единого случая, чтобы выказать свое пренебрежение к их успехам; не скрывал своего желания по квитаться с за пролитую ими благородную кровь, и жаждал возмездия за поражения рыцарства, вообразив себя предначертанной свыше карающей дланью.

Бургундские владения в Эльзасе⁸⁶ и в самом деле позволяли герцогу вымещать свое ожесточение на Швейцарском Союзе. Небольшая крепость графства Ла Феррета, расположенная в десяти или одиннадцати милях от Базеля, стояла на ключевом торговом пути важнейших городов Швейцарского Союза – Базеля и Золотурна⁸⁷, и служила перевалочным пунктом. Управлял всеми делами в графстве назначенный герцогом наместник, он же был сенешалем, судьей и распорядителем всех доходов поступающих в казну, и, вообще, как нельзя соответствовал своему месту, чтобы прослыть «чумой» и «бичом» для своих соседей швейцарцев.

Аршамбо фон Хагенбах был немецким дворянином, чьи родовые поместья находились в Швабии, и где его знали как самого жестокого и наиболее кровожадного из всех приграничных властителей, известных под прозвищами «рыцари-разбойники». Эти благородные господа, вследствие того, что являлись ленниками Священной Римской Империи, почитали себя такими же полновластными государями в пределах своих владений величиною в одну квадратную милю, как и любой владетельный князь обширного доминиона. Они собирали пошлины, бросали в темницу, пытали и казнили тех, кто, как они утверждали, совершил какое-нибудь преступление в пределах их доменов. Но больше всего они заботились о расширении своих земель, для чего вели бесконечные войны друг с другом и с вольными городами Империи, нападали на торговые караваны внутри самой Германии и безжалостно их разграбляли.

⁸⁶ Эльзас – историческая область на востоке Франции.

⁸⁷ Анахронизм: эти города тогда еще не входили в Швейцарский Союз и даже враждовали с ним.

Череда непрерывного зла чинимого соседям и зла в ответ, заставили Аршамбо фон Хагенбаха, одного из представителей *faustrecht* – так называемого «кулачного права», наконец, в преклонных летах оставить страну, где жизнь его незадалась, и поступить на службу к герцогу бургундскому, который охотно принял его как человека благородного происхождения и известной доблести, но скорее следует предположить, что герцог рассчитывал в жестоким и алчном Хагенбахе найти безжалостного, беспринципного и беспрекословного исполнителя всех своих прихотей.

Конечно бернские и золотурнские купцы тут же в один голос стали жаловаться на притеснения Хагенбаха. Пошлины на товары, провозимые через вверенное ему графство Ла Феррета, независимо от того, ввозились они или просто перевозились не покидая пределов графства, были самочинно увеличены наместником, а тех купцов, что медлили с их оплатой тут же хватали, заключали под стражу и подвергали публичному телесному наказанию. Торговые города Германии⁸⁸ обратились к герцогу с жалобой на беззакония чинимые наместником Ла Ферреты и просили Его Светлость изгнать Хагенбаха, но герцог проигнорировал это прошение. Швейцарский Союз повторно обратился к герцогу (и в этом прошении уже чувствовались жесткие нотки), призывая его совершить правосудие над Хагенбахом, нарушавшим международные соглашения. Но и эти требования остались без внимания.

Наконец, Совет Конфедерации постановил отправить к герцогу официальную депутацию, о которой уже упоминалось. Один или два ее представителя были согласны с мирным и благоразумным образом мыслей Арнольда Бидермана, надеявшегося, что столь важное представительство откроет глаза герцогу на вопиющую несправедливость его наместника; прочие же делегаты не имели столь мирных намерений, изначально решив ультимативным требованием проложить путь к войне.

Арнольд Бидерман был ревностным сторонником мира, но до тех пор, пока сохранение его согласовывалось с независимостью и честью Союза. Однако молодой Филиппсон скоро заметил, что только ландман, из всего своего семейства, настроен миролюбиво. Взгляды его сыновей зависели от Рудольфа Доннерхугеля, который благодаря проявленной храбрости своих предков, приобрел в Совете родного кантона влияние редкое среди людей его возраста. Артур, ставший им добрым товарищем на охоте и всех прочих забавах, только и слышал что разговоров о предстоящей войне, представляющейся молодым людям восхитительным походом швейцарцев за доблестью и славой. Понять их романтический настрой было нетрудно, ибо подвиги их предков в войнах с немцами были весьма замечательны; а так как нынешнее поколение обладало теми же самыми могучими членами и таким же непоколебимым мужеством, то вполне естественно они надеялись на не меньший успех. Упомянув наместника Ла Ферреты, и называя его не иначе как «бургундским цепным псом» или «эльзасской собакой», они кричали, что если его не уймет сам хозяин и не прогонит, то никакой замок не спасет Аршамбо Хагенбаха от праведного гнева притесняемых им жителей Золотурна, и уж тем более Берна.

Об этой всеобщей предрасположенности швейцарской молодежи к войне старому Филиппсону было поведено сыном, и заставило того призадуматься: не лучше ли, несмотря на опасность дорог, продолжить путешествие ему одному вместе с Артуром, чем подвергнуться риску быть вовлеченным в какую-нибудь стычку, вызванную этими юными своевольными горцами за пределами их отечества. Случись такое происшествие, оно необратимо навредило бы цели его поездки. Но вспомнив, как Арнольд Бидерман уважаем своими домочадцами и соотечественниками, английский купец заключил, что его влияния будет достаточно для обуздания молодежи, пока главный вопрос войны или мира не решится окончательно, или пока делегация не исполнит своей миссии, будучи допущена на аудиенцию

⁸⁸ Швейцарцы номинально считались подданными Священной Римской Империи.

с герцогом бургундским, еще до которой он покинет их общество и не будет нести никакой ответственности за их дальнейшие действия.

После десятидневного опоздания, представители делегации, уполномоченные вручить герцогу протест по поводу притеснений и поборов творимых Аршамбо Хагенбахом, наконец, прибыли в Гейерштейн. Помимо молодого бернца и унтервальденского ландмана, их еще было трое. Один из них, как и Арнольд Бидерман, владелец небольшого поместья в лесном кантоне, неотличимый в своем наряде от простого пастуха, выделялся своей красивой и длинной серебристой бородой: его звали Никола Бонштетен. Мельхиор Штурмталь – бернский знаменосец, человек немолодой, успевший прославиться своей храбростью, и Адам Циммерман – золотурнский бюргер преклонных лет.

Каждый из них постарался приодеться получше, и хотя Арнольд Бидерман осуждающе оглядел серебряные застёжки на поясе и такую же цепь на шее, украшающие дородного золотурнского бюргера, однако было очевидно, что швейцарцы, в силу своих побед достойные более высоких отличительных знаков, никогда еще не были представлены с такой патриархальной простотой. Уполномоченные путешествовали пешком с окованными посохами в руках, подобно богомольцам, направляющимся к месту паломничества. Два мула, навьюченные их немногими пожитками, находились под присмотром молодых парней, являвшихся, скорее всего, ближайшими родственниками членов депутации, которым, буде представлялась такая возможность, разрешили воспользоваться ею, чтобы они смогли посмотреть своими глазами на мир лежащий за горами.

Представленная свита была малочисленна даже для приватной миссии, отправленной неким влиятельным лицом, не говоря уже о важном государственном посольстве, ибо суровые времена не позволяли людям, наделенным какими-либо полномочиями, путешествовать без охраны. Даже из-за волков, покидающих с наступлением зимы свои убежища в горах и безбоязненно нападавших на деревни, где наши путешественники могли искать ночлега, наличие эскорта представлялось далеко не лишним; а сбившиеся в разбойничьи банды дезертиры из различных армий на границе Эльзаса и Германии, делали эту предосторожность попросту необходимой. Потому-то, около двадцати удалых молодцев из разных швейцарских кантонов, включая Рудигера, Эрнеста и Сигизмунда – трех старших сыновей Арнольда, и сопровождало депутацию. Впрочем, никто из них не соблюдал какого-либо военного порядка, следуя поодаль от кортежа отцов. Более того, разбившись на отряды по пять-шесть человек, они разбрелись по близлежащим ущельям и лесам, в погоне за дичью. Поскольку депутация старейшин двигалась вперед довольно медленно, то резвые молодые люди, сопровождаемые большими, лохматыми собаками, целый день истребляли волков с медведями и распугивая разбегающихся по окрестным скалам диких коз. Однако преследуя дичь, охотники не забывали тщательно исследовать местность на предмет возможной засады, тем самым оберегая посольство гораздо лучше, чем если бы они ехали позади или около него. Сигнал огромного швейцарского рога, некогда украшавшего голову зубра, был призывом ко всеобщему сбору в случае непредвиденной опасности. Рудольф Доннерхугель, будучи самым молодым из депутатов, взял на себя командование этими стражами и почти не расставался с ними. Все горцы были хорошо вооружены: помимо двуручных мечей, алебард и копий, у них имелись крепкие луки, топоры и охотничьи ножи. Правда, тяжелое оружие, дабы оно не стесняло движений, было сложено на телегу, но так, чтобы в случае тревоги его легко можно было взять.

Артур Филиппсон, подобно своему бывшему сопернику, естественным образом предпочел общество и веселые забавы молодых серьезным беседам и неторопливому шествию старцев союзных швейцарских кантонов. Впрочем, если бы то позволяло приличие, была одна причина из-за которой он променял бы все развлечения на скучную, заумную беседу

старцев, следуя за ними в хвосте обоза. Этой причиной была Анна Гейерштейн, в сопровождении швейцарской девушки, ее спутницы, замыкавшая важную процессию.

Обе представительницы прекрасного пола были посажены на ослиц, которые едва поспевали за навьюченными поклажей мулами; и можно было бы предположить, что ни у кого не возникнет подозрений, если Артур Филиппсон из признательности за услуги, оказанные ему этой прекрасной девушкой, сочтет возможным предложить в пути ей помощь или отвлечет ее беседой от утомительной дороги. Но он не осмелился даже надеяться на это, ибо галантность по отношению к дамам, видимо, не допускалась обычаями этой страны, так как ни один из ее двоюродных братьев, и даже Рудольф Доннерхугель, который до сих пор не упускал ни единого случая угодить своей прелестной родственнице, не пытался приблизиться к дамам. К тому же Артур был довольно рассудителен, чтобы понять – поддайся он своим чувствам и желаниям, побуждающим его подъехать к девушке, он прогневит отца, а также, вероятно, и ландмана, гостеприимством которого они воспользовались и под охраной которого теперь пребывали в безопасности.

Поэтому молодой англичанин принимал участие в потехах прочих молодых людей, разрешая себе оказывать красавице так часто знаки учтивости, как то позволяли короткие остановки на отдых, и лишь те из них, которые не могли удостоиться осуждающего взгляда или порицания стариков. Доказав на примере свое искусство охотника, он иногда позволял себе, даже тогда, когда другие гонялись за дичью, поодаль от дороги, на которой мог видеть серое пятно развевающегося покрывала Анны Гейерштейн, угадывая под ним своим воображением ее фигуру. Такое пренебрежение к охоте, как иным могло показаться, не было осуждено его спутниками, так как они полагали, что охота не представляла для Артура никакого интереса лишняя благородной добычи; но когда целью становились медведь или какой-нибудь крупный зверь, то ничье копье, кинжал или стрела, даже самого Рудольфа Доннерхугеля, не были столь молниеносны и точны, как оружие англичанина.

Тем временем иные мысли, гораздо более серьезные, одолевали старого Филиппсона – человека, как верно уже догадался читатель, занимающего вовсе не то положение в обществе, какое выказывал. Охотничий задор молодых, казалось, пробудил в нем воспоминания о собственной юности. Лай собак, многократно отзывающийся эхом в диких горах и темных лесах, через которые проезжали путешественники; резвость молодых охотников, преследующих дичь и загоняющих ее в засады по утесам и кромкам пропастей, представлявших непроходимыми для человека; крики: «Ату!» и звуки рога, перелетавшие с горы на гору, – все это почти искусило его принять участие в развлечении, которое наравне с войной, на большей части Европы почиталось за важнейшее человеческое занятие. Но, подавив в себе это стремление, он обратил свое внимание на изучение нравов людей, с которыми путешествовал.

Все они представлялись ему такими же простоватыми и прямыми людьми, как и Арнольд Бидерман, хотя ни один из них не мог сравниться с ним возвышенным образом мыслей и прозорливостью. О политике и собственной стране они говорили во весь голос, ничуть не таясь, хотя, помимо Рудольфа, прочим молодым людям запрещалось присутствовать на совете старейшин (не потому, что украшенные сединами не могут выболтать государственных секретов, но для того, чтобы это редкостное исключение из правил лишь подчеркивало само правило – уважение к старости). В присутствии англичанина они свободно рассуждали о притязаниях герцога бургундского, о средствах обращенных на поддержание независимости их страны, и о решимости Швейцарского Союза скорее лечь костьми, чем претерпеть какую-то обиду. И хотя в иных вопросах их взгляды представлялись благоразумными и умеренными, бернский знаменосец и чванливый золотурнский бюргер, чаще обсуждали возможные выгоды будущих побед, в отличие от осуждающего их ландмана Унтервальдена и почтенного Никола Бонштетена, целиком разделявшего мнение своего товарища.

Но чем бы не начиналась беседа, она обязательно перетекала совсем в иное русло – менее привлекательное для их попутчика. В разговоры о погоде, урожаях последних лет, об уходе за садами и нивами, хотя и чрезвычайно интересные обитателям гор, Филиппсону удовольствия не доставлявшие; и даже несмотря на то, что минхер⁸⁹ Циммерман из Золотурна горел желанием, уважая всякую-то торговлю и товары, разговорить англичанина, который много странствовал и не боялся пересекать моря и дальние земли, купец, торгующий ювелирными изделиями, вовсе не интересовался делами швейцарца, чей торг не простирался далее соседних земель Бургундии и Германии, и чьи товары состояли из грубого сукна, фланели, выделанных кож, шерсти и прочих бесхитростных изделий.

Между прочим, как только швейцарцы начинали со всей серьезностью мелких хозяйственников и лавочников, встретившихся на местной ярмарке, рассуждать о своей торговле или излагать свои примитивные взгляды, касающиеся аграрного вопроса, говоря о порче зерна и о падеже скота там-то и там, то или иное название местности, либо чье-нибудь упомянутое имя наводило их на воспоминания о случившейся некогда там или сям битве, в которой кто-то из них да участвовал, ибо не было промеж них ни одного, кто бы не обагрив вражеской кровью свое оружие; и рассказы о войне, со всеми деталями, которые в иных странах можно услышать лишь из уст рыцарей, или эсквайров⁹⁰, да еще узнать из скрупулезно внесенных учеными клириками записей, в этой необыкновенной стране были обычным делом для людей, чей мирный промысел далек от ратного искусства. Это навело англичанина на мысль о древних римлянах, коим меч и щит служили також, как плуг и орало. Он поведал об этом сходстве ландману, который, будучи польщен таким сравнением с его страной, однако же присовокупил:

– Но да сохраняют Небеса промеж нас мирные устремления римлян, и да избавят нас от их жажды завоеваний и влечения к роскоши!

Путешественники продвигались крайне медленно по причине различных задержек, кои не стоили бы упоминания, если бы из-за них не пришлось дважды устраивать ночлег на пути в Базель. Жители городков и деревень, в которых они располагались на ночь, встречали их с отменным гостеприимством и оказывали всевозможные знаки почтения, а их прибытие служило сигналом для торжеств, которые начинались с приема делегации главами местного сообщества.

В то время как деревенские старосты готовились к праздничной встрече делегатов Союза, обычно они узнавали об их приближении загодя, молодые люди, предусмотрительно высылаемые ими наперед, старались доставить удовольствие своим сверстникам и проводжали их до деревни через те места, где, как им это было известно, больше водилось дичи.

Угощение, никак не поощрявшее чревоугодие и прочие излишества и состоявшее по обыкновению из мяса молодых барашков и козлят, подстреленных в горах, все же, как это показалось обоим англичанам, весьма возбуждало знаменосца из Берна и бюргера из Золотурна, чего нельзя было сказать о ландмане и представителе Лесов. Упомянутые первые два депутата обладали даром выдергивать из общего блюда лучшие куски и оказались отличными знатоками вин, особенно чужеземных, кое уничтожали они не щадя животов своих. Ландман был слишком благоразумен, чтобы бороться с тем, с чем бороться не представлялось возможным; он удовольствовался тем, что сам соблюдал строгую воздержанность, употребляя в пищу одни только овощи, запивая их ключевой водой, в чем ему полностью подражал седобородый Никола Бонштетен, который, казалось, считал для себя за правило во всем следовать примеру Арнольда Бидермана.

⁸⁹ Минхер – господин, сударь, обращение без дворянского титула (голланд.).

⁹⁰ Эсквайр – английское *esquire*, от латинского *scutarius* – щитоносец, почетный титул в Великобритании (в раннем средневековье оруженосец рыцаря); термин «эсквайр» часто употребляется как равнозначный термину «джентльмен».

На третий день после отправления швейцарцы приблизились к окрестностям Базеля, в то время одного из крупнейших городов Юго-Западной Германии; здесь они предполагали провести вечер и ночь, нимало не сомневаясь в радушном приеме.

Правда, Базель не принадлежал еще тогда к Швейцарскому Союзу, в который он вступил в 1501 году – почти тридцатью годами позднее; но он был вольным имперским городом, связанным с Берном, Золотурном, Люцерном и другими швейцарскими городами взаимными торговыми делами и прочими интересами. Цель посещения этого города швейцарской делегацией состояла в том, чтобы склонить Базель к миру, более полезному ему самому, учитывая всякое прекращение торговли со швейцарскими кантонами с началом войны, нейтралитет же принес бы немалые выгоды городу, расположенному между двумя противниками.

Посему они и уповали на такой же радушный прием базельцев, какой им оказывали до сих пор в пределах собственных земель, поскольку выгоды этого города напрямую зависели от исхода их миссии. Следующая глава покажет, насколько чаянья их оправдались.

Глава VIII

*Городок пред ними. Рейн шлет ему привет,
Свергаясь с отчего утеса, и далее торопит бег,
Стремясь, как гордый Оргеторикс⁹¹ было,
Из плена мертвых скал, теснин унылых,
Широкой Галлии обуять берег.
«Гельвеция»*

ВЗОРЫ английских путешественников, утомленные постоянным созерцанием голых скал, теперь с удовольствием обратились в сторону местности, хотя и холмистой, но вполне пригодной к земледелию, судя по украшавшим ее нивам и виноградникам. Широкий и величественный Рейн стремительно нес свои серебряные воды сквозь этот пейзаж, разделяя надвое город Базель, расположенный на его берегах. Южная часть города, куда привела швейцарскую депутацию их стезя, представленная знаменитым кафедральным собором⁹² на высокой террасе, выровненной руками человека и обрывающейся в реку, напомнила нашим путешественникам, что они приблизились к стране, в которой деятельность разумных созданий характеризовалась новыми величественными сооружениями, кои погребли под собой, такова уж их доля, прежние достижения человеческого труда, победившего некогда каменную унылость природы, сопутствовавшую нашим путешественникам на всем их пути.

За милю от городских ворот депутация была встречена представительным сановником, сопровождаемым двумя или тремя горожанами верхом на лошаках, покрытых бархатными чепраками. Первым они приветствовали ландмана Унтервальдена, а затем и его спутников, которые приготовились выслушать гостеприимное приглашение и любезно его принять.

Однако, представители Базеля, завели речи совершенно не те, что от них ожидали. Сановник с крайним смущением, приступил к исполнению возложенного на него поручения, справедливо полагая, что оно не является сколько-нибудь приятным для него. Базельский оратор начал с того, что имеется множество причин для более тесных и дружеских отношений между его городом и городами Швейцарского Союза в дополнение к тем связям, что обеспечивают взаимную выгоду. Но, заключил он, по некоторым веским обстоятельствам, которые будут объяснены позже, Вольный Город Базель не может принять на ночь за своими стенами высокопочтенных депутатов от Швейцарского Союза, направляющихся ко двору герцога бургундского.

Филиппсон внимательно следил, какое впечатление произведет это неожиданное заявление на членов депутации. Рудольф Доннерхугель изъясил меньше удивления, нежели его товарищи, и, сохраняя совершенное безмолвие, казалось, более старался проникнуть в их чувства, чем расположен был обнаруживать свои собственные. Не в первый раз проницательный купец отмечал про себя, что этот резкий и вспыльчивый молодой человек мог, когда

⁹¹ Оргеторикс (Orgetorix) – князь гельветов, стремившийся к верховной власти, но потерпевший неудачу. Был главным инициатором переселения гельветов в плодородную область по реке Рейн, которое было предпринято сразу после его смерти, но закончилось неудачей.

⁹² Грандиозное сооружение, в древних своих частях – романского, в новейших – готического стиля, возведенное из белого и красного песчаника, с двумя высокими (67м) башнями; до 1529 года это был кафедральный собор. Собор построен в 1010—1019 гг. императором Генрихом II на месте бывшей здесь древнеримской крепости и в 1135 и 1185 подвергся некоторым перестройкам; в 1356 г. страшным землетрясением большей частью разрушен и потом восстановлен в готическом стиле; наконец, в новейшее время удачно реставрирован, оборудован великолепным органом и украшен живописными окнами. На хорах церкви происходили в 1431—1448 гг. заседания Базельского собора; в отдельно стоящей Соборной зале теперь помещается богатый музей средневековых предметов.

это сочеталось с его интересами, обуздывать природный свой норв. Что же касается других, то брови знаменосца нахмурились; лицо золотурнского бюргера зарумянилось подобно луне, восходящей на северо-западе; седобородый представитель Лесов тревожно посматривал на Арнольда Бидермана, и сам ландман казался более обеспокоенным, чем можно было бы ожидать при обыкновенном его хладнокровии. Наконец, он ответил сановнику Базеля голосом дрогнувшим от волнения:

– Такое заявление довольно странно слышать представителям Швейцарского Союза, явившимся с дружелюбными предложениями, в которых заинтересованы все добропорядочные граждане Базеля, каковых мы всегда почитали за наших лучших друзей, и кои сами только что подтвердили, что они таковыми и остаются. Однако, в пристанище, в защите городских стен, обыкновенном гостеприимстве, никакое государство не вправе отказывать даже недругам.

– Не по своей воле граждане Базеля поступают так, достойный ландман, – отвечал сановник. – Не только вас и ваших уважаемых товарищей, но даже мулов ваших мы приняли бы с наивозможным радушием... Но вынуждены поступить иначе.

– Кем вынуждены? – не сдержался разгневанный знаменосец. – Разве император прежде нами не научен...

– Император, – отвечал сановник, прерывая знаменосца, – теперь благонамерен и миролюбив более, чем когда-либо прежде; но бургундское войско вступило в Сундгау⁹³, и распоряжения доставленные от графа Аршамбо фон Хагенбаха...

– Довольно, – произнес ландман. – Вы в достаточной мере явили нам свою слабость, которой и сами стыдитесь. Я понял вас. Базель расположен слишком близко к крепости Ла Ферреты, чтобы не бояться его тени. Брат, мы ведаем о вашем трудном положении... жалею вас и прощаем вас.

– Нет-нет, прежде выслушайте меня, достойный ландман, – откликнулся сановник. – Здесь поблизости есть старинный охотничий замок графов Фалькенштейн, называемый «Graffs-lust»⁹⁴, который, хотя и дыряв, но все же не поле под небом, – его стены достаточно крепки, чтобы защитить вас не только от непогоды, но и от недругов, хотя Боже сохрани, чтобы кто-нибудь осмелился нарушить покой ваш! И еще, друзья мои! Если вы найдете в этом старом замке нечто восстанавливающее силы, как-то: вино, пиво и прочее, то употребите их без стеснения, пусть эта малая толика послужит во искупление великой нашей вины.

– Я не откажусь от дыр в стенах и крыше, – сказал ландман, – сквозь них не выльется наше презрение на город, но будет виден вам свой стыд. За угощение благодарим, но столноваться за счет тайных друзей не станем.

– Еще одно важное обстоятельство, мой дорогой друг, – сказал сановник и многозначительно взглянул на юную красавицу. – С вами едет девушка, как я смею предположить, ваша дочь. Место, куда вы направляетесь сейчас, хоть мы и сделали все, что было в наших силах, приют сносный для мужчин, но женщине там будет чрезвычайно неуютно. А потому, не лучше ли вашей дочери поехать со мной в Базель, где моя супруга станет ей матерью до следующего утра, когда я в полной безопасности доставлю ее вам. Мы обязались не впускать в город посланников Конфедерации, но о посланках в нашем обязательстве не упоминалось.

– Вы, базельцы, в хитростях искусны, – отвечал ландман, – но будет вам ведомо, что с той поры как наши предки спустились с гор, ополчась против Цезаря, и до нынешнего часа, швейцарские женщины при любой напасти не покидали своих мужей, и не нуждались

⁹³ Сундгау – область в Эльзасе неподалеку от Базеля.

⁹⁴ «Графская услада» (нем.).

в иной защите, кроме той, какую они находили в их храбрости. У нас довольно мужчин для охраны наших женщин, моя племянница разделит судьбу, ниспосланную нам Небесами.

– Прощайте ж, друг, – сказал базельский сановник. – Жаль расставаться с вами таким образом, но ничего не могу поделать... Эта заросшая травой тропинка приведет вас к старому замку, где да ниспослет вам Небо безмятежную ночь, ибо, помимо всего прочего, его развалины имеют дурную славу. Позвольте же вашей племяннице, столь юной и нежной, переночевать в городе под моим неусыпным бдением?

– Если наш покой будет нарушен существами нам подобными, – отвечал Арнольд Бидерман, – то у нас есть сильные руки и тяжелые протазаны⁹⁵, а коли доведется нам столкнуться с нечестью, мы доверимся всецело Богу и нашей праведности. Друзья мои, мои товарищи, в полной ли мере мысли и чувства ваши с моими согласны?

Ни один депутат не отрекся от слов своего предводителя, и граждане Базеля учтивым прощанием и избытком любезности постарались искупить перед гостями свою неблаговидность. После их отъезда Рудольф первым излил свои чувства относительно малодушия базельцев, будучи во все время их присутствия тих и смирен:

– Трусливые псы! Может «бургундский живодер» выпотрошит их своими требованиями и научит, как отречься от дружбы взамен на благосклонность тирана.

– Бессильного тирана, – выкрикнул из толпы другой юноша, ибо многие молодые люди собрались подле своих патронов из желания присутствовать при приеме депутации базельскими сановниками.

– Нет, – вскричал Эрнст, один из сыновей Арнольда Бидермана, – они не прикрываются его приказом; но только неудовольствие герцога бургундского, не более грозное, чем ветерок с запада, им достаточный повод, чтобы отказать нам в ночлеге. Было бы хорошо мечами постучать в их ворота.

Легкий гул одобрения, возникший в кругу юнцов, пробудил гнев Бидермана.

– Я слышал, – он воскликнул, – голос собственного сына, или глупого ландскнехта⁹⁶, охотника до грабежей и крови? Где юноши швейцарские, приученные ждать веленья горна воли патриаршей, невинные младенцы до, и яростные волки после?

– Я не хотел сказать ничего худого, батюшка, – залепетал Эрнест, смущенный упреком, – и тем более прогневать вас. Но...

– Ни слова больше, – оборвал его Арнольд, – но оставь наш лагерь завтра на рассвете; и по дороге в Гейерштейн, куда я повелеваю тебе немедленно вернуться, вбей себе в голову, что ни за грош пропадет на земле всяк, дающий волю своему языку в присутствии старших.

Знаменосец Берна, золотурнский бюргер и даже длиннородый представитель Лесов приложили немало усилий, упрашивая ландмана простить провинившегося и спасти его от изгнания, но без успеха.

– Нет, мои добрые друзья и братья, нет, – отвечал Арнольд. – Молодые люди нуждаются в примере; и пусть я огорчен тем, что проступок совершен моим отпрыском, зато радуюсь тому, что провинился тот, кого я волен наказать отцовски. Эрнст, сын мой, ты слышал мою волю: отправляйся в Гейерштейн с утра, и позволь мне найти тебя совершенно иным человеком, когда я вернусь.

⁹⁵ Протазан – холодное оружие пехоты европейских армий в XIV – XVI вв.; представляет собой длинное копье с насаженным боевым топором.

⁹⁶ Ландскнехты – немецкая наемная пехота в XV – XVII вв., состоявшая из разорившихся дворян, крестьян и горожан, взамен утративших боеспособность рыцарских ополчений. Первоначально набиралась из жителей Тироля и Швабии. Желавшие поступить на службу получали аванс и обязывались прибыть в срок к месту сбора. Ландскнехты имели собственный суд из выборных представителей или всего личного состава полка. Тактику ведения боя они заимствовали от швейцарской пехоты. Это была прочная корпорация профессиональных солдат, прославившаяся грабежами и разбоями: банды наемников бродили по всей Западной Европе. Впоследствии слово ландскнехт стало нарицательным для наемных солдат вообще.

Юный швейцарец, весьма опечаленный и обиженный публичным назиданием, тем не менее преклонил колено и поцеловал правую руку отца, меж тем как Арнольд без малейшего признака гнева подарил ему свое благословение, и Эрнст, без звука, отступил за спины товарищей. Депутация тронулась по указанной им тропинке, в конце которой вскоре показались внушительных размеров развалины «Графской услады» – хотя было уже не настолько светло, чтобы с ясностью судить о них. Путешественники, однако, смогли заметить, когда несколько приблизились к замку, а ночь неотвратимо нависла над их головами, что три или четыре окна были освещены, меж тем как все остатки здания скрывались во мраке. Подойдя вплотную к замку, они обнаружили, что он окружен широким, заполненным водой глубоким рвом, угрюмая поверхность которого тускло отражала мерцающий в окнах свет.

Глава IX

Франсиско. Желаю доброй ночи вам.

Марцелл. До свидания, солдат.

Кто сменил тебя?

Франсиско. Ночи доброй вам.

Бернардо занял мое место.

У. Шекспир, «Гамлет»

ПРЕЖДЕ путешественники наши должны были перебраться через ров, и вскоре они заметили *tete-de-pont*,⁹⁷ на котором возлежал подъемный мост. Впрочем, он давно обвалился, и вместо него, видимо, совсем недавно, были положены еловые бревна, позволившие путникам преодолеть препятствие и достичь главных ворот замка. Здесь ими была обнаружена приотворенная под аркой калитка, допустившая их в сумрачный свод, которым они достигли залы, приготовленной наспех для отдыха путешественников.

Яркий огонь, жадно пожиравший сухие дрова в огромном камине, разведен был давно, поскольку зала, несмотря на ее внушительные размеры, хорошо прогрелась и излучала уют. В конце ее лежала куча дров, достаточная для того, чтобы поддерживать огонь в камине целую неделю. Два-три длинных стола стояли накрытыми для явившихся гостей; а в глаза бросилось несколько больших корзин на них, как оказалось, содержащих всевозможные закуски не требующие подогрева и готовые к немедленному употреблению. Взор славного золотурнского бюргера засиял от созерцания изымаемой из корзин и раскладываемой юношами на столах разнообразной снеди.

– Ну, – воскликнул он, – эти ничтожные базельцы спасли свою репутацию: холодный прием нам вполне заменит теплый ужин.

– Ах, друг! – опечалился Арнольд Бидерман, – отсутствие хозяина лишает вкуса его угощение. Лучше удовольствоваться половиной яблока из радушных рук, чем пировать за хозяйским столом без хозяина.

– Значит нам больше достанется, – заключил знаменосец. – Но речи их зажгли во мне сомнения. Не дурно б выставить охрану в ночь, и даже отрядить патруль бродить вокруг руин. Крепость здесь отменная, оборонять ее нетрудно, хоть тут базельцы не подвели. Однако, мои достойные собратья, давайте вначале мы осмотрим замок, а уж затем выставим охрану и вышлем патрули. – Все согласились с этим предложением. – Тогда за дело, молодые люди: тщательно обшарьте все развалины – они, быть может, не нам одним приютом служат, поскольку мы теперь в соседстве с теми, кто как лис, охотней рыщет ночью в поисках добычи, чураясь мест открытых.

Молодые люди разобрали факелы, что, благо, были приготовлены для гостей в достаточном количестве, и приступили к тщательному обыску древнего замка.

Часть замка была в гораздо большем запустении и сильнее обветшала, чем та, что граждане Базеля приготовили для размещения посольства. Кое-где крыша обвалилась, являя небу в общем и целом безутешную картину.

Слепящий свет факелов, блеск оружия, людские голоса и отзвуки шагов, исходящие от древних стен, спугнули и с шумом изгнали из мрачных укрытий летучих мышей, сов и прочих зловещих тварей, неизменных обитателей заброшенных зданий. Их громкое хлопанье крыльев и полеты по пустым залам поначалу нагнали страху на тех, кто слыша шум, не ведал о его причинах, а после, когда все прояснилось, оглушительный хохот изгнал и его

⁹⁷ Укрепление перед мостом (фран.).

из руин. Скоро юноши обнаружили, что глубокий ров окружает замок со всех сторон, и что внезапное нападение ниоткуда им не грозит, кроме как со стороны главных ворот, которые легко было забаррикадировать и охранять небольшим караулом. Также внимательным осмотром было установлено, что хотя и оставалась вероятность сокрытия среди руин немногих врагов, они не могли представлять хоть какую опасность. Обо всем этом было подробно сообщено знаменосцу, приказавшему Доннерхугелю выбрать по своему усмотрению шесть юношей и встать караулом вне стен замка до первых петухов, когда их сменит другой, такой же по численности отряд, который будет нести дозор до утренней зари, после чего и к нему явится смена. Сам Рудольф изъявил желание всю ночь напролет стоять на страже, и поскольку он был замечателен как своими силой и мужеством, так и строгим отношением к любому порученному ему делу, то за охранение можно было больше не беспокоиться до самого утра. Также условились, что в случае внезапного нападения звук швейцарского рога подаст сигнал для высылки подкрепления страже.

В самом замке тоже решили не пренебрегать осторожностью: страж у главных ворот должен был сменяться каждые два часа, как и двое других, поставленных с противоположной стороны замка, несмотря на то, что ров, казалось, здесь служил ему достаточной защитой.

Приняв все эти меры предосторожности, старцы стали приготавливать себе ночлег в лучшей части залы; а молодые с той же целью скромно принялись устраиваться в противоположном от них углу. Изрядное количество сена и соломы, вне всякого сомнения, оставленное базельцами для устройства ночлега, с помощью плащей и шкур было превращено в превосходные постели, что и было по достоинству оценено неприхотливыми горцами, нередко на войне или охоте довольствующимися гораздо худшим ложем.

Базельцы даже участливо приготовили для Анны Гейерштейн отдельную комнату, более удобную, чем та, что предназначалась для мужчин. Покои эти, вероятно бывшая кладовая, напрямую примыкавшие к большой зале, имели также еще и другой выход, в сторону руин, который, хотя и на скорую руку, был надежно завален большими грубо тесаными камнями, вывалившимися из стен замка: придавленные собственной тяжестью, они выложены были с таким расчетом, чтобы малейшая попытка разобрать кладку, мгновенно была бы услышана не только обитателями этих покоев, но и теми, кто находился в соседней зале, и возможно даже на противоположной ее стороне. Помимо того, в небольшой горнице, так прилежно обустроенной, имелось две грубо сколоченных кровати с соломенными тюфяками; в очаге пылал разведенный заботливой рукой огонь, и даже необходимость воздать должное Богу не была позабыта – небольшое бронзовое распятие висело на стене над столиком, на котором лежал молитвенник. Все это делало комнату уютной и располагающей к отдыху.

Обнаружившие первыми этот уединенный уголок, прибежали к остальным с громкими похвалами гражданам Базеля, проявившим при устройстве ночлега особенную чуткость по отношению к дамам.

Сердце Арнольда Бидермана было тронутو явленной заботой.

– Мы должны пожалеть наших базельских друзей и более на них не сердиться, – сказал он. – Все ж они добрые люди, и страх свой спрятали неглубоко. Это немало говорит в их пользу, милые друзья, ибо никогда так не проявляются истинные качества людей, как в трудную минуту. Анна, любовь моя, ты устала. Располагайся здесь, а Лизетта позаботится о вашем ужине и принесет все, что ты пожелаешь от общего стола.

С этими словами он препроводил племянницу в маленькую спальню, и, самодовольно осмотрев все кругом, пожелал ей доброй ночи; но в лице девы отразилось нечто, казалось, говорящее о невозможности исполнить дядюшкино пожелание. С той самой минуты, как она оставила Швейцарию, угрюмая задумчивость проявилась на ее лице; избегая общения,

на все вопросы она отвечала все более короче; облик ее был отмечен потаенной печалью и душевным волнением, что не укрылось от ландмана, который приписал такую перемену их скорой разлуке и тоске по местам детства, навсегда покинутым ею. Лишь только Анна Гейерштейн вошла в комнату, тело ее задрожало, румянец отхлынул с лица, уступив место смертельной бледности; она бессильно опустилась на одну из кроватей, положив локти на колени, а лицо на ладони, словно угнетаемая головной болью или иным каким недугом, чем нуждающаяся в безотлагательном отдохновении после утомительного путешествия. Арнольд, не знаток женских сердец, видя, как страдает его племянница, и, отнеся это на счет упомянутых нами выше причин, приумноженных нервным припадком из-за чрезмерной усталости, слегка пожурил ее за то, что она лишилась самообладания горцев, хотя ветер Швейцарии еще ласкает их ноздри.

— Ты не должна германским дамочкам и фладрским кумушкам позволить помышлять, что жены горцев родят не тех уж дочерей, что в дни былые, иначе нам придется повторить и Земпах, и Лаупен, убеждая императора и этого заносчивого герцога Бургундии, что наши люди имеют все тот же, пращуров, характер. А что до нашей разлуки, то я не сильно переживаю о ней. Брат мой, имперский граф, и вправду достойный звания того, непослушания не терпит, и потому послал он за тобой, чтоб всем явить исполненное право господина. Но я-то знаю: едва он только убедится, что ты по-прежнему подвластна его воле, как тотчас, ублажаясь, забудет о тебе. Забыть тебя? Увы, несчастное дитя! Иль думаешь, что смочь ему поможет в его честолюбивых планах, интригах при дворе?.. Нет-нет, ты не послужишь целям графа; должна ты приготовиться, когда вернешься, молочной фермой в Гейерштейне управлять, и быть любимой твоим мужиковатым дядей...

— Была бы божья воля, так лучше мне в сей час там оказаться! — воскликнула несчастная девушка, не в силах более сдерживать свои чувства.

— То невозможно, пока мы не исполним дела порученного нам, — отвечал ландман, поняв ее по-своему. — Приляг, Аннушка, отведай угощения, вина, и от твоей слабости следа не останется, и завтрашнее утро покажется столь же радостным, как и в прежние дни, когда от сна тебя пробуждала свирель.

Но Анна, сославшись на сильную головную боль, отказалась от ужина, вина, и пожелала дяде доброй ночи. Затем девушка попросила Лизетту поужинать вместе со всеми, дабы она могла спокойно заснуть, и умоляла по возвращению не разбудить ее нечаянно. Арнольд Бидерман, поцеловав племянницу, возвратился в покои, где его товарищи, как то велит обычай, терпеливо ожидали, не смея в его отсутствие начать расправу с содержимым базельских корзин, к которому юная поросль, уменьшенная патрулями, питала едва ли не больший интерес, чем седовласцы.

Вечерняя трапеза началась по знаку самого старшего среди депутатов представителя Лесов, осенившего крестным знаменем пищу. После чего путешественники принялись за дело с рвением, свидетельствующим, что пережитые ими события благотворно сказались на их аппетите.

Даже ландман, чья умеренность напоминала совершенную трезвенность, той ночью оказался более добродушен и речист, нежели обычно. Его лесной приятель, примерно следуя за ним во всем, ел, пил и безумолку говорил; в то время как других два депутата, придвинувшись к столу, в вине едва не захлебнулись. Старый англичанин, следивший за этой сценой внимательным и обеспокоенным взором, поднимал свой кубок лишь тогда, когда б то было неучтивостью. Артур покинул залу еще до начала ужина, и при этом произошло нечто такое, что обязывает нас немного вернуться во времени вспять.

Артур решил присоединиться к юношам стоявшим на часах у ворот или охраняющим замок с другой стороны, и даже имел некоторую договоренность относительно своего решения с Сигизмундом, третьим сыном ландмана. Но когда он украдкой бросил мимолетный

взгляд на Анну, перед тем как осуществить свои намерения, то нашел ее лицо безмерно мрачным, что заставило его забыть обо всем, за исключением смятенных мыслей о всевозможных причинах, вызвавших такие изменения в ней. Невозмутимость гладких бровей, взора, выражающего мысль и доброту, губ, всегда созвучных взгляду и столь же прямых, как те слова, что с них слетали, в час любой готовых явить душевность и открытость лежащих на сердце, – все полностью в образе и взоре, в осанке и манерах, вмиг изменилось в ней, и сотворить могла такое лишь небывалая причина. Усталость могла согнать румянец с лица красавицы; дурнота или приступ острой боли могли бесцветным сделать ее взгляд, нахмурить брови; но скорбь, глубокая в смятленном взоре из-под опущенных ресниц, и вздрагивающих, пугающих, невидящих очах, порою устремленных к небу, должна иметь исток совсем отличный. Никаким недугом, никакой усталостью невозможно было объяснить поведение ее губ, то трепещущих, то плотно сжатых, как будто бы она была погружена в накатывающее волнами жестокое и страшное, терзающее дух виденье, которое она усилием воли пыталась от себя отринуть. Чтобы случилась такая перемена, сердце девушки должно было впасть в глубочайшую грусть, пережив нечто невероятно дурное.

Опасно юноше взирать на красоту, что возжелала чарами его околдовать – взгляд, другой, и он у ног ее. Но куда опаснее узреть саму невинность, мгновение решает все, и вот он пасть готов пред нею на колени, моля всего о взгляде. Имеются умы, однако, готовые чрез меру сострадать, взглянув на горе юной красоты, спешат они утешить плачущую деву, переживая чувство, которое, как описал поэт, «вполне любви созвучны». Но духу романтическому и безрассудно смелому, присущему средневековью, вид непорочного и милого создания во власти ужаса и мук без *видимой* причины, возможно, был еще внушительней, чем красота холодная, или целомудренная, или скорбящая. Тогда ведь рыцарство не только в благородстве проявлялось, но и на прочих ступенях сословья, что чуть повыше простолюдыя. Изумленно юный Филиппсон, моргнуть не смея, смотрел на Анну Гейерштейн, испытывая к ней такое сострадание, такую нежность, что зала шумная за ним, казалось, сгинула, исчезла со всеми находящимися в ней, оставив лишь его с предметом обожанья.

Что же могло сокрушить столь крепкую, столь отважную душу, оберегаемую мечами, быть может, самых храбрых бойцов, что могли бы отыскаться в целой Европе, и стенами замка, кои и самой робкой девушке могли бы внушить покой? Верно, случись схватке, шум ее вряд ли ей был бы страшнее, чем рев водных стремнин, которого она не пугалась? «Должна же, – рассудил Артур, – она догадываться, что есть *некто*, кто из благодарности обязан защитить ее ценою своей жизни. О, Небо! – он взмолился. – Если было бы возможным открыться ей душой, ни красной речью, ни решительным видом, а сердцем о том, на что я готов для нее!»

Пока такие мысли неслись в его голове, Анна подняла свой взор, казалось, погруженный в некое видение; и, обводя им вокруг зала, будто бы опасаясь среди лиц ей милых узреть призрак, возвела его на Артура и встретила с его очами. И тотчас взгляд ее пал долу, а вспыхнувшие ярким румянцем щеки, выдали, как сильно она была смущена своим состоянием, не укрывшимся от глаз посторонних.

Артур, в свой черед, покраснел так же густо, как дева, и поспешил отступить в тень, чтобы скрыть от нее свое замешательство. Но лишь Анна, пылая, в сопровождении дяди удалилась в отведенный ей спальный покой, ему показалось, будто она унесла с собою из залы весь свет, и все погрузилось в мрак склепа. Его глубокие размышления еще были нацелены на ту, кто внушил ему тревогу, когда громкий голос Доннерхугеля вырвал его из небытия:

– Что, дружище, дорогой тебя так измотало, что ты стоя уснул?

– Бог свидетель – нет, Hauptman⁹⁸, – сказал англичанин, очнувшись от своей задумчивости и величая Рудольфа званием, которым юные стражи единодушно его нарекли. – Он не даст мне заснуть накануне боя.

– Где с петухами будешь ты? – спросил швейцарец.

– Там, благородный Hauptman, где долг или приказ ваш повелит, – ответил Артур. – Но, с вашего позволения, я бы желал сменить на посту Сигизмунда возле моста от полуночи и до рассвета. Он все еще чувствует боль от растянутых мышц, что с ним приключилась, когда он гонялся за серной, и я убедил его немного вздремнуть, не зная лучшего средства вернуть себе силы.

– Он хорошо сделает, приняв твой совет, если будет держать язык за зубами, – понизив голос, сказал Доннерхугель. – Старый ландман не тот человек, чтобы поверить такой чепухе, когда дело касается долга. Тому, кто служит под его началом, надлежит быть выносливым как бык, сильным как медведь, и как железо негибачимым и равнодушным к состраданиям.

– Я недолго в гостях у ландмана, – так же негромко, отвечал Артур, – но был свидетелем ни раз суровости его устоев.

– Тебе еще что, ты чужеземец, – сказал швейцарец, – старик слишком гостеприимен, чтобы хоть распорядиться тобой. К тому ж ты волонтер⁹⁹, и волен выбирать – участвовать тебе в нашей службе или нет. Потому нужно мне добровольное твое согласие со мною в караул.

– С этого часа я ваш солдат, – сказал Филиппсон. – И чтобы более не тратить время, подтверждаю свое согласие прогуляться с тобой на рассвете, когда меня заменят на часах у моста.

– Да выдюжишь ли ты? – спросил Рудольф.

– Я беру на себя, не более твоего, – сказал Артур. – Ведь ты тоже намерен не спать до утра.

– Истинно так, – ответил Доннерхугель, – но я швейцарец.

– А я англичанин!

– Я вовсе не то имел в виду, что ты подумал, – улыбнулся Рудольф. – Я только хотел сказать, что это дело касается нас гораздо больше, чем тебя.

– Я, конечно, чужой, – возразил Артур, – но пользуюсь вашим гостеприимством, и потому обязан делить с вами все опасности и заботы, пока мы вместе.

– Да будет так, – сказал Рудольф Доннерхугель. – Я закончу мой первый обход к тому часу, когда в замке сменятся караулы, и буду готов начать его повторно в вашей приятной компании.

– По рукам, – сказал англичанин. – А теперь я поспешу на свой пост, поскольку подозреваю, что Сигизмунд уже кастит меня за опоздание.

Они бодро зашагали к воротам, где Сигизмунд охотно уступил свое оружие и пост молодому Филиппсону, подтверждая тем самым подозрение, которое его лишь забавляло, что он ленивей всех в семействе ландмана. Рудольф не смог скрыть своего неудовольствия.

– Что бы сказал ландман, – строго спросил он, – если бы увидел, с какой готовностью ты уступил свой пост и оружие иноземцу?

– Он бы сказал, что я поступил правильно, – ничуть не смутившись, отвечал Сигизмунд, – поскольку всегда учит нас ни в чем не отказывать гостю. Артур – гость, и сменил меня на посту по собственной воле, а не по принуждению. Посему, разлюбезный Артур, коль ты решил променять мягкую теплую соломку и сладкий сон на мороз под белую луною, то я против ничего не имею. Но вот, что ты должен. Ты должен останавливать всех, кто попыта-

⁹⁸ Hauptman – атаман (Примеч. автора).

⁹⁹ Волонтер – доброволец.

ется войти или выйти без пароля. Если это случится, поднимай тревогу. Ну, а если то будут наши, ты их пропусти, и не поднимай тревогу, может случиться, что пошлют кого-нибудь с донесением.

– Чума одна тебя от лени избавит! – проворчал Рудольф. – Из всех твоих братьев ты самый ушлый.

– Значит, я парень с головой, – нашелся ленивец. – Послушай, Hauptman, ты ведь сегодня ужинал, не так ли?

– Голос разума, дубина, – ответил бернец, – велит не ходить в лес голодным.

– Если мудро есть перед работой, – рассудил Сигизмунд, – то не глупее выспаться пред ней. – Молвив так, отчаянно зевнув два раза, и выказывая товарищам свой недуг, страж похромал на отдых, вполне счастливый избавлением от докуки.

– Сколько бездарно растрачиваемой силы в его неуклюжем теле и дремлющем духе, – сказал Рудольф англичанину. – Но пора мне приступить к исполнению собственного долга. Сюда, друзья мои в дозоре!

Бернец сопроводил свои слова свистом, на который из мрака под сводами замка выступили шестеро молодцев, коих он загодя выбрал, и кто, наскоро поужинав, ожидали лишь зова его. Один или двое из них шли в сопровождении больших блаухаундов – чистопородных догов¹⁰⁰, которых хотя чаще использовали на охоте, но как сторожевые псы они служили не хуже. Один из этих псов, которого вел на поводке юноша, предвещающий движение прочих ярдов на двадцать, принадлежал самому Доннерхугелю и был удивительно ему послушен. Трое его товарищей следовали за ним в непосредственной близости, а двое других чуть поодаль. Один из них нес сигнальный горн бернца, сделанный из рога зубра, в который при нужде надлежало трубить тревогу. Этот небольшой отряд, перейдя через ров, направилась к смежному с замком лесу, который представлял лучшее укрытие, какое можно только представить, для вероятной засады. Луна поднялась высоко и была почти кругла, так что Артур, с возвышенности, на которой стоял замок, мог наблюдать за их медленным и осторожным продвижением в ярком серебряном свете до тех пор, пока они не затерялись в густом лесу.

Когда этот предмет перестал занимать его глаза, мысли юноши в эти одинокие часы вновь обратились к Анне Гейерштейн и странному выражению на ее лице, которое омрачало его прекрасные черты. К тому ее румянцу, который вмиг согнал с лица девы смертельную бледность при встрече их глаз... Был он вызван гневом или робостью... или иным каким чувством, более благосклонным, чем первое или более сокровенным, чем второе? Молодой Филиппсон, который, подобно чосеровскому оруженосцу, был «столь же скромн, как девица»¹⁰¹, с дрожью во всем теле не осмеливался расценивать девичье смущение как проявление к нему какого-либо чувства с ее стороны, чтобы не уподобиться самонадеянному куртуазному повесе, никогда не терзающему себя сомнениями в отношении своих успехов у прекрасного пола. И все-таки никакой красочный восход солнца или закат светила никогда в глазах юноши не был так прекрасен, как тот девичий румянец, что остался в его воспоминаниях. Ни один восторженный мечтатель или чувственный поэт не отыскал бы столько

¹⁰⁰ Блаухаунд (англ. bloodhound, blood – кровь; и hound – гончая) – древняя порода гончих, охотящихся по крованому следу, известна со средних веков; славятся самым тонким чутьем среди собак; эта крупная, мощная и умная, пригодная к сыску, собака напоминает догообразных собак, распространенных повсеместно, предками которых считают тибетских догов, первые упоминания о которых относятся к 1121 г. до н.э. – собак ростом с осла и применявшихся для охоты на диких быков. Позднее тибетские доги распространились на западе – греки вывели из них бойцовых собак, так называемых молосских догов, которые участвовали в завоевательных походах древних римлян в Европу, где, следуя за своими хозяевами – легионерами, в результате скрещивания с местными породами получились различные догообразные собаки: бульдоги, тибетские мастифы, немецкие и бордосские доги, далматины, ротвейлеры, сенбернары, ньюфаундленды, кавказская и среднеазиатская овчарки и т.д., но название «дог» сохранилось лишь за немецким догом.

¹⁰¹ Чосер Джеффри (1340—1400) – знаменитый английский поэт, автор «Кентерберийских рассказов».

причудливых образов во всем облачном небе, сколько всевозможных признаков благосклонности к нему почудилось Артуру в лице швейцарской девы.

И тут внезапная мысль о бесполезности поиска причин ее смятения вдруг оборвала его мечтания. Ведь они повстречались, чтобы скоро расстаться навсегда. Она могла лишь остаться прекрасным видением в его памяти, и он в ее запечатлется, как пилигрим из далекой страны недолгий срок поживший в доме ее дяди, с которым вряд ли могла бы она когда-нибудь увидеться вновь. Мысль, разорвавшая череду романтических и волнительных грез, была подобна гарпуну вонзенному в спину кита, спящего на водной глади, которую неистовство обратило в бурю. Площадка, где Артур нес караул и которую он мерил быстрыми шагами взад и вперед от края до края, вдруг стала тесной для него. Он стремительно двинулся через мост и, миновав *tete-du-pont*, очутился на другой стороне рва.

Тут, неподалеку от своего поста, он достаточно долго широкой поступью штурмовал некое пространство, будто поклялся за ночь как можно чаще его пересечь. Это физическое упражнение до некоторой степени остудило его и заставило напомнить самому себе о многих обстоятельствах, кои запрещали ему ввериться чувству к девушке, коей он был бесконечно очарован.

«В моей голове, – замедлив шаги и решительно водрузив на плечо увесистый протазан, думал он, – еще осталось достаточно здравого смысла, чтобы помнить о положении, в котором я нахожусь, и своих обязательствах перед родителем, а также о том бесчестии, что на нее навлеку, добившись любви по-настоящему доброй и милой девушки, с которой я никогда бы не смог связать свою судьбу и которой не смог бы посвятить всю мою жизнь без остатка. Нет, – сказал он себе, – она позабудет меня, а я привыкну думать о ней, как о райском видении, на миг озарившем наступление ночи, в какую жизнь моя превратится до могилы».

Подумав так, он остановился, опершись на оружие. И вдруг слеза, сорвавшись с ресницы, покатилась по его щеке, оставляя на ней горячий след. Но он поборол и эту жалость к себе, как до того обуздал более бурные и неподвластные чувства. Отогнав от себя уныние и душевную слабость, он тотчас воскресил в себе дух и чуткость строгого стража, и усердно понес на часах свою службу, о которой из-за бури разыгравшихся в нем чувств ненадолго забыл. Но каково же было его удивление, когда при свете ночного светила, будто при свете дня, узрел он, как от моста к темному лесу по широкой лунной дорожке движется дух девы Анны.

Глава X

*Бывает сразу не понять – мы спим или очнулись?
Все образы перемешались и столкнулись:
Кошмаром стала явь, сон – сбывшейся мечтой...
И мир иной порой желанней нам,
Когда случается поверить снам.*

Неизвестный поэт

ПРИЗРАК Анны Гейерштейн мелькнул мимо влюбленного юноши столь быстро, что бессильны мы то выразить словами. Но призрак был – в том нет сомнений. Когда юный англичанин, стряхнув с себя оцепенение и подняв голову, окидывал взглядом вокруг себя введенное ему пространство, он уж миновал мост едва не в двух шагах от стража, даже не взглянув на него, и заспешил прямо к лесу.

Это было невероятно, чтобы Анна Гейерштейн, знакомая с человеком, некоторое время жившая с ним под одной крышей, будучи его частым партнером на танцах и в играх, даже не взглянула на него, хотя прошла так близко. Ее взор устремлен был к лесу, коего она достигнув, скрылась среди зарослей прежде, чем Артур сообразил, как ему быть.

Первым его помышлением была досада на самого себя за то, что он не окликнул ее, и не узнал, кто заставляет ее в такое время отправиться по поручению одну, и, возможно, он смог бы оказать ей какую помощь... Эта мысль полностью овладела им, и он помчался к месту, где в последний раз видел среди деревьев край ее длинного платья, и, достигнув его, негромко, из опасения растревожить замок, стал звать ее, понемногу углубляясь в лес и заклиная, если она его слышит, откликнуться. Однако ничего в ответ; и когда лес сомкнулся вокруг и стал темнее ночи, недоступный лунному свету, он вспомнил, что покинул свой пост и друзей, доверившихся ему в опасности.

Потому, он поторопился назад, занять свое место у главных ворот, одолеваемый еще более тревожными думами, чем за час до начала его караула. Тщетно он себя вопрошал, с какой целью непорочная юная дева, чье поведение до сих пор представлялось в величайшей степени благопристойным, могла ни с того ни с сего покинуть убежище в самую полночь? Он сразу отверг, ибо скорее бы умер, мерзкие домыслы, и стал перебирать все вероятные причины, способные оправдать поведение девы Анны. Нет, она не могла сделать ничего такого, за что бы ей пришлось краснеть. Но сопоставив предшествующую этому событию ее взволнованность с неожиданным бегством из замка в одиночестве и без защиты в такой поздний час, Артур неизбежно должен был заключить, что к тому ее побудили некие убедительные, и, что более всего вероятнее, от нее не зависящие причины. «Я дождусь ее возвращения, – сказал он себе, – и, если она пожелает меня выслушать, я поклянусь ей, что жизнь моя всецело принадлежит ей одной, и я готов, как человек чести, помня сколь многим она для меня рисковала, умереть за нее. И это не просто слова, за которые порицают, не вздор пустой, а лишь та малость, что весит долга джентльмена».

Но едва юноша рассудил так, и, казалось, твердо решил исполнить задуманное, как бурный поток иных дум разрушил и захлестнул его уверенность. Он вдруг подумал, что Анна, быть может, отправилась в Базель, до которого было рукой подать, и куда прежде ее приглашали, и где дядя ее имел стольких друзей. Правда, час для цели такой был вовсе не подходящий, но Артур знал, что девы швейцарские не страшатся в одиночестве пути ночного, и что Анна могла бы среди отчих холмов при лунном свете преодолеть расстояние куда большее, чтоб навестить хворого или с иной какой добродетельной целью. И, стало быть, навязывать себя ей в провожатые было бы весьма неуместно и нескромно. И так как прошла

она мимо него в непосредственной близости, не принимая его во внимание, то очевидно, что она имела причину не желать встречи с ним, как вероятно и то, что поручение ее ничуть не связано с риском, и помощь его не нужна. В таком случае, при ее возвращении, ибо уходила она не прощаясь, долг джентльмена повелевает не подвергать ее поступки сомнениям, оставаться и далее «незамеченным», оставляя за ней ее право обнаруживать себя или нет.

Еще одно соображение, присущее тому далекому веку, и отнюдь его не смутившее, пришло ему на ум. Образ, представший перед ним, необыкновенно похожий на Анну Гейерштейн, мог быть *тенью* или одним из тех таинственных призраков, о которых во многих странах, и особенно в швейцарских и немецких глухих уголках, ходит столько преданий, большая часть коих была Артуру небезызвестна. Суеверие, помешавшее ему окликнуть *тень* девы, вполне естественно и легко объяснимо, если вспомнить, что от встречи с неведомым существом вся кровь в жилах стынет. Как тут не вспомнить предупреждение базельского сановника о старинном замке, посещаемого различной нечистью. Впрочем, хотя повсеместная вера в призраков и мешала англичанину не верить в них вовсе, все же своими наставлениями отец его, человек большого ума и не меньшей отваги, внушал ему с крайним недоверием относить к вмешательству сверхестественных сил все, что не может быть объяснено известными понятиями и жизненным опытом; а посему он решительно стряхнул с себя суеверный страх, на краткий миг вселившийся в него при виде ночного видения. Он решительно подавил в себе все смятенные домыслы по этому поводу и твердо, даже с нетерпением, стал дожидаться возвращения привидения, которое, если и не вполне развеет окружающий ее туман, но, может быть, приоткроет завесу таинственности.

Уверившись в оном, юноша стал прогуливаться туда и обратно в дозволенных стражу границах, не отрывая глаза от леса, в котором пропал любимый им образ, и едва ли осознавая в тот миг, что его долг, как часового, преследовал совсем иную цель, нежели ожидание возвращения девы. Но из этой забывчивости он был выведен отдаленным шумом в лесу, похожим на звон оружия. В мгновение ока вспомнив о долге, Артур занял позицию у моста, где противостоять врагу было лучше всего, и весь превратился в глаза и уши направленные приближающейся опасности. Бряцанье оружия и тяжелая поступь стали слышнее... и копья и шлемы замелькали промеж деревьев, отражаясь в лунном свете. И величественная статья Рудольфа Доннерхугеля, идущего во фронте, легко угадалась, возвестив нашему стражнику о возвращении караула. После их подступа к мосту, оклика и обмена паролями по всей форме, присущей службе военной, ратники Рудольфа один за другим двинулись в замок с командирским наказом пробудить ото сна товарищей, коим надлежит под его началом отправиться в караул и сменить Артура Филиппсона, чье время стоять на часах истекло. Что и было подтверждено низким, будто из-под воды, отдаленным боем базельских соборных часов, чей зловещий звук, перелетая через поле и лес, возвестил о том, что минуло полночи.

– Ну а теперь, дружище, – обратился Рудольф к англичанину, – когда тело после долгого бдения на морозце требует подкрепления пищей и отдыхом, не изменил ли ты своему прежнему выбору и готов прогуляться с нами подольше?

Воистину, если бы только Артур мог выбирать, он остался бы там, где стоял, чтобы дожидаться возвращения Анны с ее таинственной прогулки. И он легко отыскал бы подходящий случаю предлог, но не желал давать надменному Доннерхугелю ни малейшего повода подозревать его в том, что он уступит в храбрости или выносливости любому из горцев в карауле за стенами замка. Потому он, не колебаясь ни секунды, вручил протазан пошатывающемуся Сигизмунду, который притаился зевая и потягиваясь, ибо еще до конца не был сломан бессердечной побудкой его сладостный сон, сообщил Рудольфу, что верен остался своему прежнему выбору и готов отправиться с ним хоть куда. Они присоединились к остальным дозорным, среди которых был Рудигер, старший сын унтервальденского ланд-

мана, и когда они достигли опушки леса, Рудольф отделил трех стражей во главе со старшим Бидерманом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.